

Анна Бахтиярова

СЕКРЕТ ЗИМЫ

Глава 1. Снег посреди июля

«Проклятая жара», — мысленно проворчал эу Гарт Доввин, вытирая блестящую лысину платком. Одернул бирюзовый армейский мундир, под которым огромному животу приходилось тяжело, и грозно глянул на проводника-ту.

— Показывай дорогу! Шевелись!

Щуплый мужичок с оранжевым опознавательным браслетом засеменил между прилавками, в спешке натываясь на покупателей. Горожане принимались возмущаться, но, заметив армейца, отвечивали низкие поклоны. На рынок заглядывали бедняки, на них бирюзовая форма наводила ужас. Доввин тоже родился в семье небогатой, но об этом давно никто не помнил. Все армейцы-эу считались людьми важными и влиятельными.

— Долго еще? — гневно спросил Доввин пять минут спустя. Промокший от пота мундир противно прилип к спине.

— Почти пришли, эу, — мужичок снова уважительно склонился и ненароком задел зазевавшегося молочника-ру.

Торговец выпустил бутыл. Раздался жалобный звон, молоко стремительно брызнуло в стороны, веселые белые ручейки побежали по бирюзовым штанинам Доввина. Молочник рухнул к ногам армейца, утыкаясь в остроносые сапоги, и принялся отчаянно подвывать. По статусу он был выше проводника — плюс один цвет по «шкале радуги», и носил желтый опознавательный браслет. Однако армейца испугался до дрожи.

— Простите, доблестный эу! Клянусь последней коровой славного города Орэна, не имел злого умысла! Обещаю искупить вину! Буду каждый день поставлять вам в дом молоко бесплатно! Целый год! Нет! Всю жизнь! А после смерти обяжу детей и внуков!

— Пошел прочь! — от слезливо-заискивающей интонации Доввина передернуло, и он ногой оттолкнул молочника. В такую погоду страх и почтение бедноты не приносили привычного удовольствия. — Поднимайся! — прорычал он проводнику, приземлившемуся рядом с торговцем, и прошептал, чтобы никто не услышал: — Будь проклята жара.

Не важно, к какому из шести классов общества ты относишься. Роптать на погоду запрещалось всем обитателям людских городов — и вельможам-бу, и бродягам-шу. Под страхом пожизненного заточения в подземной тюрьме или смертной казни. Однако в последние полтора месяца народ не выдерживал и шептался о вздорном характере городовика Луда Крона, поссорившегося с Королем Лета.

А как еще объяснить безжалостную жару, обрушившуюся на Орэн? В остальных восемнадцати городах страны сезон проходил по обычному сценарию. В соседних Ласне и Юнитре не жаловались на недостаток дождей. Говорили за себя и сроки. Пекло началось второго июня — на следующий день после ежегодной встречи Короля Лета с городовиками. Наверняка, Луд Крон вызвал гнев Его Величества, и тот решил проучить правителя Орэна, а заодно и остальных жителей.

— Еще один поворот, эу, — услужливо заверил проводник-ту, видя, как Доввин вытирает лицо. Неугомонные капли пота бежали по щекам, как слезы.

Будь проклята жара! Эу надеялся сегодня отсидеться в крепости армейцев, где стены даже при высокой температуре на улице оставались холодными. Благодаря лени и изобретательности Доввин отвертелся от поездки с другими армейцами на мыловаренный завод. Трудяги просили разрешение временно перейти на ночной режим работы. Но вредный городовик уперся и добился забастовки. К заводским бунтарям присоединились работники двух соседних фабрик — по производству фарфора и сукна.

Однако высунуть нос из прохладной крепости довелось и Доввину. Пришло известие о смерти гадалки-шу. Кончина бродяжки не требовала вмешательства. Женщина отправилась в мир иной по естественным причинам. Но остался малолетний ребенок, заниматься судьбой которого имели право лишь армейцы. Раз коллеги воевали с фабричными бунтарями, Доввину ничего не оставалось, как самому ехать на центральный рынок — место, которое он люто ненавидел.

Здесь закупались продукты для любых столов. В первых рядах служанки богачей могли найти лучшую вырезку, свежайшую жирную сметану или овощи, едва собранные с полей. Но в глубине рынка, тянувшегося на кварталы в длину и ширину, прятались многие отбросы общества. Армейцы постоянно гоняли бродяг-шу, но те всегда возвращались. Торговцам требовались рабочие руки, а шу соглашались трудиться за кусок хлеба.

Если б не жара и нежелание находиться на рынке, обязанность решать судьбу ребенка, Доввина б

не тяготила. Он знал гадалку и помнил ее имя — Вирту. Внешне она была сущим пугалом — низкорослая с седыми, вечно лохматыми волосами и повязкой на слепом левом глазу. Но даром предвидения владела несомненно, в отличие от большинства шарлатанов, норовивших обвести вокруг пальца доверчивых горожан. Вирту не раз давала Доввину полезные советы, а за некоторые армеец был обязан гадалке по гроб жизни.

Первое эпохальное пророчество эу получил, когда тащил бродяжку в тюрьму, решив, что она лгунья и воровка.

— Не ходи в ночное дежурство, скажись больным, — проникновенно прошептала шу, прежде чем армеец захлопнул дверь темницы.

Доввин в сердцах сплюнул на пол и обругал гадалку. Однако в течение дня в мыслях не раз возвращался к предостережению. Убеждал себя, что Вирту — шарлатанка, решившая поквитаться за арест, но не мог. Страх просачивался в душу, тело покрывалось липким потом. Вдруг не обман? Никто не обещал, что истинная провидица должна быть красавицей и происходить из высших кругов.

Врать начальству не пришлось. Доввин перенервничал и свалился в лихорадке. Утром не выспавшийся армеец узнал, что с его сменщиком стряслась беда. Разнимая драчунов в трактире, парень получил ножом в грудь и скончался на месте. После такой новости взволнованный эу помог гадалке покинуть стены тюрьмы, а взамен получил обещание и в дальнейшем выручать его советами.

Да, Доввин был признателен Вирту, но проявить заботу о ребенке толкала не благодарность, а корысть. Вдруг дар матери переданся девчонке? Сейчас она слишком мала. В пять лет ни о каких предсказаниях речи быть не может. Но упускать маленькую бродяжку из виду нельзя. Поживет в приюте. Проявятся способности, эу найдет способ устроить ее судьбу. Нет, значит, станет поломойкой или прачкой, как и полагается шу, решившим приносить пользу обществу, а не бродяжничать.

— Пришли! — радостно оповестил проводник-ту, останавливаясь в тупике возле дыры в земле, прикрытой гнилой доской. — Девчонка прячется внизу. Выходи, — ту склонился над ямой, отодвигая заслонку. — Мари, за тобой пришел добрый дядя. Он тебя покормит. Хочешь пирожок?

Яма не издала ни звука. Угощение показалось недостаточной платой за свободу.

— Ты уверен, что девчонка там? — засомневался Доввин, заранее негодуя при мысли, что путешествие по жару окажется напрасным.

— Да-да, не сомневайтесь, — испуганно заверил ту и полез в яму, обещая, что сам достанет несговорчивого ребенка, пусть только эу не изволит гневаться.

Мужичонку поглотила чернота, внизу слышались приглушенные уговоры и сдавленный писк. Доввин неприязненно поморщился. Он ненавидел детский плач. Когда собственные дочери были маленькими, армеец страдал от мигреней и сбегал из дома при первой возможности. Едва проводник показался на поверхности, держа в охапку перемазанную землей девочку с черными нечесаными патлами и красным браслетом шу на запястье, малышка принялась реветь в голос.

— Успокой ее! — потребовал Доввин, испытывая острейшее желание заткнуть уши, но не смея этого делать из боязни показаться несолидным.

— Простите, — бормотал ту, одной рукой глядя девочку по голове, другой зажимая ей рот. — Мать учила Мари прятаться от эу. Она боится вашей формы. Ой! — вскрикнул проводник, тряся прокушенным пальцем. — Ай-ай-ай! Плохая Мари! Плохая!

— Прекрати балаган! — лопнуло терпение Доввина. Он оттолкнул ту, схватил девочку и хорошенько встряхнул. — Немедленно перестань кричать! — потребовал эу и осекся, встретившись с малышкой взглядом.

Армейца встревожил цвет глаз ребенка: холодный, бело-голубой. Доввин видел его, когда с другими эу сопровождал городовика Луда Крона в поездке во владения Королей Времен Года. Такого же оттенка были стены Дворца Зимы, потрясшего Доввина до глубины души. Огромный величественный Замок уносился вверх ледяными башнями. Стоя перед ним, армеец чувствовал себя букашкой.

Пока Доввин ошалело вглядывался сквозь грязевые разводы в правильные черты ребенка, совершенно непохожие на материнские, крики девочки усилились. Если бы армеец не чувствовал первые признаки надвигающейся мигрени, непременно позавидовал бы легким маленькой бродяжки.

— Прекрати! — приказал Доввин, понимая, что сам недалеко от истерики. — Перестань! Замолкни! — он тряс и тряс девочку, но приумножал страх, поселенный в детской душе предостережениями гадалки Вирту.

— Эу! Эу, остановитесь! — взволнованно заголосил ту.

— Не лезь! — гаркнул Доввин, решив, что ужас в голосе проводника вызван переживаниями за ребенка. Но вдруг сообразил, что ему больше не жарко, а к ту присоединился шквал испуганных голосов, грохот, мольбы и плач. Жители Орэна в спешке покидали рынок, бросая товар и покупки.

Доввин посмотрел на небо и ужаснулся. Сверху на «прожаренный» город сыпался снег. Белые мухи летели с бешеной скоростью, покрывая горячую землю пушистым ковром за считанные секунды. Духота и жар сменились ледяным Зимним ветром, бьющим по щекам морозными иголками. Эпицентр снежной бури расположился над головами эу и ребенка.

— Да будут благословенны Короли Времен Года! — закричал кто-то в соседнем ряду, надеясь молитвой остановить сошедшую с ума погоду. — Пусть небо дарует им долголетие и процветание! Да не иссякнет их могущество!

Доввин уставился на маленькую Мари. Девочка перестала плакать и смотрела на армейца серьезными глазами цвета Зимы.

— Эта гадалка — Вирту — появилась в Орэне года три-четыре назад, точнее никто не знает. Откуда — загадка, шу скрывала прошлое, — отчитывался Доввин, спрятав руки за спиной, зная о не красящей его привычке теревить край мундира в моменты волнения.

А сейчас армеец трясся, как осиновый лист. Еще бы! Оказаться во дворце Луда Крона! В его тронном зале. В присутствии гостей из Академии Стихий — школы, о которой в людских городах ходили легенды. Глянуть на нее одним глазком мечтали не меньше, чем на Дворцы Королей Времен Года.

— На месте матери *такого* ребенка я бы тоже помалкивала, — глубоким басом проворчала заместительница директора Академии Корделия Ловерта, облаченная в белое платье до пола, как и полагалось истинной дочери Зимы.

Ловерте было за сорок. Темные с проседью волосы она собирала в строгий узел на затылке, ледяные серые глаза смотрели с пренебрежением стихийницы, хорошо знающей о собственной исключительности. Эту женщину можно было бы назвать привлекательной, если б тонкие черты лица не портил орлиный нос, с шумом вдыхающий воздух. Обращаться к ней следовало «зу», по первой букве названия ее Времени Года — Зимы.

— Зу Ловерта, вы считаете, у ребенка дар? — спросил Луд Крон — высокий черноволосый мужчина, очень худой и мрачный.

Крону едва исполнилось тридцать лет, но лоб прорезали глубокие морщины. Как и всем бу (представителям высшего людского сословия) ему полагалось носить фиолетово-синий браслет — главных цветов по «шкале радуги». Но Крон и другие гороховики пренебрегали опознавательными «украшениями». Этих людей все и так знали в лицо.

— А вы думали, во Дворце Зимы решили прийти на помощь Орэну? — хмыкнула Ловерта, снисходительно покачав головой. — Ребенок пробил осаду Короля Лета. У девочки не просто дар. Она — стихийница высшей категории.

— Дочь шу? — скривил гороховик. — Если у ребенка дар, хотя бы один из родителей должен им обладать. Но какой уважающий себя стихийник свяжется с бродяжкой? Гадалка не отличалась ни родословной, ни красотой.

— Вы задаете бестактные и совершенно лишние вопросы, бу Крон, — осадил гороховика директор магического учебного заведения Эмил Буретта — полный, коротко стриженный пожилой мужчина в оранжево-красном костюме. Он был стихийником Осени, к нему обращались «осу». — Вам мало сложностей с Летним Дворцом? Хотите поссориться и с Академией?

— Вы правы, осу Буретта, — склонился в поклоне гороховик, но откровенно наигранном.

Академик предпочел не реагировать на фарс Крона, а заместительница презрительно фыркнула, процедив сквозь зубы что-то о людях, которые не понимают своего места и однажды горько за это поплатятся.

— Нам пора, — она высокомерно посмотрела в наполненные ненавистью глаза Луда Крона и распорядилась. — Прикажете привести девочку.

Служанка ввела Мари, и Доввин с удивлением отметил, что помытая и причесанная она выглядит иначе — тоненькой, изящной. Черные волосы струились по хрупким плечам, Зимние глаза блестели от великолепия вокруг, на губах играла довольная сытая улыбка. Никому и в голову не придет причислить ее к шу.

Мгновение спустя армеец думать забыл о Мари и тайнах ее происхождения. Некрасиво раскрыв рот, уставился на зеркало в человеческий рост на дальней стене. По гладкой поверхности прошла рябь, словно по воде, смывая отражение тронного зала Крона и показывая иное помещение — огромную библиотеку.

«Неужели «Путь Королей»? Тот самый?!» — мысленно восхитился Доввин, не раз слышавший о диковинке, через которую Повелители Времени Года посещали городовиков. Особенные Зеркала открывались только магам, простые смертные, как Луд, добирались во Дворцы своим ходом.

Корделия протянула девочке руку. Мари проникновенно посмотрела ей в глаза.

— Мама скоро вернется?

— Нет, дитя. Мама не вернется. Она отправилась в другой мир.

— Это хорошо, — неожиданно улыбнулась Мари. По-детски простодушно. — Мама говорила: она уйдет, а я вернусь домой. Вы меня туда отведете?

Корделия неуверенно кивнула.

Напоследок девочка обернулась, глянула на Доввина. Дядя в нехорошей форме больше не казался страшным. Мари чувствовала, теперь он сам боится. Они встретились взглядами, и эу кольнуло нехорошее предчувствие, что это не последний раз, когда его путь пересекается с юной стихийницей.

— Предполагаемое Время Года — Зима. Предполагаемая степень — высшая, — Корделия Ловерта заполняла личное дело новой ученицы, сидя в просторном кабинете, выходящим окнами на морской берег.

В первый год работы в Академии она повздорила с тогдашним директором, отвоевывая вид с восточной стороны Замка. Глава учебного заведения не мог взять в толк, почему заместительница предпочитает смотреть на море, а не на Дворец собственного Времени Года, отлично видимый с севера. Ловерта не собиралась никого просвещать о причинах необычного выбора и добила желаемого благодаря негибавшему упорству.

Ловерте осталось заполнить последнюю графу в деле Мари. Точнее, самую первую, но принципиально оставленную на потом. Но она медлила, мысленно возвращаясь к утреннему происшествию в Орэне. Пробыть осаду Короля в пять лет! Что же будет в пятнадцать?!

В дверь постучали. Корделия не сомневалась, что порог желает переступить директор нынешний, и не ошиблась.

Буретта обошелся без предисловий. Удобно расположился в мягком кресле напротив заместительницы и преступил к непростому разговору.

— Что вы думаете о ребенке, зу Ловерта?

Снежная июльская буря в Орэне взволновала два Дворца — Зимний и Летний. Правящий в сезоне Король Агуст Кьятта бушевал так, что в некоторых городах прошли внеплановые грозы, а в одном зафиксировали песчаную бурю. Король Зимы — Инэй Дората, напротив, не повел и бровью. Высокомерного мальчишку невозможно было ни удивить, ни смутить еще во время учебы в Академии. Заняв престол, он встречал любые новости с неизменным ледяным спокойствием.

Зато мать Инэя — Северина Дората, отличавшаяся темпераментом далеким от холодного, устроила Буретте скандал. Мол, как получилось, что по стране без присмотра разгуливал ребенок с такими способностями? Директор слушал отборные ругательства и деликатно помалкивал. Что, собственно, он мог ответить Королеве-матери? Что это ее блюстители стихийного порядка проворонили тайный роман одного из сыновей Зимы? За такие слова Северина Буретту б насмерть заморозила.

— Что вы хотите услышать от меня, осу? — не поднимая глаз на директора, Корделия принялась рыться в энциклопедии, чтобы подобрать для подопечной фамилию, не созвучную ни с одним из существующих Зимних кланов. Не ровен час, решат, что сироту пытаются приписать в родственницы.

— Ваши выводы, зу! — Буретта терпеть не мог, когда Ловерта уходила от ответа, заставляя его произносить вслух очевидное. — Неприятно признавать, но нахал Крон прав. Мы знаем, насколько высокомерны сыновья Зимы. Они кичатся статусом и никогда не посмотрят на женщину-шу. Никто из них не допустит подобных отношений даже под страхом смерти. Быть может, Вирту сама была стихийницей и тщательно это скрывала?

— Вздор, — небрежно бросила Корделия. Она по праву считала себя умнее Буретты и не упускала возможности подчеркнуть данное обстоятельство. — Шу предсказывала будущее, а погодный дар, как вам должно быть известно, не сочетается с провидением. Что до происхождения гадалки Вирту, я озаботила объединенную сыскную канцелярию. Пусть парни займутся полезным делом, вместо того, чтобы шпионить под нашими окнами в угоду четырем Дворцам.

Буретта понимающе хмыкнул. Нелюбовь к канцелярии роднила его с Корделией.

— Я рад, что вы занялись родословной девочки, зу, — проговорил он примирительно. Несмотря на нападки и недовольство Ловерты, директор прекрасно осознавал, что нуждается в ее советах, остром уме и железной хватке. Сам он был чересчур мягкотелым и не справился бы с управлением Академии без решительной и хладнокровной помощницы. — Меня беспокоит, что Северина Дората заинтересовалась ребенком. В последние годы Дворец Зимы испытывает дефицит в сильных стихийниках. Шанс заполучить высшую поданную Королева-мать не упустит. Но прежде чем Мари окажется в центре интриг, я не прочь узнать, чего ожидать от этой дочери Зимы. Не аукнется ли нам ее воспитание, зу?

— Вряд ли, — отмахнулась Ловерта, не желая произносить то, о чем думала весь день.

— Вы придумали фамилию ребенку? — спросил Буретта. — На конце должна стоять буква «а», как признак высшей категории силы.

— Разумеется. Ее фамилия будет — Ситэrra, — провозгласила Корделия пафосно, но разочарованно вздохнула, глядя на единственную незаполненную строку в личном деле новоиспеченной ученицы. По мнению Ловерты, имя Мари идеально подходило для простолюдинки, но не для стихийницы. Увы, ничего не поделаешь. Нарекли при рождении бараном, будешь всю жизнь пробивать стены лбом.

Справочник

Обращения к стихийникам зависят от времени года. По первым буквам.

Зима —Зу

Весна —Ву

Лето —Лу

Осень —Осу

А также:

Яу— юные стихийники до испытания по определению принадлежности и уровня силы.

Абу— сыщики из объединенной канцелярии.

Окончания фамилий стихийников зависят от степени силы.

А— Высшая.

И— Высокая.

Э— Средняя.

Согласная буквана конце (любая) — низкая.

Сословия в людских городах(бу, гу, ду, ру, ту, шу) — по алфавиту, опознавательные браслеты —по цветам радуги, но в обратную сторону. У вельмож бу браслеты двухцветные фиолетово-синие.

Эу— стражи порядка в городах. Подчиняются городовикам и пользуются огромным влиянием среди людей.

Глава 2. Жемчужина с платья Зимы

Девять лет спустя...

— Ш-ш-ш, — зловеще прошипел Ной Ури трем девочкам, отталкивающим друг друга локтями, чтобы лучше видеть его манипуляции. — Топаете, как слоны. Всю Академию перебудите.

Круглолицый мальчишка с густой шевелюрой соломенного цвета деловито орудовал шпилькой в замке резной белой двери.

— Не вы ли, господин аккуратность, чуть не уронили памятник Королю Бурану пять минут назад? — не удержалась от колкого замечания Далила Вилкок, постукивая ногтями по дверному косяку. — И вообще, — она дунула на рыжую челку, падающую на карие глаза, — долго нам тут торчать? Ты же хвастался, что управляешься одним движением.

— Это сложная дверь, — попытался оправдаться Ной и старательно повернул шпильку, но та вынырнула из замка целиком.

— Скорее, чье-то раздутое самомнение, — припечатала Далила, пока сокурсник краснел от ушей до пяток, торчащих из пушистых тапочек с помпонами в форме спелых ягод клубники.

— Пожалуйста, не ругайтесь, — пискнула Тисса Саттер — белокурая девочка, тоненькая, как тростиночка. Она была на два года младше остальных и редко давала друзьям указания, боялась, что выставят из компании. Но сейчас страх оказаться сцапанной преподавателями пересилил обычное смущение.

— Тихо! — яростным шепотом потребовала Мари Ситэрра, терпение которой грозило лопнуть в любую секунду.

Не хватало из-за дурацких перепалок проиграть спор! Над ними вся Академия будет потешаться. Дайра Норда из влиятельного Зимнего клана не упустит возможность поквитаться. Подловила на «слабо» накануне выпускного и с удовольствием сделает провал четверки всеобщим достоянием.

Под гневным взглядом бело-голубых Зимних глаз остальные притихли, и Ной занялся делом. От прикладываемых усилий он взмок и вытирал капельки со лба рукавом темно-зеленого халата с солнышком на манжете. Но процесс все равно не шел. Шпилька успела погнуться в двух местах, а дверь оставалась внушительной преградой на пути к желанной добыче. Девочки заподозрили, что внутрь им не попасть до Летнего солнцестояния, но замок вдруг признал поражение, печально скрипнул и открылся.

— Надо же! — изумился Ной, не понимая, как совладал с несговорчивым противником. Подозрительно глянул на покалеченную шпильку, затем на дверь, но не сумел выяснить причину победы. Получил пинок от Далилы и плюхнулся на четвереньки внутрь пустого кабинета Корделии Ловерты.

Над Академией только-только занимался рассвет, просторная комната тонула в полумраке, однако юные взломщики отлично знали расположение каждой вещи в помещении и смогли бы ориентироваться с закрытыми глазами. Слишком часто им доводилось здесь бывать для взбучек от заместительницы директора. Смотреть на зу Ловерту в моменты, когда она пышет гневом, опасно для здоровья, и ученики вволю нагляделись на обстановку кабинета.

— Ух ты! — Тисса приложила руки к груди, обнаружив то, зачем четверо друзей превратились в ночных воришек. — Светится!

— Конечно, столько жемчуга пришили, — с деланным презрением проворчал Ной, потирая место, куда пришлась острая коленка Далилы. Он бы и сам проявил восторг, но считал, что восхищаться гардеробом Зимы неприемлемо для детей других Времен Года.

Посмотреть было на что. Платье сидело на манекене, как влитое: белое, легкое, воздушное, словно сотканное из миллиона снежинок. Плотный верх расшили жемчугом от талии до высокого ворота, юбки наслаивались друг на друга и переливались. Казалось, они покачиваются, хотя все окна в комнате были закрыты наглухо. Работа портных Зимнего Дворца! Настоящее произведение искусства!

— Так и будешь стоять? — Далила уперла руки в бока и выжидающе посмотрела на потерявшую дар речи Мари. Та годами твердила о ненависти к родному Времени Года, а все равно застыла в подбострастном восхищении.

Звнящий от негодования голос подруги разрезал воздух острым кинжалом. Мари очнулась и

шагнула к наряду, присланному Ловерте для предстоящих выпускных праздников. Не удержалась, провела пальцами по едва ощутимой ткани и жемчужинам, излучающим холодный свет. Но быстро опомнилась и вытащила из кармана ножницы.

— Всего одну, — прошептала Мари. — Их тут столько, что никто и не заметит, верно?

Остальные закивали в унисон и, задержав дыхание, наблюдали, как подруга осторожно срезает жемчужину с платья заместительницы директора. Едва трофей и орудие порчи наряда исчезли в складках юбки Мари, все четверо ринулись к выходу. Они могли сколько угодно хвастаться, что не боятся авантюры, однако прекрасно понимали, чем чревато попасться с поличным, и мечтали поскорее оказаться в спальнях. Юные воришки не подозревали, что на пути вот-вот образуется препятствие. Закон подлости и страдающий от бессонницы ключник готовились нанести сокрушительный удар.

— Кто здесь? — раздалось из другого конца коридора. Старческий скрипучий голос прозвучал в тишине спящего Замка пушечным выстрелом.

— Гловер, — шепотом простонала Далила, хватаясь за сердце.

О вредном характере этого стихийника отлично знали все ученики. С ним невозможно было договориться. По слухам, старик за предложение взятки мог вытрясти душу. Желających проверить это утверждение на практике в последние годы в Академии не находилось. Ключник был старше коллег в два, а то и в три раза, но оставался на службе. За неподкупность и верность традициям Замка.

— Ш-ш-ш, — Мари приложила палец к губам и кивнула в сторону лестницы.

Появление Гловера, а не охранников, давало воришкам небольшой шанс. Старик был подслеповат, а темнота коридоров усложняла задачу в опознании нарушителей. Но, увы, луженое горло компенсировало отсутствие острого зрения.

— Ученики проникли в кабинет зу Ловерты! — заорал Гловер голосом, способным разбудить давно усопших Королей, памятники которым стояли этажом выше.

Бежать пришлось вверх по лестнице. Злосчастный кабинет заместительницы директора и ученические спальни разделяли десять этажей. А как все удачно начиналось! Зу Ловерта отбыла в Зимний Дворец ранним утром, чтобы вернуться на следующий день вместе с Королем Инэем, его женой и матерью. Охраны в Замке осталось немного — несколько стражников сопровождали Корделию и других трех преподавателей, отправившихся во владения остальных Королей Времен Года. Угроздило же вредину Дайру завести разговор о жемчуге с праздничного платья! Вот бы язык ей заморозить!

— Не могу! Ой, не могу! — твердил Ной, с невероятным трудом преодолевая очередной лестничный поворот.

Мальчишка не отличался спортивным телосложением. Дополнительную проблему доставляли тапочки, норовившие слететь с ног при каждом прыжке по каменным ступенькам. В конце концов, один тапок успешно реализовал подлую задумку и кувыркнулся вниз.

— Мама убьет, — простонал Ной и припустился быстрее, понимая, что пропажу не воротишь.

Тапки вместе с другими подарками мать презентовала ему на четырнадцатилетние две недели назад. Обувь вызывала у сокурсников хохот, но друзья знали, как Морта Ури не любила, когда сын терял или портил вещи. Особенно те, что она дарила на праздники.

— Немедленно остановитесь! — приказали четверьмя (или тремя?!) этажами ниже. Истошные призывы Гловера возымели успех, и к погоне подключился кто-то моложе и резвее.

Друзья и не подумали выполнять распоряжение. Наоборот, прибавили скорость. А казалось, второе дыхание не откроется.

— Что происходит? — грозно осведомился сверху еще один голос, вынудивший беглецов замереть каменными изваяниями, способными составить конкуренцию памятникам внизу. Он принадлежал отсутствующей в замке Корделии Ловерте!

«Катастрофа!» — пронеслось в опустевшей голове Мари. Так бездарно попасться за четыре дня до окончания Академии! Сегодняшняя ночь точно войдет в историю!

Воришки развернулись и побежали вниз. Во главе с Мари. Сообразили, что единственный способ выпутаться — спуститься на один этаж и добраться до запасной лестницы. Возможно, они бы успели и достигли спасительных спален, если б не чья-то неуклюжесть. Один из друзей — Мари не

разобрала, кто именно — умудрился поскользнуться и толкнуть ее между лопаток, а заодно стать препятствием для остальных. Так кубарем и полетели, отсчитывая ступени. Здорово приложившись подбородком об пол, Мари увидела мелькнувшие босые пятки Ноя и услышала смачный шлепок приземлившегося рядом второго ягодного тапка.

— Попались! — радостно крикнул подоспевший охранник, пока Мари спихивала рухнувшую на нее Тиссу.

— Молчать! — приказала Корделия Ловерта, хотя ни один из глядящих в пол учеников не издал ни звука. Попавшиеся друзья едва смели дышать. — Еще ни разу! Никто! Никогда! — от возмущения зумари никак не могла выразить мысль полностью, однако юные воришки прекрасно понимали все, что она хотела прокричать.

Они стояли в том самом кабинете, который неразумно рискнули вскрыть. Здесь добавилось света, как естественного, так и от зажженных прислужгой светильников. Освещение делало праздничное платье еще красивее, жемчужины сияли и переливались всеми цветами радуги. Добытый трофей сиротливо лежал на столе Ловерты. Расставшись с нарядом, одинокая жемчужина больше не блестела. Словно обладала разумом и хотела продемонстрировать, насколько варварски с ней обошлись.

— Как вам в голову взбрело? Откуда столько наглости? Молчать! — снова потребовала Корделия, хотя ученики, по-прежнему, не порывались просвещать ее о причинах неблагоприятного поступка. — И когда? Накануне испытания! Перед тем, как некоторым из вас предстоит переехать во Дворцы! Безумцы! А вы на что рассчитывали, яу Саттер? — спросила заместительница директора глотающую слезы Тиссу, сделав ударение на слове «яу». Это обращение применялось к стихийникам до испытания, подтверждающего их Время Года и уровень силы. — Думаете, заслужите прощение за два оставшихся года?

Тисса не ответила. Не посмела. Только слезинки пробежали по бледным щекам.

— А вы трое? — Корделия поочередно оглядела напряженные лица Мари, Далилы и Ноя. — Как думаете, я поступлю с вами? — она заговорила тише, проникновеннее, что напугало учеников сильнее криков. — Самым разумным было бы исключить вас из Академии и магического сообщества, отправить жить к людям.

— Нет! — испуганно запротестовал Ной, представив реакцию родителей, особенно матери, являвшейся не последней стихийницей во Дворце Лета.

— Страшно, яу Ури? — прошептала зумари зловеще. — Раньше надо было думать о последствиях.

— К чему крайности, зумари Ловерта? — деликатно кашлянув, вступился за проштрафившихся учеников директор Эмил Буретта, который до этого сонно наблюдал за происходящим из угла. — Можно просто...

— Молчать! — по привычке крикнула Корделия, но быстро спохватилась. — То есть, не предлагать наказания. Сама разберусь, — она криво усмехнулась, орлиный нос стал по-настоящему хищным. — Невозможность служить Временам Года станет трагедией для одного Ури. Вилкок вряд ли пройдет испытание, а Ситэрра на праздничном столе спляшет, если предоставить ей возможность не ехать в Зимний Дворец. Тьфу! — не удержалась Ловерта. — Не ученики, а сплошное недоразумение!

Звучало оскорбительно, но доля истины в словах Корделии присутствовала. Внушительная доля. Компания подобралась странная. Каждый и сам по себе выделялся в толпе учеников, а все вместе — подавно. Дружбы этой четверки в Академии не понимали. Друзья отличались по уровню силы и принадлежали разным Временам Года, хотя обычно школьники предпочитали общаться с равными по статусу.

Ной Ури был стихийником Лета. Предполагалось, как и родители, достигнет второй (высокой) степени силы. Меньшего они бы сыну не простили. Внешне парнишка выглядел увальнем — розовощекий, пухлый, невысокий. При одном взгляде на него окружающие делали вывод, что ждать свершений от этого неуклюжего подростка бессмысленно, и ошибались. Да, парню не грозили спортивные рекорды, зато сообразительностью небо его не обделило. Ною не раз приходилось придумывать, как друзьям выпутываться из передряг.

Тисса Саттер происходила из древнего Весеннего клана и обладала низшим — четвертым уровнем силы. В ее семье никогда не встречались выдающиеся стихийники, но это не мешало Саттерам занимать высокое положение во Дворце Весны. В лихую компанию Тисса попала три года назад, когда на глазах у изумленной Мари подбросила жабу в кабинет директора. Друзья посчитали этот «подвиг» веской причиной, чтобы позволить малолетке стать полноценным членом команды.

Далила Вилкок теоретически могла попасть на службу к трем Королям: Весны, Лета и Осени. Сама она стремилась оказаться в подданных Королевы Сентябрины. Однако понимала — шанс переступить порог любого из Дворцов ничтожен. Далила родилась на срединной территории, разделяющей Владения Королей и людские города — в смешанной семье. Отец был стихийником Осени и обладал средней степенью силы, поэтому носил фамилию, оканчивающуюся на «э» — Вилкоэ. Мать достигла того же уровня, ее родители происходили из кланов разных Времен Года — Весны и Лета.

Бурная смесь кровей не прошла бесследно — сила дочери опустилась на четвертую степень, а фамилия превратилась из Вилкоэ в Вилкок. Далила годами доказывала, что способна служить Королеве Осени. Но зачитывание учебников до дыр и повторение пройденного материала по ночам не помогали. Далила с ужасом ждала выпускного испытания. До сих пор было неясно, принадлежность к какому Времени Года преобладает в ее смешанной крови.

Не меньше тревожил надвигающийся выпускной и Мари Ситэрру. Она знала, какое Время Года ее избрало, но противилась неизбежному. Мари люто ненавидела Зиму и с радостью отправилась бы на срединную территорию. Однако прекрасно понимала: с первой степенью погодного дара единственная дорога — в Зимний Дворец. С такой врожденной силой не станет препятствием даже загадочное происхождение и кровь шу со стороны матери. Именно родословная была главной причиной неприятия Зимы. Мари понятия не имела, кто ее отец, но заочно презирала его. Боялась, что в каждом мужчине во Дворце будет видеть стихийника, бросившего ее на произвол судьбы.

— Я знаю, какие наказания вам назначить, — наконец, изрекла Ловерта, последние пять минут расхаживающая туда-сюда по кабинету. — Первое. Вы не пойдете на праздничный ужин, предшествующий испытанию. Второе. Выпускной бал для вас отменяется, — заместительница директора вздохнула и откашлялась, готовясь обрушить самое неприятное. — Саттер, до окончания Академии вы лишаетесь всех прогулок и поездок домой. За исключением каникул. Ури, перед службой во Дворце Лета вы три месяца отработаете на срединной территории. Вилкок, я не стану рекомендовать вас во Дворец Осени. Успех полностью будет зависеть от ваших способностей. Ситэрра, я не смогу выполнить вашу просьбу. Отсрочку от службы в Зимнем Дворце для решения личных проблем вы не получите. Это все. Вы свободны, яу.

Ловерта понимала — это не все. Она выбрала суровые наказания. За исключением младшенькой. Тисса услышит немало насмешек, но по сравнению с остальными, ее Ловерта пощадила. За юный возраст и зависимость от старших друзей. Зу понимала, чего лишает учеников, и жалела их, но поступить иначе не могла. Правила одинаковы для всех, а простить вторжение в собственный кабинет и надругательство над платьем, присланным в подарок Королевой-матерью, невозможно.

Никто не возразил Ловерте. Не возмущился. Не посмел просить о снисхождении. Ни один стихийник не вправе так низко опуститься. Они все гордецы, независимо от статусов и уровней. По спальням расходились в гробовом молчании, не показывая друг другу, какие ураганы бушуют в душах. Только Тисса тихо всхлипывала, не научилась скрывать чувства. Девочка сгорала от стыда. Дел натворили поровну, а поблажку получила она одна.

В постель лилового — нейтрального для всех Времен Года цвета, Мари прошмыгнула тихо, как мышка, чтобы не разбудить трех соседок, досматривающих последние сны. Поглощенная обрушившимся несчастьем она не заметила пристального взгляда. Ей и в голову не приходило, с каким нетерпением на одной из кроватей ждали возвращения. С победой или поражением — не важно.

Для коварного плана, зреющего в голове еще одной дочери Зимы — Верны Лоз, результат ночной вылазки не имел значения. Волновал сам спор Мари с Дайрой, а еще то, какую выгоду это принесет родному клану. Теперь замыслившая пакость девчонка пыталась определить настроение воровки, однако фигура, завернувшаяся в одеяло с головой, не давала абсолютно никаких подсказок.

Но неподвижность была видимостью. Мари крепко сжала зубы, чтобы не закричать от отчаянья, рвущего душу безумным зверем. Не стоило обманываться! Зу Ловерта не передумает, а результат испытания безродной ученицы так же хорошо известен, как и то, что в день выпускного бала наступает Лето. Ненавистный бело-голубой Зимний Дворец с уносящимися в небо башнями неотвратимо надвигался на Мари, грозя раздавить глыбами льда.

И смешно, и грустно. Дочь Зимы, грезящая о Весне! Мари не хотела создавать снегопады. Мечтала кормить птиц, готовящихся спеть первую в новом сезоне песню. Касаться хрупких почек на проснувшихся деревьях. Прогонять снег из лесов и полей, превращая сугробы в веселые ручьи. Она сама не понимала, почему Весна, а не Лето или Осень. Но часто видела себя во сне крутящейся перед зеркалом в зелено-коричневом платье этого Времени Года.

Весна была несбыточной мечтой, миражом, до которого не дотянуться. Мари это прекрасно осознавала. Она годами готовила себя к службе в другом Дворце — холодном и равнодушном, жаждущем сковать в ледяном плену. Мари смирилась с участью, уготованной насмешливой

судьбой, но прежде чем подняться по ступеням ледяного Замка, хотела пролить свет на тайну своего происхождения и попросила у Ловерты отсрочку.

Искать ответы Мари планировала в городе, где умерла мать — безродная гадалка Вирту, которую почти не помнила. Следовало узнать все возможное о бродяжке без прошлого. Проследить ее путь до Орэна и, если повезет, выяснить имя мужчины, которому обязана жизнью, но не заслужившего права называться отцом.

С мыслями о ненавистном стихийнике Зимы Мари провалилась в сон — беспокойный, наполненный событиями прошедшей ночи. Приснился падающий с неба жемчуг и кружащаяся под ним в замысловатом танце заместительница директора.

— Мари, проснись! Мари! — кто-то настойчиво тряс за плечо, вынуждая танцующую Корделию сгинуть прочь. — Вставай же!

— Отстань, — Мари оттолкнула взъерошенную Далилу, припухшие глаза которой свидетельствовали, что ночной провал не привиделся. — Не хочу ничего обсуждать.

— И не нужно, — обиженно поджала губы рыжая подруга, унаследовавшая внешность отца — бывшего подданного Осени. — У меня новости. Плохие. Ты все на свете проспала.

— Какие новости? — остатки сна растворились в круговороте тревожных предположений.

— Верна Лоэ сдала Дайру Норду, — с отвращением процедила Далила. Она ненавидела бесконечные интриги детей Зимы. — Рассказала Ловерте, что мы полезли в кабинет из-за спора. Зу теперь и с Нордой по квитается.

— О, нет, — простонала Мари, накрываясь с головой.

Только этого не хватало! Наказанная по ее вине родственница Короля, пусть и дальняя — отличная прелюдия перед переездом во Дворец!

Глава 3. Замороженный праздник

Мари сидела на подоконнике и наблюдала за подъезжающими к Замку гостями. С высоты четырнадцатого этажа они казались муравьями. Отсюда и не скажешь, что каждый происходит из влиятельнейших семей, а кое-кто — из Королевских. Посещать Академию в первый день выпускных праздников разрешалось лишь избранным.

Раньше всех из правящих кланов прибыл Осенний — Орса. Во главе с престарелой Королевой Сентябриной. Принцы Злат, Ноябрьрин и Ливэн давно обзавелись собственными детьми, а кое-кто и внуками. Но мать правила сама и шутила, что в фамильный склеп ее унесут с трона. Она имела такое право. Сентябрина не выходила замуж за представителя Королевской семьи, а сама происходила из нее. Взошла на престол, потому что у отца-Короля не было сыновей.

Мари с удовольствием бы спустилась ниже, чтобы лучше видеть наряды благородных визитеров, особенно дам, однако сегодня не рискнула бы выйти из спальни ни под каким предлогом. Причиной несвойственной усидчивости стало не распоряжение Ловерты. Гораздо больше ее гнева Мари опасалась встречи с главой клана Норда — Реймом. Папочка спорщицы Дайры проклинал несговорчивость заместительницы директора и грозился разобрать Академию на камни.

Но Ловерта не была бы Ловертой, если б передумала и сделала исключение для несносной девчонки. Неважно, кровь скольких Королей текла в Дайре Норде. Корделия запретила ей являться на праздничные мероприятия и менять решение не собиралась. Родителям наказанной выпускницы предстояло сидеть на ужине, предшествующем испытанию, без дочери и краснеть за ее поведение перед Королевской семьей и другими важными Зимними кланами.

К главному крыльцу, выходящему на восточную сторону Замка — там, где простиралось море, подъехала коричневая карета, украшенная листьями и цветами. Мари громко ахнула и прижалась лбом к стеклу. И кто решил три столетия назад построить такое высоченное здание? Впрочем, она отлично знала — кто. И почему. Исторический курс ученикам преподавали с особой тщательностью, граничащей с остервенением. Педагоги считали, что стихийники обязаны знать историю магического сообщества и собственной альма-матер в деталях. И гордиться ею.

Но вовсе не гордость стала причиной возведения лилового Замка в семнадцать этажей, а нежелание уступать Королям, ведь Дворцы Времен Года уносились высоко в небо. Будущие руководители Академии посчитали, что она не должна выглядеть букашкой, зажатой стенами четырех Замков. Повелители согласились, но настояли, чтобы учебное заведение было чуточку ниже их хором — на два этажа.

Гораздо больше споров вызвало местоположение Академии. Короли желали, чтобы она стояла на равном расстоянии от их жилищ, вплоть до шага, а каждая сторона здания «смотрела» на один из Замков. Юным стихийникам полагалось постоянно лицезреть родные Дворцы. Но педагоги воспротивились. Официально ни один ученик не являлся собственностью Времен Года до испытания, даже если природа силы не вызывала сомнений.

После многочисленных споров восточную сторону Замка, где и разместили ученические спальни, сделали нейтральной. С севера от Академии расположился Зимний Дворец, с юга — Летний, а Весеннему и Осеннему пришлось довольствоваться правым и левым углами с запада. Два Короля кипели от негодования, но академиков это мало трогало. Постепенно все примирились с существующим раскладом, ведь удаленность учебных стен от будущего места службы не влияло на качество подготовки учеников.

— Кто там? Гости из Зимнего?

Мари, не ожидавшая появления за спиной Тиссы, звонко ударилась лбом о стекло. Одним из достоинств младшей участницы лихой компании была способность передвигаться бесшумно, но сейчас она оказалась не к месту.

— Нет, из Весеннего, — раздраженно пояснила Мари, потирая новую болевую точку, добавившуюся к пострадавшему накануне подбородку.

— Можешь не стараться, — белокурая девочка проворно взобралась на высокий подоконник одним прыжком. — Весты не будет. Наши от досады с утра на ушах стоят.

— Как это?! — Мари снова едва не приложилась о стекло — на этот раз виском. Удивленно глянула на подругу и, не поверив, снова приклеилась к окну.

— Объявлено: Король Мартэн прибывает один. Без Принцессы, — отчеканила Тисса, обиравшись, что ее не сочли достоверным источником. — Говорят, Веста больна, хотя официально Весенний Дворец этого не подтверждает.

— О, нет! — простонала Мари, убедившись в правоте подруги. Мартэн вышел из кареты в гордом одиночестве, поприветствовал встречающих внизу обитателей Академии и ловко взбежал по длинной лестнице.

Мартэн и Веста Флорана были близнецами, однако подданные Весеннего Дворца больше любили Принцессу, нежели Короля. И не они одни. Веста — стройная, зеленоглазая, черноволосая — слыла эталоном красоты для детей всех Времен Года. Она всегда отличалась спокойствием, приветливостью и немногословностью, в отличие от брата, который взрывался по любому пустяку и обожал разглагольствовать перед публикой. У Принцессы искали защиты попавшие в немилость подданные. Ее хотели видеть почетной гостьей на праздниках. Перед ней склоняли головы в истинном почтении, а не в вынужденном, как перед Королем Мартэном.

Мари, как ярая поклонница Весны, тоже восхищалась Принцессой, но никогда не видела ее вблизи. Веста приезжала в Академию лишь на испытания и выпускные праздники, куда ученики младших курсов не допускались. В этом году у Мари появился единственный шанс предстать перед Принцессой лично, а та взяла и осталась дома.

— Поговаривают, Мартэн и Веста поссорились из-за свадьбы, — поделилась новой сплетней Тисса. — Принцесса не одобряет выбор брата.

О предстоящей свадьбе Короля ходило много слухов. В секрете долго держались любые подробности — от личности невесты до даты торжества. Недавно стало известно, что супругой Короля станет Элла Монтрэ, имя которой даже не значилось в списке предполагаемых избранниц, а бракосочетание состоится в конце Лета. Новость удивила многих. Подданные знали, что Веста недолголюбит клан невесты, и женитьба Мартэна пошатнет ее положение. Супруга Короля по статусу выше сестры, а раз между женщинами наметилась прохлада, в будущем в Королевском семействе грозила развернуться настоящая война.

— Папа рассказывал маме, Мартэн насмехается, — поморщилась Тисса, раскрывая очередную «тайну». — Мол, Весте самой давно пора замуж, а Короля должна сопровождать жена, а не засидевшаяся в девках сестра.

— Это ревность, — сердито отозвалась Мари, глядя, как с северной стороны к Замку подъезжает белоснежная карета Зимы. — Мартэна злит популярность Весты.

Мари недолголюбила Короля Весны, а что до возраста Принцессы... Да, брату с сестрой вовсе за тридцать, но ведь Веста однажды чуть не вышла замуж. До сих пор никто не знал, почему Ее Высочество передумала в последний момент и отменила свадьбу.

— А вот и старшенькая Лоз, — презрительно заметила Тисса, впечатываясь лицом в стекло.

— Теперь она Королева Дората, — усмехнулась Мари, тщетно пытаясь рассмотреть сверху платье Ее Величества Хлады. — Неудивительно, что клан Норда бесится.

Хлада — сестра ябеды Верны Лоз стала супругой Короля Инэя в начале Зимы. Точнее, второй супругой. Первая — Лирана, умерла три года назад, не подарив правящему клану Зимы наследника, что страшно огорчало Королеву-мать. Четырнадцать лет назад Северина Дората в один день потеряла мужа Короля Бурана и младшего сына Принца Снежана, в котором не чаяла души. Пришлось горюющей женщине довольствоваться первенцем — Инэем, отношения с которым никогда не отличались теплотой.

Старший сын и дальше не избавил мать от разочарований. Прожив в законном браке восемь лет, не сделал ее бабушкой. Едва закончился траур по почившей Королеве Лиране, Северина принялась искать Королю новую жену, опасаясь, как бы род Дората не прервался. Выбор пал на Киру Норду — старшую сестру спорщицы Дайры. Этот клан славился стихийниками с высшей степенью силы. Кроме того, мать невесты приходилась Северине двоюродной племянницей. Однако Инэй слышать не захотел о Норде и сделал официальное предложение клану Лоз. Как поговаривали, чтобы досадить матери, а не из-за большой любви к Хладе. Инэй не был способен на возвышенные чувства, а в груди у него вместо сердца застыл кусок льда.

— Гляди, Кьятта приехал! — скривилась Тисса. — Вышагивает, как петух! И опять без жены!

Мари хихикнула. Король Агуст был известным ловеласом и предпочитал оставлять супругу Росанну с многочисленным потомством во Дворце Лета.

— Сами вы курицы, — обиженно пробурчал подошедший Ной, оскорбившись из-за насмешливого отношения к своему Королю. — И сплетницы! Далила единственная занимается перед испытанием. Не то, что вы!

— Тиссе его через два года проходить, — Мари с удивлением обнаружила на ногах Ноя оба потерянных накануне тапка. — А я завтра всех заморожу и сбегу.

Ной не понял, шутит подруга или говорит серьезно, зная, что от Мари можно ожидать чего угодно. Предпочел не задавать вопросов, а удовлетворить любопытство, светящееся в бело-голубых глазах.

— Обувь зу Ловерта вернула. Сказала, не простит себе, если мама зажарит меня заживо.

Утром в Замок прибыли новые гости — родители выпускников из менее именитых кланов. Каждый жаждал пожелать отпрыскам успехов на испытании. На четырнадцатый этаж, несмотря на бдительность охраны, то и дело просачивались взволнованные мамы или папы. Они давали чадам наставления, подбадривали, заранее вручали подарки по случаю окончания Академии.

Морта Ури — розовощекая и пухленькая, как сын, вогнала Ноя в краску, напав на голову зеленую шляпу, увешанную вишней и малиной. А заодно хорошенько оттаскала сына за уши в наказание за операцию под названием «жемчужина». Материнский подарок пришелся кстати — широкие поля головного убора отлично скрывали пострадавшие и раскрасневшиеся уши Ноя.

На ученическом этаже и без родителей царил жуткая суеда. Стихийники с младших курсов весело обсуждали наряды Королей и Королев, спорили, кто выиграет соревнования по количеству новых подданных, делали ставки. Выпускники, ради которых затевалось мероприятие, бледнели, краснели и зеленели. Одни падали в обморок или были близки к этому — закатывали глаза и ходили по стеночке. Другие судорожно листали учебники и отрабатывали практические навыки, вызывая то дождь, то снег. На осадки никто не обращал внимания. Не к такому привыкли за годы учебы.

Одна Мари не принимала участия в массовой нервозности. Не видела смысла. Ей не требовалось обладать даром матери — одноглазой гадалки Вирту, чтобы предсказать исход сегодняшнего вечера. Без пяти минут подданная Зимы весь день провалялась в постели, раздумывая о безрадостном будущем в заочно ненавидимом Дворце. О будущем без друзей, ведь послезавтра пути четверки разойдутся.

Пару раз мелькнула мысль о вчерашней шутке. Не о той части, где Мари обещала всех заморозить, а о побеге. Но идея показалась нелепой и детской. Бежать некуда. От сыщиков объединенной канцелярии, которых непременно пустят по следу, невозможно спрятаться. Глаза защипало, но такую роскошь, как слезы, она не могла себе позволить. Оказавшись в Академии, Мари быстро поняла — плакс здесь не любят. Ученики могли проявлять слабость лишь в кругу семей (и то не всех), а раз в распоряжении не имелось ни одного родственника, пришлось тренировать волю.

С кровати Мари поднялась вечером, когда настал черед предполагаемых детей Зимы отправляться на испытание — в этом году по жребию последними. Застегивая лиловое школьное платье, она хмуро разглядывала в зеркале отражение худого лица, опущенные уголки губ, усталые глаза ненавистного бело-голубого цвета. Единственное, что ей нравилось в собственной внешности — густые черные волосы, несвойственные подданым Зимы, почти поголовно блондинам.

На лестнице Мари столкнулась с Ноем, перепрыгивающим через ступеньку.

— Вторая степень! — гордо сообщил он, забыв о наложенных зу Ловертой штрафных мерах и материнском гневе.

— Поздравляю, лу Ури! — Мари от души пожала другу руку.

Ной зарделся, обращение ему польстило.

— Как Далила? Получилось с Осенью?

— Понятия не имею, — пробормотала Мари, сообразив, что подруга не вернулась на четырнадцатый этаж после испытания. А ведь «незримые», как называли в Академии учащихся с неявной принадлежностью, ушли «сдаваться» первыми. — Ной, найди ее! — велела Мари, мысленно ругая себя последними словами.

Она утонула в плохом настроении и забыла о подруге. Сердце защемило от нехорошего предчувствия. Наверняка, результат испытания расстроил Далилу. Хорошо, если она спряталась в потайном углу Замка и ревет навзрыд. А если что похуже? Стихийник в растрепанных чувствах, пусть и четвертой степени — проблема не для слабоверных.

— Сейчас Тиссу позову, — пообещал Ной и на прощание сжал ладонь Мари. Желать удачи показалось неуместным.

Своей очереди в просторной комнате, прилегающей к главному залу Академии, пришлось ждать почти два часа. Большинство предполагаемых детей Зимы претендовало лишь на третью и четвертую степень. На второй уровень рассчитывал один ученик — долговязый блондин Дронан Лили. Когда-то, узнав о силе Мари, он хотел с ней подружиться. Но встретил отпор и оставил

попытки до лучших времен. Вот и сейчас парень кивнул, но заговорить не рискнул.

Подтверждать первую степень предстояло Мари и Дайре. Никого не удивляло, что обе не сидят на месте и расхаживают туда-сюда по комнате. Кудрявая блондинка Дайра сходила с ума от волнения, то и дело вытирая со лба капельки пота. Мари больше нервничала из-за пропавшей Далилы. Сердце подсказывало, что у подруги неприятности. А собственное испытание... Подумаешь! Сюрпризов точно не будет.

Мари глубоко погрузилась в тревожные мысли, позабыв, где находится, и пропустила неладное. Из главного зала после испытания вернулась Дайра Норда. С заплаканными глазами и перекошенным от злости лицом. Яростно глянула на редеющую очередь учеников, заметила давнюю неприятельницу и...

Мари не успела опомниться, в плечи больно ударили кулаки Дайры.

— Я тебя уничтожу! — кричала та, задыхаясь от рыданий. — Будешь оборачиваться на каждый шорох, безродная шу!

Отбиваться не пришлось. Извивающуюся Дайру оттащили охранники. Провожая ее потерянным взглядом и слушая проклятия, Мари не заметила приглашение на испытание. Опомнилась, получив толчок в спину от ключника Гловера.

В угловую дверь Мари вошла на негнувшихся ногах, не понимая, что стряслось с Дайрой, и при чем тут она. Отвесила поклоны поочередно четырем сторонам, где сидели почетные гости всех Времен Года, и прошла в большой стеклянный куб посередине зала. Земля внутри была мокрой и холодной, пережив за последние часы множество дождей и снегопадов.

Куб появился в Академии полвека назад. Прежде Короли и педагоги стойко переносили десятки погодных катаклизмов, насылаемых выпускниками. Экзаменаторы вымученно улыбались, сидя то мокрыми, то вспотевшими, то продрогшими насквозь, и старались незаметнее скрежетать зубами. От осадков и холодов не спасали ни зонты, ни шубы. К счастью, академикам пришла в голову гениальная идея — отгородить разбушевавшуюся молодежь от невинных зрителей.

Мари отключилась от мыслей о Далиле с Дайрой и сосредоточилась на испытании. Опустошила голову и ощутила прикованные взгляды. Внимательнее других ее разглядывали два гостя. Король Агуст Квятта хмурился, не забыв имя девочки, разрушившей «осаду» Орэна девять лет назад. Королева Северина Дората жаждала подтверждения высочайшей силы будущей подданной. От нетерпения Ее Величество постукивала толстыми пальцами по подлокотнику кресла.

Мари поежилась, но не удержалась — обвела быстрым взглядом почтеннейшее Зимнее семейство. Королева-мать напомнила большую паучину в центре сплетения липких подрагивающих нитей. Она жаждала контролировать все и вся. Бледно-голубые глаза Северины (темнее, чем у Мари) прищуривались, готовясь среагировать на любую, даже едва ощутимую, вибрацию паутины.

Хлада на фоне грузной свекрови смотрелась выигрышно — худенькая, хрупкая, легкая. Серебристые волосы парикмахеры уложили в затейливую прическу, открыв высокий лоб. Но в глазах нежного сиреневого цвета новоиспеченной Королевы затаилась грусть. Хлада несчастно посмотрела на мужа, не замечающего ее присутствия. Инэй нарочно навалился на противоположный подлокотник, чтобы держать дистанцию.

Выглядел Король не на шутку злым. Синие глаза покрылись коркой льда. Причиной тому стала не супруга, а Король Мартэн, в сторону которого Инэй то и дело косился. О вражде этих двух представителей Зимы и Весны ходили легенды. Зародилась она, по слухам, в детстве, едва Принцы в один год поступили в Академию. Поговаривали, здешние стены сотрясались от их ссор, а Буретта с Ловертой на радостях устроили для педагогов пирушку, когда неприятели доучились и разъехались по Дворцам.

Оторвав взгляд от красивого лица Короля, в которого влюблялись многие дочери Зимы в тщетной надежде растопить айсберг в груди, Мари закрыла глаза. Сконцентрировалась, позволила силе свободно гулять по телу, легко достигая кончиков пальцев. Выждав несколько секунд, стихийница подняла руки и принялась плести сложный узор. Но вовсе не Зимний. Наплевав на последствия, Мари попробовала сделать то, о чем мечтала с тех пор, как поняла, что умеет управлять погодой — вызвать Весенний ливень.

Попытка была не первая. И, наверное, не пятисотая. Мари годами вызывала метели в каждом уголке Академии, пробуя создать что-нибудь мало-мальски похожее на дождь. Она сама не могла объяснить, что заставило рискнуть сегодня — на глазах у десятков высокопоставленных стихийников. Возможно, сказалось отсутствие Принцессы Весты или паучья внешность Королевы Северины, желающей заполнить в сети новую жертву.

Представился лес, распрощавшийся с бахромой сугробов, просыпающийся, стряхивающий остатки

сна. Как наяву, Мари увидела солнце, прогревающее стволы деревьев, изголодавшихся по теплу. Услышала звонкие голоса птиц, оповещающие мир о конце холодов. Дождь будет теплым, питающим корни растений, дарящий желанную влагу всему живому.

Мари почти поверила, что близка к исполнению заветной мечты, но в голове вдруг родился еще один образ, который она не придумывала для леса — море подснежников. Они почтительно склонились перед юной стихийницей. Но вызвали такую тоску, что захотелось закричать, забиться в самый дальний угол, какой отыщется, и плакать, плакать, плакать.

Температура понизилась. Кто-то вскрикнул. От страха, удивления или гнева, Мари не разобрала. Открыла глаза и ужаснулась. Дождя не получилось. Куб безоговорочно доказал, что ее Временем Года была и оставалась Зима. Продемонстрировал это во всей красе и погиб, подчиняясь воле невероятно сильной стихийницы. Повсюду лежали замороженные осколки стекла, пол покрылся толстым слоем льда, а в зале разыгрался настоящий буран. Подгоняемый шквалистым ветром снег беспощадно хлестал экзаменаторов по раскрасневшимся щекам, пробирался за воротники, мешал дышать.

Стихийники в панике соскочили с кресел. Ругаясь друг на друга, они пытались выбраться наружу, образовав у единственной незапертой двери шумную очередь. Лишь семейство Дората не сдвинулось с места. Королева Хлада в надежде поглядывала на выход, но не смела подняться раньше мужа и свекрови. Северина не обращала внимания на замешательство невестки, с нескрываемым ликованием смотрела на Мари. Король Инэй не выказывал восхищения, но заинтересовался новой подданной, озадаченно рассматривал ее, поглаживая подбородок.

Общий гвалт перекрыл голос Корделии Ловерты, вышедшей на середину зала, уперев руки в худые бока.

— Мари Ситэрра! Я доживу до момента, когда ты хоть что-нибудь сделаешь, как требуется?!

Юная стихийница, превратившаяся в полноценную дочь Зимы, вжала голову в плечи, мысленно гадая: считать испытание великим успехом или провалом тысячелетия?

Мари не нашла ответ на этот вопрос. Не замечая благоговейного шепота вокруг, добралась до спальни, где в нетерпении ждали Ной и Тисса.

— Ну ты... Ну вообще... — только и смог выдать Ной, успевший наслушаться об испытании Мари. Академия сходила с ума. Разбить куб! Такое еще никому не удавалось!

— Ну ты сильна! — закончила мысль приятеля Тисса, взирая на старшую подругу взглядом полным обожания.

— Дайра удавится! — довольно изрек Ной, всегда недолгоблюдающий представительницу влиятельного Зимнего клана.

— Что с Нордой? — спросила Мари, опускаясь на пол. Память услужливо нарисовала зареванную соперницу, пытавшуюся ее поколотить.

— С Нордой? — усмехнулся Ной, постукивая кулаком по спинке кровати. — Нет уж! Она теперь Норди! Вторая степень. И та с натяжкой.

— Что-о-о? — Мари не верила ушам. — Как это?

— Ее вечно надутый папочка задается тем же вопросом. Кричал, что это Ловерта виновата. Мол, наказание расстроило Дайру, и она не смогла полноценно пройти испытание! Грозился куб разнести, представляешь? Но ты их и тут опередила. Вот умора!

Мари закрыла лицо ладонями. В отличие от злорадствующих друзей, она не находила ни единой причины для радости. Не Тиссе с Ноем жить в одном дворце с Дайрой и ее родителями.

Тиссе с Ноем... Стоп!

— Где Далила? Вы ее нашли?

Друзья перестали хихикать и приняли скорбный вид.

— Далила в кабинете зу Ловерты, — насупилась Тисса. — Ждет решения экзаменаторов.

— Она провалилась?

— Не совсем, — промямлил Ной. — Далила подтвердила четвертую степень силы. Но ни одно Время

Года ее не выбрало.

— Как это? — Мари сегодня не отличалась оригинальностью в задаваемых вопросах.

— Никто не знает. Говорят, такое случается раз в двадцать лет, — грустно пояснил Ной и проворчал. — С вами не соскучишься. Одни рекорды!

Мари прислонилась спиной к стене. В голове царил страшный сумбур. А от последней новости там все окончательно перемешалось.

Глава 4. Сквозь Зеркало

Друзья чувствовали себя неловко и не знали, что сказать друг другу. Момент прощания обрушился тяжким грузом неизбежности, а казалось — до него годы и годы. Тисса тихонечко шмыгала носом в надежде, что никто не слышит. Ной теребил край официального Летнего камзола, обильно украшенного яркой ягодной аппликацией. Далила привычно сердито дула на челку. А Мари... Мари яростно рвала под накидкой поздравительное письмо от Королевского клана, вручаемое каждому стихийнику после испытаний.

С каким бы удовольствием она проделала то же самое с новой одеждой! Понадобилось два часа, чтобы заставить себя прикоснуться к прибывшему из Зимнего Дворца наряду, а потом еще час, чтобы в него облачиться. Мари сидела на кровати, сурово глядя на длинное белое платье и светло-голубую накидку, будто те могли раствориться. Старое школьное платье стихийница бережно сложила в дорожный сундук. Она понимала — лиловая форма больше не понадобится, но не удержалась. Забирая ее во Дворец, уносила с собой частичку Академии.

Странно. Мари прежде не испытывала к альма-матер нежных чувств, не раз называла темницей, предшествующей пожизненному заключению. Но, покидая ее навсегда, осознала, что семнадцатизэтажный Замок — единственный дом, который она знала. Здесь у нее впервые появилась крыша над головой, удобная постель, чистая добротная одежда, еда три раза в день. А это немало для ребенка, никогда не видевшего кровати и жившего впроголодь.

Мари едва помнила мать. Безжалостная память стерла черты лица Вирту, оставив размытый образ, зато отчетливо запечатлела другие воспоминания. Косые взгляды, собственные грязные руки, палочки и камешки вместо игрушек. Чувство голода, заставляющее сходить с ума от запаха свежей выпечки на прилавках торговцев. Морозный воздух, обжигающий горло. Прохожих, спешащих к своим огням, пока две шу брели по заснеженным улицам в поисках места для ночлега.

Академия смягчила боль и страх первых лет жизни. Подарила новый мир, колоссальные возможности, о которых жители Орэна, морщащие носы при виде маленькой оборванки, и мечтать не могли. Но Мари прежде не радовалась открытиям, не ценила появившийся дом. Сегодня она наверстывала упущенное, отдавая дань Замку. Все утро бродила по этажам, заглядывала в классы и музеи, проводила кончиками пальцев по партам, стенам и памятникам. Столько воспоминаний связано с каждой лестницей, с каждым коридором! Интересно, в Замке остался хоть один уголок, к которому она — гроза Академии — не приложила руку?

Дорожный сундук получился легким, Мари не могла похвастаться большим количеством вещей. На дно небрежно легла одежда. Помимо лилового платья, аккуратно укладывались несколько безделушек и книги, подаренные друзьями на дни рождения, которые отмечались первого декабря. Эту дату выбрала Корделия Ловерта, заполняя личное дело безродной ученицы девять лет назад. Некому было поведать, в какой день года в действительности родилась дочь шу из Орэна...

— Мы сможем видаться. — фальшиво заверил Ной. — Иногда.

Но он, как и подруги, прекрасно понимал, что у детей разных Времен Года почти не бывает точек пересечения. Их общение не приветствовалось. Исключение составляли лишь стихийники, поселившиеся на срединной территории. Не случайно туда уходили жить смешанные пары, рискнувшие связать себя узами брака. Именно рискнувшие. Приняв непростое решение, они навсегда сжигали за собой мосты. «Предателей» вычеркивали из родных кланов, даже память о них считалась неуместной. Иногда детей, родившихся в смешанных семьях, зачисляли в Академию — как Далилу, однако из-за ослабленной силы они редко попадали на службу во Дворцы.

— Ной, ты бы лучше молчал, чем говорить глупости! — вспыхнула Далила, пережившая за последние сутки столь сильный шок, что теперь чувствовала себя обессиленной и опустошенной.

— Точно! — губы Тиссы скривились в попытке не допустить грандиозного рева, которого еще не слышали стены Академии. Сегодня девочку не волновали порядки учебного заведения и репутация Весеннего клана Саттер. — Вам хорошо-о-о! — она обиженно покосилась на Ноя с Далилой. — Вы еще три месяца будете видаться!

— Пора, — Мари решила прервать пытку прощания и задушила зависть.

Она бы с радостью поменялась местами с двумя глупцами, не желавшими понять, что истинная свобода там, куда им предстояло отправиться. На срединной территории, а не во Дворцах. Мари объясняла себе позицию Ноя влиянием матери — близкой подруги Королевы Лета Росанны. Но Далила, которая провела детство среди детей разных Времен Года! Откуда взялось поклонение старухе Сентябрине? Передалось через поколение от Осеннего клана Вилкоз?

Судьбу Далилы экзаменаторы (отогревшиеся после заморозки Мари горячим медовым напитком) решали всю ночь. Когда солнце взошло над Замком со стороны моря, они сообщили юной

стихийнице, что отправляться ей следует домой — на срединную территорию. Ни один из трех Королей не захотел видеть необычную подданную на пороге. Далиле выдали особое одеяние — длинное лиловое платье с зеленым воротником и разноцветными манжетами: зелено-коричневым и оранжево-красным. Ной попытался утешить подругу (мол, такого наряда не было ни у кого) и чуть не подверг уши новой атаке. Спасло их заступничество Мари.

Пока друзья бок о бок шли по коридорам Академии к главному залу номер два, где собрались выпускники, в голове Мари вновь промелькнула шальная мысль о побеге. Сбежать, раствориться в толпе людей! Она ведь человек. Наполовину. Будь проклята сила, подаренная ненавистным сыном Зимы! И деньги, потраченные на обучение! Мари не просила займы. Не обещала расплачиваться. Не клялась бросить жизнь и свободу к ногам Северины и ее надменного сына Инэя!

Деньги... Обучение в Академии, форма и питание предоставлялись ученикам отнюдь не бесплатно. Все это стоило немалого количества золотых монет. Богатые кланы платили за образование детей на год вперед. Остальные отдавали столько, сколько могли. Остатки (нередко больше половины) выплачивали сами ученики, окончив учебное заведение и поступив на службу к Королям. Долг постепенно вычитался из их зарплат.

Для сирот, как Мари, действовала иная схема. Их обучение брала на себя Академия, затем счет выставлялся Повелителю Времени Года, принадлежность к которому стихийник выказывал на испытании. Выпускник становился едва ли не собственностью Королевской семьи. Мари это несказанно злило. Она превратилась в игрушку Северины. Горящие глаза Королевы-матери красноречиво это показали.

У двери в зал номер два Тисса, не произнося ни слова, одного за другим обняла друзей и убежала прочь, зажав рот рукой. Мари не сомневалась — маленькая подружка забьется в укромный угол, чтобы наплакаться вдоволь. Ее собственное сердце разрывалось от тоски, но она лишь деловито кивнула Ню и Далиле на прощание. Демонстрация чувств не в ее привычках.

Ждали только их троих. Едва друзья перешагнули порог, старик Гловер запер дверь на ключ. Выпускники разбились на пять групп. Они перестали быть учениками Академии, превратились в детей четырех Времен Года и срединной территории. Последних набралось меньше всех. Кроме Далилы и проштрафившегося Ню, в пятой группе стояли еще четыре стихийника.

Первым взял слово Эмил Буретта, минут двадцать пафосно разглагольствуя о том, сколько талантливых стихийников Академия выпускает в этом году, об долге перед Королями и не магическим населением страны. Когда директор, наконец, перешел к прощанию, Мари ощутила насквозь пропитанный ненавистью взгляд. Она не сомневалась, что увидит ледяные голубые глаза Дайры, и не ошиблась. Бледное лицо кудрявой блондинки исказило отвращение. Мари отвернулась, чтобы не видеть неприкрытой злобы. Но сердце екнуло. Норда, то есть Норди, возвращалась домой, а ей предстояло оказаться на вражеской территории один на один против влиятельного клана.

— В чем дело, Ситэрра? Страшно? — насмешливо процедила за спиной Верна Лоэ — еще одна блондинка с прямыми серебристыми волосами, как у старшей сестры — Ее Величества Хлады.

— Не надейся, — Мари не собиралась становиться легкой добычей.

— Как ты разговариваешь с представительницей Королевской семьи, шу? — Верна больно ткнула бывшую сокурсницу в бок. — Попрошу Хладу подарить тебя мне. Пойдешь служанкой в мой дом, Ситэрра? Надо же отрабатывать золото, потраченное на тебя безродную.

— Молчать! — яростное шипение Корделии Ловерты заставило детей Зимы вздрогнуть. Заместительница директора обладала способностью появляться из воздуха. — В чем дело, Лоэ? Как смеете открывать рот во время речи директора? Пусть вы больше не ученица, но находитесь в Академии! Я непременно сообщу Королеве Северине, что вы пытались сорвать торжественную церемонию прощания!

Лицо Верны пошло красными пятнами, на огромные сиреневые глаза навернулись слезы злости. Она понимала, Корделия не бросает угрозы на ветер, а жалобы на родственников не прибавят Хладе популярности в глазах Королевы-матери. Мари вмешательство Ловерты тоже не обрадовало. Сама того не ведая, она подлила масла в огонь. Теперь младшенькая Лоэ сильнее распалится. Мари не подозревала, что Верна ее ненавидит. Да, они никогда не дружили, но и открытой вражды не проявляли. Прожив в одной спальне девять лет, почти не общались, подчеркнуто игнорируя друг друга.

Осу Буретта завершил речь и уступил место зу Ловерте. Корделия, в отличие от начальника, не любила много говорить на торжествах. Пожелала выпускникам успехов и рассказала, как и в какой последовательности им предстоит перемещаться во Дворцы.

Заместительницу директора слушали, затаив дыхание. Во-первых, отлично знали, чем чреват шум.

Во-вторых, большинству не доводилось путешествовать через «Путь Королей» и даже видеть магические диковинки. Особенное Зеркало, принадлежавшее Академии, хранилось в библиотеке — в комнате, куда ученикам доступ был запрещен под страхом пожизненного выдворения к людям. Лишь в день торжественного отбытия выпускников «Путь» переносили в главный зал номер два.

— Ах! — восхищенно выдохнули десятки голосов, когда Ловерта сняла с Зеркала нейтральное лиловое покрывало.

— Оно великолепно, правда? — почтительно зашептал кто-то из девочек позади Мари. — Какая резьба! Какой рисунок!

— Зеркало готово к работе, — Корделия с трудом оторвала взгляд от блестящей поверхности, по которой пошла крупная рябь. — Слушайте внимательно, если не хотите застрять внутри или покалечиться. «Путь Королей» — не просто красивое название. Зеркала предназначены для кланов Дората, Флорана, Кьятта и Орска. Только представителей этих семей они пропускают безропотно. А еще тех, кто получил пожизненное разрешение Королей пользоваться ими. Это несколько кланов, приближенных к Их Величествам.

— Такие, как мы, — самодовольно, но не громко заявила Дайра.

— Всех остальных Зеркала воспринимают, как непрошенных гостей, которых следует остановить и наказать, — продолжила Ловерта. — Иногда Короли дают разрешение на временное использование коридора, как это происходит ежегодно в стенах Академии, однако Зеркала все равно сопротивляются. Большинство из вас при переходе почувствует неприятные или болезненные ощущения. Это неизбежная плата за перемещение для стихийников, достигших четырнадцати лет.

Вот оно что! Это объясняло, почему Мари ничего не почувствовала, когда ребенком шла через «Путь Королей» из Орэна в Академию.

Первым перемещаться предстояло детям Зимы. Пряча волнение, они подошли к Ловерте, сосредоточенно пересчитывающей их по головам. Убедившись, что все новоиспеченные зу на месте, Корделия с легкой усмешкой поинтересовалась:

— Кто желает ступить во Дворец первым?

Выпускники почтительно таращились на качающуюся поверхность Зеркала, показывающего большой белый зал с ледяными скульптурами, и выступать вперед не торопились. Мари хмыкнула про себя, оглядывая застывшие лица. Она тоже не рвалась в лидеры, но и преклоняться перед «Путем Королей» не торопилась. Коридор, как коридор. Мари не понимала, зачем вообще перемещаться с помощью Зеркала. До всех Дворцов рукой подать. Пешком минут за сорок дойдешь. Но нет! Стихийники помешаны на традициях. Раз решили три столетия назад переезжать с пафосом, значит, так и будет продолжаться до скончания времен.

— Может, вы, зу Норди? — предложила Корделия, сделав ударение на последнюю букву фамилии, и с вызовом посмотрела на Дайру. Заместительница директора не сомневалась: бывшая ученица не посмеет отказаться на глазах у всех. Тем более, после позора на испытании.

Так и случилось. Пряча полный презрения взгляд, Дайра шагнула к Зеркалу. Не слишком уверенно. Дети Зимы любят солировать на словах, нежели на деле. Вздохнула и, не сочтя нужным обернуться, прошла сквозь стекло, словно через потоки льющейся воды. Корделия, не дав выпускникам опомниться, подтолкнула к проходу следующую жертву — первую попавшуюся под руку. Потом еще, и еще, бурча под нос, что о медлительности зу пора складывать легенды.

Мари предстала перед Зеркалом одной из последних. Нарочно тянула время, чтобы задержаться в Академии несколько лишних минут. Быстрым взглядом обвела зал, кивнула машущим Далиле и Ною, сжала зубы и ступила на «Путь королей», готовясь испытать обещанные Ловертой неприятные ощущения. Однако их не последовало. Не считая внушительного толчка в ребра, отчего на глаза навернулись слезы. Но им наградило не Зеркало, а Дронан Лири. Войдя в коридор, парень взвыл от боли и постарался поскорее выбраться наружу, отпихивая идущих впереди и оттапывая им ноги.

В белый зал Зимнего Дворца Мари вышла, морщась и мысленно ругая Дронана, попавшего в то же место, куда ранее пришелся удар Верны Лоэ.

— Больно, шу? Зеркало не признает безродных оборванок! — язвительно припечатала Дайра Норди.

Вредная девчонка хотела добавить еще что-то «выдающееся», но ее шипение перекрыл раскатистый голос, принадлежащий высокой полной даме в белом платье, напоминающем торт из-за обилия кружев.

— Внимание, зу! Построиться в одну линию! — судя по властной интонации, женщина привыкла командовать. — Для тех, кто не знает, — продолжила она, когда юные стихийники шустро

выполнили указание, — меня зовут Фальда Сильвана, я возглавляю службу стихийного правопорядка Зимнего Дворца.

«Она?!» — изумилась Мари, разглядывая «воронье гнездо» на голове дамы, собранное из жестких седых волос.

— Фальда — близкая подруга Королевы-матери, предана ей до смешного. Но она — мозг в конторе, грязную работу выполняет ее сын Рофус, — услужливо зашептал, почти не разжимая губ, Дронан Лили. И когда успел пристроиться рядом?

Мари предпочла не услышать объяснений, а про себя отметила, что стоит серьезно поработать над мимикой.

— Если ждете поздравлений с подтверждением статуса, — вещала Сильвана высокомерно и покровительственно, — я вас разочарую. Стихийниками Зимы Академия вас не сделала. Вы сами это поймете завтра, когда приступите к занятиям в Высшей Зимней Школе. Имейте в виду: ближайшие четыре года вы находитесь на испытательном сроке. Любое нарушение законов Дворца карается. Золотом из кармана ваших родителей. Для особо злостных нарушителей предусматривается наказание, как для совершеннолетних — подземелье. Я не шучу.

Никто и не подумал сомневаться. По стройному ряду юных зу прошла дрожь. Одна Мари слушала Фальду с сожалением, а не страхом. Если б та сказала, что за нарушение дисциплины стихийников с позором изгоняют из Дворца, то приступила б к вредительству, не сходя с места.

Стражники в голубых мундирах распахнули двери зала, и внутрь хлынул поток взволнованных родителей. Радость они проявляли по-разному. Одни не стеснялись покрывать щеки отпрысков далеко не холодными поцелуями, другие одобрительно похлопывали дочерей и сыновей по плечам, а третьи высокомерно брали их под руки и гордо уводили прочь. Всех превзошел Рейм Норда. Схватил Дайру за шиворот и утащил под злорадствующими взглядами семейства Лоэ. Реакция Рейма никого не удивила. Второй уровень силы — позор для клана, состоящего в родстве с Королями.

Постепенно шум и суета стихли, последние сокурсники вместе с родителями покинули белый зал, а Мари продолжала стоять в одиночестве, не зная, что делать дальше. Из двадцати двух выпускников, пересекших зеркальный коридор в Зимний Дворец, лишь ее никто не встречал. Растерянно озираясь по сторонам, она гадала — обратиться с вопросом к стражникам или нырнуть обратно в Зеркало. Вдруг пропустит куда-нибудь, а лучше — в Орэн.

— Ситэрра? — вывел из раздумий голос женщины лет сорока с суровыми чертами лица и волосами на пару тонов темнее, чем следовало для дочери Зимы. — Я — Юта Дейли, хозяйка сиротского дома. Ступай за мной.

Мари повиновалась без вопросов, почувствовав, что дамочка не рада встрече. Пока шли по коридорам, выкрашенным в белый, голубой и сиреневый цвета, спускались на одиннадцать этажей вниз, Юта Дейли делала вид, что не знает юную стихийницу. Той оставалось смириться, не отставать и украдкой оглядываться. Мари еще в детстве вбила себе в голову, что в Зимнем Дворце очень холодно, и теперь убеждалась в обратном. Несмотря на обилие ледяных скульптур и всевозможных украшений на стенах и потолках, температура в Замке была комфортной.

Добравшись до сиротского дома Мари окончательно впала в уныние. Он располагался в отдельном блоке на четвертом этаже, в так называемых «низах», предназначенных для отбросов общества. Мрачный коридор, несколько скромных комнатшек, мимо которых провела Юта Дейли, кухня и столовая с простой грубой мебелью — вот и весь дом. Хорошо хоть везде чисто. Ни единого пятнышка на деревянном полу, ни одной соринки.

— Жить будешь здесь, — хозяйка распахнула дверь, за которой стояли две кровати, разделяемые узеньким проходом к окну, шкаф и стол. — Вместе с Элией Норлок.

Упомянутая девушка лет семнадцати-восемнадцати сидела с ногами на постели и штопала белое платье. Рядом лежала гора прохудившихся одежек, ждущих очереди. Норлок обошлась без приветствий, скользнула по новой соседке хмурым взглядом. Зато Мари неприлично уставилась на нее, гадая, откуда у белокурой дочери Зимы столько веселых веснушек на щеках. Но смутилась и невольно глянула в окно. Сердце радостно затрепыхалось. Вдали красовались лиловые башни Академии.

— Чего замерла? — недовольно поинтересовалась Юта. — Потом будешь видами любоваться. Твои вещи придут к ночи, а пока делом займись. Ведро и тряпку найдешь на кухне. Там же накачаешь воды. В кладовой есть рабочая одежда. Поторопись! До ужина нужно вымыть пол во всем доме.

Спустя полчаса взмокшая от пота Мари орудовала тряпкой, подгоняемая недовольной хозяйкой, и убеждала себя, что это к лучшему. Пока тело занято физическим трудом, голова не склонна к

анализу. А подумать было о чем. Например, о Дайре и Верне, официально объявивших войну. О Королеве Северине, замыслившей недоброе. Или о Зеркале, без труда открывшем дорогу безродной оборванке.

Или не безродной? Яростно отжимая тряпку над ведром, Мари раздумывала, у кого спросить, каким Зимним кланам разрешено пожизненно пользоваться «Путем Королей», и надеялась, что сын Зимы, подаривший ей жизнь — не Рейм Норда.

Глава 5. Частичка Весны

— Норди, почему руку перевернула?! Как я велел держать ладонь? Тыльной стороной, бестолковая курица! Тыльной! Лили, зачем кулаки сжал?! Считай, весь город заморозил, бездарь! Насмерть! Ситэрра, почему пальцы трясутся?! Где сила воли?! Думала, мощью можно перечеркнуть отсутствие родословной?!

Мари скользила на покрытом льдом полу и, с трудом сдерживая желание выпарапать учителю глаза, пыталась сложить пальцы так, как требовалось. Но они тряслись от перенапряжения, вызванного не только практическими занятиями, но и бесконечными уборками, стирками и штопаньем. Кожа за три недели потрескалась от едкого мыла, оказалась истыканной иголками, и это не прибавляло подвижности рукам.

— Почему застыла?! Сама себя заморозила?! Работай, Ситэрра, работай! Норди, чтоб тебя, бестолочь! — вновь выругался учитель Грэм Иллара, прикрывая небритое лицо рукой от колючих снежинок. — Разве я велел создать бурю?! Ты воистину паршивая овца именитого клана!

Фальда Сильвана ни капли не преувеличивала, говоря, что Академия не сделала из учеников полноценных детей Зимы. Юных стихийников научили контролировать способности, помогли приручить погодный дар, чтобы не вызывали осадки и мороз не к месту. Но по-настоящему управлять Зимней погодой они пока не умели. В первый день на теоретических занятиях в Высшей школе Дворца двадцать два новобранца узнали, что Зимние осадки бывают пятидесяти двух видов. От умения плести правильные узоры пальцами зависело, что именно обрушится на головы жителей страны: легкий снежок или буран, сопровождаемый разрушительным ветром.

Теоретические занятия, на которых ученики старательно записывали последовательность движений пальцев и положение рук для создания нужных осадков и температуры, сменяли практические, и тогда жизнь превращалась в кошмар. Девятнадцать учеников тренировались в общем зале под присмотром четырех учителей, обладавших высоким и средним уровнями силы. Мари, Дайру и Дронана обучал Грэм Иллара — стихийник наивысшей категории. Он напоминал быка — высоченный, с широким торсом, суровыми густыми бровями и серыми глазами, наполненными колючими льдинками. Иллара не был блондином, чем, поговаривали, гордился. Каштановые вьющиеся волосы он неизменно собирал в тугой хвост.

Едва началась тренировка, необычная внешность педагога отошла на второй план. Ученики с первых минут убедились, что он не терпит ошибок, не лезет за словом в карман и не считает нужным преклоняться ни перед одним Зимним кланом. Грэм сам входил в элиту. Когда-то именно ему — выдающемуся ученику Академии, Король Буран поручил присматривать за сыновьями-погодками Инэем и Снежаном в стенах учебного заведения. Его Величество счел юношу достойным наставником для Принцев, хотя тот был старше их всего на пару лет. Грэм до сих пор являлся другом Повелителя Зимы. Единственным другом! Инэй Дората не отличался склонностью приближать к себе кого бы то ни было.

— В чем дело, Норди? — не унимался Грэм. — Шире пальцы! Еще шире! Не вздумай реветь! Иначе снова отправлю драить парадное крыльцо!

Дайра испуганно взывала и столь широко расставила пальцы, что раздался подозрительный хруст. Еще бы! Предыдущее наказание запомнилось надолго. И самой Дайре, и составившей ей компанию Мари. Случилось это на четвертый день во Дворце, когда троих сильнейших стихийников курса объединили в отдельную группу для отработки практических навыков. Дайра, привычно скривившись, принялась задирается к Мари и пропустила появление Грэма Иллара. Учитель не стал разбираться, кто прав, кто виноват. Доходчиво объяснил, что не потерпит на занятиях склок.

Через пятнадцать минут извечные соперницы оказались на улице с тряпками в руках. Ради такого случая Грэм отправил их на подъемном устройстве, чтобы не теряли времени, спускаясь по лестнице. Для Мари единственным унижением стала сама уборка, а Дайре, наверняка, попало и дома. Родителей вряд ли обрадовало необычное наказание. Уборкой общественных помещений Дворца занимались исключительно люди — ту или шу, жившие на втором этаже Замка. Но если у главы клана Норда имелись претензии к Грэму, он предпочел держать их при себе.

Тренировки выжимали из Мари все соки, а ведь требовалось выполнять и работу по дому. Качественно! За этим пристально следила не пропускающая ни одного пятнышка Юта Дейли. Подгоняла, указывала на огрехи, требовала исправлять их до умопомрачения. По вечерам Мари не всегда могла есть, ложка не желала держаться в негнувшихся пальцах. Новые платья за три недели повисли на хрупкой фигурке мешками. Приходилось сжимать зубы и терпеть. Жаловаться все равно некому. Ни одного сочувствующего взгляда вокруг, ни единого участливого лица. Лишь презрение, недовольство и равнодушие.

На что могла рассчитывать сирота, которую поселили в части Замка, называемой «низами»? Во

Дворце территория делилась четко. По этажам. Верхние пять принадлежали клану Дората. Чуть ниже жили приближенные подданные — избранные и обласканные. Стихийников селили по нисходящей линии: чем дальше от покоев Королей этаж, тем менее влиятельной считалась семья. В «низах» — с четвертого по первый — размещались хозяйственные помещения, склады, жилища прислуги, два сиротских дома: женский и мужской.

В женском проживало две дюжины девушек от четырнадцати до тридцати лет. Лишь Юта Дейли была старше остальных, потому и руководила приютом. Мари и Элия, как единственные несовершеннолетние, делили одну комнату. Изначально это место создавали для подростков, но теперь обитательницы оставались в доме и по достижении восемнадцати лет. Жили здесь, пока не выходили замуж и не обзаводились собственным жильем.

Отношения с соседкой не заладились. Точнее, их просто не существовало. Не удостоив Мари в первый день ни единым словом, Элия Норлок и дальше не раскрывала рта. Уходила рано, возвращалась поздно, трудясь весь день в Погодной канцелярии Зимнего Дворца. Мари слышала, как Юта ставила Элию в пример другим сиротам. Четвертая степень, а куратор на работе не устает хвалить! Хозяйке тоже не приходилось жаловаться. Элия выполняла любое распоряжение с услужливой улыбкой.

Мари все сильнее тосковала по друзьям: неуклюжему Ною, вечно ворчащей Далиле, хрупкой и немного печальной Тиссе. По ночам, когда Элия крепко засыпала, Мари забиралась на узкий подоконник и смотрела на темные очертания Академии вдаль, вспоминала прошлые дни, казавшиеся теперь сказочно счастливыми.

Во второй половине июня обитателей Дворца поглотила подготовка к празднику Летнего солнцестояния. Он символизировал начало пути небесного светила к Зиме и отмечался с размахом. Все вокруг вдохновенно обсуждали программу мероприятия и заранее сшитые наряды. По многовековой традиции, к костюмам обязательно прилагались маски — для заключительного хоровода.

Мари мало интересовалась праздником, полностью погрузившись в свои проблемы. В один из дней она выждала момент и задала Дронану Лили вопрос о Зеркалах. Мари была невысокого мнения об умственных способностях сокурсника и надеялась, что тот не заподозрит подвоха. Сочтет ее любознательной.

Так и случилось.

— Особенных кланов пять, — принялся просвещать Дронан, обрадовавшись проявленному дружелюбию. — Норда, Сильвана, Иллара, Эрсла и Лоэ. Последние единственные не обладают высшей категорией силы. Их Король Буран облагодетельствовал. За какие-то заслуги.

Мари нахмурилась. Информация Дронана давала пятерых крепких подозреваемых, ни одного из которых она не желала видеть в родственниках. Взрывной характер Рейма Норды юная стихийница знала с Академии, как и назидательный, презрительный взгляд Джеба Лоэ — пожилого мужчины с козлиной бородкой. Грэм Иллара тоже не вызывал положительных эмоций. Пусть он сто раз являлся авторитетным педагогом, никто не давал ему права бить по больному — изо дня в день насмехаться над происхождением Мари. Рофус Сильвана из службы стихийного правопорядка и Иган Эрсла — глава Погодной канцелярии пока не переходили дорогу. Однако Мари успела услышать о них немало нелицеприятного.

— Значит, Зимних семей пять, — пробормотала она, мысленно пересчитывая кандидатов в отцы.

— Шесть, — поправил Дронан. — Ты забыла о клане Дората.

Мари подскочила от неожиданности и испуганно покосилась на парня. Кого-кого, а Короля ей не приходило в голову записывать в родители.

— Инэй ведь единственный мужчина в семье, — шепотом заметила Мари, успокаивая себя тем, что высокомерный и бесчувственный Король никогда бы ни снизошел до безродной гадалки-шу.

— Последние четырнадцать лет единственный, — согласился Дронан.

Мари поежилась. Получалось, Короля Бурана с младшим Принцем Снежаном тоже следовало включить в список. Оба погибли после ее рождения. Юная стихийница, как и все жители страны, прекрасно знала историю черного дня Зимнего Дворца. Но, в отличие от большинства детей своего Времени Года, не испытывала жалости к Королю. Принц действительно погиб геройской смертью, если то, что о ней рассказывали, правда. Стихийники Зимы любили приукрашивать истину.

Короля Бурана погубили жадность и жажда власти. В последний сезон правления он поссорился с городовиком Дорном Арду из Эзры и ввел в городе осадное положение. Безжалостно насылал на

него метели, засыпающие улицы до вторых этажей домов, и морозы, покрывающие льдом жилые помещения. Столь жестко не действовал никто. Ни до Бурана, ни после. Эзра замерла. Остановились заводы и фабрики, начались перебои с продуктами, люди гибли, не успевая добежать до спасительных укрытий.

Король не сомневался, что жители не выдержат, и дело кончится переворотом с отказом Арду от должности. И ошибся. Обозленные люди устроили бунт, превратившийся в кровавую бойню. Однако их целью стало смещение не городовика, а Короля Зимы, заигравшегося их жизнями. На улицах, несмотря на мороз, шли жесткие столкновения жителей с армейцами. Король Буран, видя, что ситуация ухудшается с каждым часом, вмешался. Этого требовали и остальные Повелители Времен Года, считая, что вернуть мир в обезумевший город должен тот, кто кашу заварил.

Однако Его Величество недооценил ярость толпы, и даже высшая категория силы не спасла его от смерти. Принц Снежан лишился жизни не в сражениях с мужским населением Эзры. Он выводил женщин и детей из объятых пламенем домов в небогатых кварталах ру. Почему двадцатилетний сын не остался с Бураном, а бросился на помощь беззащитным горожанам, не знал никто. Но самоотверженность и страшная жертва сделали Снежана героем для всей страны и положили конец беспорядкам.

Тела Короля и Принца нашли последний приют в фамильном склепе клана Дората, и жители Эзры в ужасе ждали мести Инэя, занявшего престол. Но вопреки громогласным требованиям Северины поквитаться с городом бунтовщиков, новоиспеченный Повелитель Зимы призвал его обитателей к миру. Заявил, что обе стороны понесли слишком горькие потери, и нет необходимости их приумножать. Инэй не постеснялся назвать главным виновником кровопролития отца, чем окончательно испортил отношения с матерью. Жест молодого Короля оценили и люди, и стихийники. Но слухи, что причиной тому стала трусость Инэя, а не благородство, все равно поползли.

В сиротский дом Мари вернулась расстроенная. Разговор с Дронаном сильнее все запутал, подарив восемь возможных отцов — личностей крайне неприятных. Единственным приемлемым кандидатом казался Принц Снежан. Но шанс, что именно он встречался с гадалкой Вирту, был ничтожен.

Мари задумалась и не обратила внимания на заговорившую соседку.

— На столе! — повторила Элия, не отрывая взгляда от вышивки. Голубые пушистые снежинки на белоснежных полотенцах получились у нее бесподобно.

Мари вздрогнула, неуклюже повернулась и обнаружила белый конверт с печатью Зимнего Дворца — Замком в плену сугробов. Предчувствуя новые огорчения, стихийница вскрыла письмо и резким движением извлекла сложенный пополам лист бумаги, пахнущий приторными духами.

«Зу Ситэрра», — гласило послание. — «Спешим сообщить, что вы включены в личную свиту Королевы Северины в день празднования Летнего Солнцестояния. Завтра утром к вам зайдет портной, чтобы снять мерки для праздничного наряда. О подробностях мероприятия мы известим дополнительно.

Уна Эрнэ, секретарь Ее Величества».

Задыхаясь от негодования, Мари плюхнулась на кровать, смяла письмо и неосмотрительно процедила вслух:

— Не пойду! — и сама испугалась сказанного. Не ровен час соседка донесет Юте Дейли!

Элия действительно отреагировала. Посмотрела, прищурившись, но сказала совсем не то, что Мари ожидала услышать.

— Дурочка! Тебе дают шанс втереться в доверие, а ты нос воротишь, — соседка отработанным движением завязала на нитке узелок, и оторвала остаток зубами. — Мне понадобились годы беспросветного вранья.

— Тебе? — бестолково переспросила Мари. — Но ведь ты... ты...

— Ты недалёковидная! — продолжила ругаться Элия, трясая перед собой иголкой. — Бульдоги Сильваны следят за каждым нашим шагом, а ты морщишься. Хочешь выбраться, заставь врагов поверить, что ты одна из них.

— А ты разве не... не... такая? — закончила Мари, смутившись.

— Я? — обычно услужливое или равнодушное лицо Элии исказила злость. — Я заложница Королевы-матери. Плата за прошлые вольности моих родных — проклятых детей кланов Норда и Лоэ.

— ?!

— Нор-лок, — сердито произнесла Элия по слогам, откладывая полотенце с незаконченной вышивкой. — Родители не хотели, чтобы мы с сестрой носили их фамилии и придумали новую из старых двух. А теперь тихо. Кто-то идет.

Мари примолкла. И вовремя. Дверь комнаты без предупреждения распахнулась, и на пороге появилась перекошенная Юта Дейли.

— В чем дело, Ситэрра? Считаешь, приглашение на праздник — поводом для безделья? Немедленно ступай помогать девочкам с ужином! Если опоздаете, все останутся голодными, а виновата будешь ты!

Мари, помня о неожиданном совете соседки, сделала легкий реверанс. Проглотила новую обиду и отправилась на кухню, где ее поставили чистить овощи для рагу. С трудом справляясь с заданием (пальцы не желали подчиняться без боя) и игнорируя насмешки о собственной нерасторопности, она думала об Элии Норлок.

Надо же! Значит, соседка притворяется. Как искусно! Никому не придет в голову сомневаться в ее почтении к Зиме. Нет, сама она так не сумеет. Не справится. От одной мысли о бесконечном преклонении перед хозяйкой сиротского дома, руки чесались заморозить всю кухню. А еще лучше — превратить гадкую Юту в ледяную скульптуру. Пусть украшает коридор!

— Ай! — задумавшись, Мари проехала острым ножом по пальцу. — Ох, — простонала она, глядя, как к свекольным каплям на столе присоединяются ярко-алые. Схватила салфетку, чтобы скрыть промах от посторонних глаз, но это не спасло ситуацию.

Вредная хозяйка следила исподтишка и обрушилась с криками при первой возможности.

— Никакого прока от тебя! — она цепко схватила Мари за шиворот и сильно встряхнула. Узкий ворот платья впился в шею, оставляя на коже красный горизонтальный след. — Иди к себе! Не смей выходить до утра! На ужин не рассчитывай!

Мари выполнила распоряжения, с трудом пряча гнев. Не очень-то и хотелось! Она ненавидела общие трапезы. Девушки не выносили новенькую. Не упускали возможности поддеть за любое неосторожное движение. Смотрели в рот, не отрываясь, пока та не начинала давиться. Мари догадывалась о причинах «теплого» приема. Большинство сироток не перешагнуло через четвертый уровень силы. Категория полукровки для них — бельмо на глазу. Особенно для Юты Дейли, считавшей себя в доме Королевой.

Не переодеваясь (вдруг хозяйка передумает и потребует исполнения новой рабской повинности), Мари легла в постель, укуталась в грубое белое одеяло. Усталость брала свой, сон, наполненный тревожными отголосками прошедшего дня, жаждал заключить в крепкие объятия. Но желание дожидаться Элию не давало сознанию отключиться.

Мари принялась водить пальцем по шершавой стене, представляя, что рисует подснежники. Цветы, непрошеными гостями ворвавшиеся в мысли на испытании, не отставали. Почему? Загадка. Прежде они не вызывали интереса. Гораздо больше нравилась сирень, распускающаяся в конце мая. Непокорная дочь Зимы обожала ее пьянящий аромат и крохотные цветы: простенькие, но нежные.

Воображение унесло Мари в огромный сад, разбитый в здании — в большом зале с высоким потолком, голубым, как небо. Не понимая, спит она или бодрствует, юная стихийница увидела себя среди цветов — белых, красных, желтых, лиловых. Ласково касалась их руками, те трепетали в ответ и пахли сильнее, вызывая сладостное головокружение, смешанное с необъяснимой печалью.

Видение, рожденное измученным от усталости разумом, растворил шелест платья вернувшейся в комнату Элии. Соседка решила, что Мари спит, и переделалась, не зажигая свеч. Юркнула в постель, устраиваясь поудобнее.

— Почему твои родители прокляты?

От неожиданности Элия уронила на пол одеяло и шипящим шепотом наградила Мари несколькими нелестными эпитетами. Но та не обиделась.

— Разве родители не происходят из двух влиятельных кланов Зимы?

— Спи! И не задавай глупых вопросов! — Элия вернула одеяло на законное место, накрылась с головой и уткнулась в стену.

— Почему глупых? — не унималась Мари. Сон как рукой сняло. — Если начала говорить, заканчивай. Иначе какой смысл открывать рот?

Элия с легким рычанием перевернулась на правый бок — лицом к Мари.

— Я открыла рот, чтобы ты задумалась. Здесь непослушание, а тем более, показательное пренебрежение к Зиме, жестоко караются. Ты демонстрируешь его с таким пафосом, что интерес к тебе Фальды и ее сыночка Рофуса — вопрос времени. За тебя некому заступиться, Мари Ситэрра. Сгниешь в подземелье.

— Но твоя семья... — упорствовала Мари. Это интересней нравоучений.

— О, небо! — не выдержала Элия и села, свесив ноги с кровати. — Ты упряма, как баран! Хорошо, я объясню. Мой дед происходил из клана Лоз, но сбежал из Зимнего Дворца на срединную территорию, чтобы жениться на моей бабке — дочери Весны. Мой отец — истинный Норда, но клан не желает о нем слышать из-за брака с моей матерью. Да, мои предки — две известнейшие семьи Зимы. Но во мне течет и Весенняя кровь, поэтому ни Норда, ни Лоз никогда меня не признают.

— Почему ты назвала себя пленницей Королевы-матери?

— Северина Дората настояла, чтобы меня из Академии отправили во Дворец, несмотря на слабую силу и детство, проведенное на срединной территории.

— Чтобы отомстить родителям?

От новых подробностей о старой паучихе на голове Мари зашевелились волосы.

— Им тоже. Но особенно старшей сестре. Но об этом лучше молчать. Поверь мне на слово, Ситэрра, если вздумаешь спросить у кого-нибудь в Замке, кто такая Роксэль Норлок, подпишешь себе приговор. Я не шучу, — Элия снова легла, давая понять, что разговор окончен, но Мари это не устроило.

— У тебя есть план, как отсюда выбраться? — спросила она спину соседки и услышала в ответ тяжелый вздох.

— Главное, не как выбраться, — нагнала туману Элия. — Гораздо важнее, чтобы не вернули обратно. Поэтому я пока здесь. Но осталось недолго. Осенью я буду в другом месте, и ни Королева-мать, ни остальные стихийники Зимы не посмеют меня преследовать. А теперь спи! Иначе пожалуюсь на тебя Юте Дейли.

— Конечно, — насмешливо протянула Мари.

— Хочешь проверить? — пригрозила Элия, но махнула рукой. — Мой тебе совет: меньше спрашивай, больше слушай. Узнаешь все необходимое.

Мари промолчала. Почувствовала — на сегодня достаточно вопросов. Пусть Элия спит. Постепенно можно выведать все. Не завтра и не послезавтра. И даже не через неделю. Но время есть. До Осени. Ближайшая задача — пережить праздник Летнего Солнцестояния в свите паучихи.

— Просто пережить, — пробормотала Мари, засыпая.

Она не подозревала, насколько пророческими окажутся невинные слова.

Глава 6. Багровое солнцестояние

Королевские портные — настоящие кудесники! Истинные мастера! Великие! А как иначе объяснить, что сшитый к празднику наряд не вызвал ни единой отрицательной эмоции? Увидев воздушные кружева, Мари напроочь забыла об отвращении к Зиме. Торопливо облачилась в обновку и замерла перед зеркалом, признавая, что ничего красивее прежде носить не доводилось.

Наряд не походил на платья, полученные от Зимнего Дворца после окончания Академии. Они были добротными и достаточно элегантными для повседневной носки. Но Мари чудилось, что белая одежда сковывает каждое движение, мешает дышать. Руки тянулись поправить юбку или оттянуть ворот. Стихийница понимала, что виной тому ее воображение, но побороть себя не получалось.

Праздничное платье, хоть и уступало злосчастному наряду Ловерты, сочетало изысканную строгость с буйством кружев, оплетающих тело до подбородка, и казалось живым. Подол наряда портные сделали не столь пышным, как платье-торт Фальды Сильваны, а рукава короткими и прямыми, в отличие от пафосных воланов, вечно украшавших руки Дайры Норди. Завершающим штрихом к белоснежному великолепию стали шелковые перчатки с тоненькими лентами на запястьях.

Разглядывая себя в зеркале, Мари с надеждой подумала, что теперь время в свите Северины пролетит быстрее. Накануне пришло новое послание от секретаря Королевы-матери. Уна Эрнэ сообщила, что **большую** часть дня Мари вместе с другими одиннадцатью подданными предстоит провести в малом тронном зале, куда паучиху придут поздравить гости. Элия Норлок, отлично изучившая привычки старой перечницы, рассказала, что Северина не любила сидеть на празднике Летнего солнцестояния. Присоединялась к сыну и невестке в самом конце — ради парада масок.

Но радовалась Мари рано. У дверей в малый тронный зал обнаружились обе заклятые однокурсницы. Верна Лоэ незамедлительно отпустила обидную колкость, а Дайра Норди демонстративно отошла в сторону, будто присутствие полукровки могло наградить ее неизлечимой болезнью. Мари проводила нахалку хмурым взглядом, отмечая, что та не выглядит довольной. Дайру тоже не вдохновляла великосветская обязанность.

— На парад масок возьмут четверых из нас, — шепотом объяснил Дронан Лили, пока свита ждала разрешения войти. — Двое сядут у ног Короля, по одному — возле Королев. Дайре по жребии выпала Хлада. Представь, как она бесится!

Еще бы! Мари бросила взгляд на ухмыляющуюся Верну и сжимающую кулаки Дайру. Последней точно не позавидуешь. На кудрявую голову без конца сыпались неприятности, а несение службы у ног молодой Королевы Хлады, происходившей из ненавистного клана Лоэ, худшая из бед.

Свиту ввели в малый тронный зал после тягостного получасового ожидания. Расставили полукругом за тронном Северины. Встретиться с паучихой взглядом Мари пришлось на миг. Из всех подданных Королева-мать удостоила «честь» ее одну, выделила, вновь дала понять, что имеет виды. Зато, стоя за спиной Ее Величества, Мари получила возможность внимательно наблюдать за каждым гостем, среди которых один за другим побывали и пять кандидатов в отцы.

Первым — на правах родственника — явился Джеб Лоэ. Поклонился по этикету: приложил правую руку к груди, чтобы кончики пальцев касались левого плеча. Голову опустил ниже, чем принято, тряся козлиной бородкой. Его подобострастность не впечатлила Северину, а вызвала град насмешек. Королеву-мать не смущало, что она позорит главу именитого клана на глазах юных подданных, среди которых младшая дочь Лоэ. Мари испытала легкое злорадство, заметив, как губы Верны сошлись в тонкую линию, но дернула себя. Нельзя уподобляться злобным девчонкам. Неровен час, сама станешь такой же!

— Я начинаю подозревать, что твоя семья, Джеб, подсунила нам бракованный товар, — скрипучим голосом объявила Северина, потягивая из бокала кроваво-красное вино. — Полгода прошло со дня свадьбы, а твоя дочь не думает выполнять главную задачу.

— Дайте срок, Ваше Величество, — засмутился Лоэ и отвесил новый поклон. — Наш клан всегда славился плодovitостью.

— Мне надоело ждать! — прикрикнула Королева-мать, спугнув белоснежную болонку, лежащую на подушке возле ног. — Передай ненаглядной дочке: если в ближайшее время я не получу счастливую весть, ей придется забыть о короне.

— Да, Ваше Величество, — прошептал отец молодой Королевы и, продолжая кланяться, задом направился к выходу.

Следующим из «родителей» перед паучихой предстал Рофус Сильвана. При виде отпрыска главы стихийного правопорядка Северина смягчилась и разрешила подданному приложиться к руке.

— Замечательно выглядишь, дорогой, — сделала паучиха откровенно фальшивый комплимент.

Внешность низкорослого Рофуса не выдерживала критики. Помимо полноты, ему достались длинный с горбинкой нос, близко посаженные глаза и кривые ноги. Он мог бы сойти за простофилю, если бы не цепкий прощупывающий взгляд — ледяной и безжалостный. Мари представила, как несладко приходится тем, кто попадает в поле зрения Рофуса, и поежилась.

— Жду тебя завтра, — проговорила Королева-мать, похлопав подданного по пухлой щеке. — Пора обсудить текущие дела и планы на будущее. Время не ждет.

Гораздо суровее Ее Величество встретила Игана Эрслу, главу Погодной канцелярии — худого высокого мужчину с седыми волосами до плеч. Не насмеялась, нет, но разговаривала высокомерно и пафосно. Погодника это не трогало, он отвечал размеренно, без эмоций. В его облике сквозило нечто промозглое. Если б Мари предложили охарактеризовать этого кандидата в отцы, приводя в пример осадки, она назвала бы снег с дождем.

— Как продвигаются опыты, Иган? — любопытствовала Северина. — К декабрю в нашем распоряжении должен появился новый подвид вьюги. Провала не потерплю, запомни! — она погрозила пухлым пальцем с массивным перстнем с бриллиантом.

— Подобный вариант я не рассматриваю, Ваше Величество, — заверил Эрсла, изобразив на равнодушном доселе лице уверенность. — Мои сотрудники трудятся, не покладая рук. Промежуточные результаты внушают оптимизм.

— Рада слышать.

Беседа заинтересовала Мари. Погодная канцелярия была единственным местом во Дворце, в котором она хотела побывать. Особенно после рассказов Элии. Соседка оттаяла и по вечерам давала наставления, как вести себя в Замке. Накануне она заговорила о работе. Располагалась Погодная канцелярия после покоев клана Дората и занимала треть четырнадцатого этажа. Мари, затаив дыхание, слушала, как создают погоду, экспериментируют с осадками. Главные «тайнства» происходили на крыше Дворца, куда вела отдельная лестница, минующая Королевские хоромы.

До тошноты ласково поприветствовала Королева-мать и главу клана Норда — такого же белокурого и кудрявого, как пакостница-дочка.

— Рада видеть тебя в добром здравии, Рейм, — хищно заулыбалась паучиха. — Надеюсь, Кира тоже чувствует себя хорошо? Не болеет?

— Что вы, Ваше Величество! — принялся клясться Норда, как и Сильвана, допущенный к Королевской руке. — Кира пышет здоровьем на радость нам всем.

— Замечательно! Передавай красавице наилучшие пожелания.

Наблюдая, как Дайра светится, словно снег на ярком солнце, а Верна кусает от злости губы, Мари встревожилась. Что это было? Забота о дальней родственнице и светская любезность? Или нечто большее? Не вынашивает ли Королева-мать планы женить сына на Кире? Но как быть с действующей женой Инэя? Ведь браки заканчиваются смертью одного из супругов.

Последним из списка Мари перед Ее Величеством предстал Грэм Иллара. Поклонился по правилам, но мимоходом.

— Здравствуй, хитрый лис, — усмехнулась Северина, протягивая руку для поцелуя и другу сына. — Слышала, много времени проводишь на срединной территории.

— Сомневаетесь в моей преданности клану Дората? — осведомился Грэм, ни капельки не смутившись. Королева-мать тоже не являлась для него авторитетом. — Вы же знаете, Ваше Величество, я никогда не предаю Короля. Кроме того, врагов нужно знать изнутри.

— Так уж и врагов, Грэм? — ехидно заметила Северина, и Мари уловила в голосе паучихи нотки ненависти. — Смотри, не перехитри сам себя.

Лица остальных подданных, пришедших поклониться Королеве-матери, слились для Мари в одно. Светская пытка продлилась больше четырех часов, и ноги отваливались. С некоторыми гостями Северина перебрасывалась парой слов, других удостаивала кивком, а двоих детей Зимы велела страже выставить вон. Обругала вслед, мол, они — птицы не того полета, чтобы сметь рассчитывать на аудиенцию.

Когда же паучиха, наконец, объявила, что пора перемещаться на основной праздник, случился казус. Дайра Норди упала в обморок, вызвав страшный переполох.

— Лекаря! — кричала Королева-мать.

Юные стихийники пытались привести в чувство кудрявую блондинку. Хлопали по щекам, а кто-то особенно прыткий решил вылить Дайре на лицо стакан воды, но в суматохе схватил бокал Северины.

— Идиоты! — ругалась паучиха. Красные винные струйки бежали по бледной коже подданной и капля за каплей стекали на белоснежное праздничное платье.

Выяснить причину обморока удалось не сразу. Придя в себя, Дайра снова чуть не лишилась чувств: разводы цвета крови вызвали истерику. Лишь грозные крики Северины заставили успокоиться и объясниться. Вредная девчонка, заикаясь, поведала, что мечтала нарядиться на праздник в платье Киры. Но пришлось несколько дней сидеть на строжайшей диете. Талия старшей сестры значительно тоньше.

— Глупая девчонка! — рассердилась Королева-мать и наградила Дайру подзатыльником. Пустяк, а не наказание. Не приходится она дочерью Рейму и сестрой Кире, легко бы не отделалась.

Дайру отправили домой. Она удалилась под мрачными взглядами свиты, едва перебирая ногами и всхлипывая от обиды. От родителей, наверняка, влетит. Не такое внимание от особо Королевских кровей предпочитал глава клана Норда. Едва все успокоились, к Мари подошла секретарша паучихи Уна Эрнэ — пожилая сухопарая дама с коротко стриженными седыми волосами.

— Идем, Ситэрра, — проговорила она сурово. — Заменишь Норди на параде масок. Твоя задача — прислуживать Королеве Хладе.

Мари от досады едва ногами не затопала. Ну, спасибо, Дайра! Верна Лоз расплылась в довольной улыбке. Ей было безразлично, которая из неприятельниц окажется у ног старшей сестры.

Парад масок считался одним из ярчайших событий во Дворце. Вот и сегодня зрители восторженно аплодировали танцорам, даже на лице Северины появилось выражение, похожее на благодушие. Но Мари не оценила ни зрелищности, ни масштаба действия. Слишком устала за последние недели. Присев на лестнице у трона Королевы, отчаянно надеялась не заснуть и не опозориться хуже Дайры. Держала глаза открытыми, но не смотрела на танцующих стихийников в блестящих масках. Мельтешение сильнее клонило в сон.

Хлада тоже не наслаждалась парадом. Нервно покачивала ногой, несколько раз задев носком туфли спину Мари. Юная подданная еще при входе заметила выражение глубокого отчаянья на красивом лице Королевы. Хлада стала еще мрачнее, чем на испытании в Академии, похудела и выглядела нездоровой. Король сегодня не проявлял раздражения. Улыбался чему-то своему. Вдохновляла Его Величество не супруга. На Хладу Инэй не смотрел.

Мари пожалела молодую Королеву. Повелителя Зимы никто не заставлял на ней жениться. Раз ему все равно, кого брать в жены, мог бы сделать предложение Кире Норде. И Северина осталась бы довольна, и Хлада не страдала, угасая на глазах. Однако очень скоро Мари и думать забыла о сочувствии. Королева отвлеклась от печальных раздумий и больно ткнула юную подданную туфлей в бок — на этот раз нарочно, чтобы заставить обернуться.

— Ты живешь с Элией Норлок, не так ли? — Хлада скривилась от отвращения.

— Да, Ваше Величество, — удивилась Мари, не понимая, чем соседка заслужила подобное отношение.

— Что мерзавка рассказывала о сестре? Отвечай!

Мари вспомнила, что Элия упоминала родственницу и предупреждала, что та в опале.

— Простите мою неосведомленность, — испуганно затараторила Мари, — но я не знала, что у Элии есть сестра. Мы не подруги. Но, если нужно, я спрошу...

— Только посмей! — прошипела Хлада, сжимая веер до хруста. — Идем, — она поднялась, скрывая покрасневшие от гнева щеки под маской из белоснежных перьев, украшенных россыпью бриллиантов. — Пора заканчивать балаган. Следи за моим платьем! Если кто-нибудь наступит на подол, запрю тебя в темнице!

Мари послушно засемила за Хладой, придерживая королевское платье, тянущееся за владелицей длинным шлейфом. Уна Эрнэ объяснила, что после выступлений танцоров настанет черед гостей устраивать пляски, скрыв лица под масками. Завершится торжество «большим круговоротом». Дети Зимы образуют несколько хороводов, а в центре — в самом маленьком круге — по многовековой традиции появится действующая Королева. Тогда-то для Мари и начнется главная обязанность вечера — следить, чтобы наряд Ее Величества не пострадал в суете.

Мари не подозревала, что задание окажется сущим кошмаром. Она попала в эпицентр безумия. Все вокруг толкались, наступали друг другу на ноги, неслись по кругу, как угорелые, дико хохотали и требовали освободить побольше пространства. Юная стихийница чуть не плакала от досады. Она не отрывала взгляда от Королевского подола, понимая, что сохранить его в неприкосновенности не удастся. Самой бы не наступить на край и не оставить Хладу без юбки!

А потом случилось непоправимое. Королева завалилась набок. Мари протяжно всхлипнула. Ее вина! Не уследила! Не сберегла наряд! Допустила позорное падение Ее Величества! Взгляд выхватил красное пятно на белом платье Королевы. Юная подданная заподозрила, что какой-то безумец захватил в хоровод вино. Но одна из дам издала душераздирающий вопль, и Мари заметила предмет, торчащий в боку Хлады — рукоять ножа со снежинками.

— На Королеву напали! — ударили по ушам десятки истошных голосов. — Ранили! Убили! Лекаря! На помощь!

Толпа схлынула в стороны. Одна Мари осталась стоять над лежащей без движения Хладой, держа край ее длинного платья.

— Перестань дрожать и отвечай: кто был рядом с Королевой?! Смотри на меня! В глаза!

Рофус Сильвана произносил каждое слово, будто выплевывал. Четко. Требовательно. Властно. От мнимого простофили, кланявшегося Северине несколько часов назад, не осталось следа. Его место занял бульдог с налитыми кровью глазами и челюстями, способными вцепиться в добычу намертво.

Мари плохо помнила первые секунды после покушения на Хладу. Четко память запечатлела боль, причиненную цепкими пальцами Рофуса, втащившего ее за волосы в соседнюю с тронным залом комнату и яростно бросившего на пол. Стихийница проехала несколько шагов, порвав подол и ободрав колени в кровь.

— Говори!

— Я... я... не знаю, — пролепетала Мари, пятясь.

— Ложь! — прорычал Рофус, грозно надвигаясь на жертву, будто желал раздавить. — Ты находилась рядом с Ее Величеством. Говори, кто приближался к ней! Иначе отправлю в темницу! Может, это сделает тебя сговорчивее?

— Я никого не видела, — выдохнула Мари отчаянно.

Свободное пространство закончилось, и она уперлась спиной в стену. Рофус приблизился вплотную. Лицо обожгло его горячее дыхание.

— Я заставлю тебя говорить, маленькая безродная... — он вскинул руку для удара, но не успел нанести его и закончить ругательство.

Двери хлопнули, и в комнату влетел Король Инэй с непривычно розовыми щеками. На праздничном камзоле Его Величества Мари с ужасом увидела пятна крови. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота.

— Что ты выяснил? — потребовал Король ответа у Рофуса. — Кого она видела?

Инэй говорил о Мари, словно ее тут не было. Или была, но в качестве неодушевленного предмета — мебели или уродливой вазы, на которую никто не желает смотреть.

— Наглая девчонка упрямится, Ваше Величество, — отчитался Рофус. — Набивает цену.

— Что-о-о?! — рассвирепел Король, пока сердце Мари с бешеной скоростью проваливалось в бездонную пропасть. — Да как ты смеешь?

Инэй схватил ее за плечи и сильно встряхнул. Мари ударилась головой о стену, от неожиданности больно прикусив язык, ткань на рукавах нового платья протестующе затрещала.

— Говори сейчас же! Говори, иначе пожалеешь, что появилась на свет!

— Инэй, что ты творишь?! Отпусти ее!

Ошалело глядя в синие глаза Короля, мечущие молнии, Мари не заметила, как в комнату вбежал Грэм Иллара. Увидел сцену расправы над ученицей и попытался охладить пыл сиятельного друга.

— Отпусти девочку, — потребовал Грэм, кладя ладонь Его Величеству на плечо. Именно потребовал, пусть и совершенно спокойным тоном. — Я с ней сам поговорю.

Вмешательство друга остудило гнев Короля. Он разжал пальцы, и Мари, переставшая от страха чувствовать ноги, сползла на пол.

— Ситэрра, посмотри на меня, — не теряя времени, учитель опустился рядом. Голос звучал ровно, но жестко. Как на уроках, только без криков. — Рассказывай, что произошло в круге? Давай, Ситэрра, не тяни.

— Я... я... я... не зна-а-аю, — Мари вонзила ногти в ладони, чтобы не расплакаться перед тремя ненавистными сыновьями Зимы. Высокомерные и злые неприятели не должны увидеть ее слез. — Я не смотрела! Стихийники! Танцы! Подол! — выпалила она. Но поняла, что запутала взрослых, и принялась объяснять по порядку, глядя исключительно на собственные руки. Поднять глаза было невероятно страшно. — Ее Величество ругалась. Сказала, запрет в темнице, если кто-нибудь наступит на платье. Я только на него и смотрела. Все вокруг сходили с ума, и я боялась, что Королева останется без юбки! Ой!

Мари сообразила, что сболтнула лишнее, но, к счастью, никто не заострил внимание на последних словах, а учитель подбадривающе похлопал по плечу.

— Кто бы это ни был, он выбрал подходящий момент, — обратился Грэм к Инэю. — Все в масках, кружатся, кричат. В такой суматохе не сложно остаться незамеченным. Может, Королева его разглядела? Что сказал лекарь? Когда она сможет говорить?

Инэй сложил руки на груди и мрачно покачал головой.

— Если и сможет, то не скоро. Спроси девчонку о разговоре с Хладой, — велел он другу.

Успокоившись, Король снова начал игнорировать юную подданную. Грэм едва заметно поморщился, не одоблив пренебрежения Его Величества, но выполнил распоряжение.

— О чем вы говорили с Королевой до хоровода?

— О моей соседке, — задрожала Мари, вспомнив отвращение на лице Хлады и предупреждение Элии никогда не упоминать имени сестры. Но решила: будь, что будет. — Ее Величество спросила, не упоминала ли соседка сестру. Я ответила, что ничего не знаю о семье Элии.

— Твоя соседка Элия Норлок? — усмехнулся Грэм и бросил красноречивый взгляд на Инэя.

— Да, — окончательно растерялась Мари, услышав, как Рофус смущенно закашлялся.

— Идиотка! — процедил Король, сжав кулаки. Юная стихийница не сразу поняла, что Его Величество так отозвался не о ней, а о супруге. — Бестолковая курица!

— Инэй, не здесь — предостерег друга Грэм и повернулся к ученице. — Ситэрра, подожди за дверью. Провожу тебя до сиротского дома. Без меня ни шагу, поняла?

Мари послушно закивала, но едва покинула троих мужчин, решила не дожидаться учителя. Она устала и перенервничала. Хотелось поскорее добраться до постели. У Грэма сейчас столько дел, что он легко забудет о вежливом предложении проводить ученицу, а поговорить с ней еще раз он сможет завтра на занятиях.

Не глядя на место, где лежала раненная Королева, Мари пересекла пустой зал. Стража, охраняющая выходы, не сочла нужным останавливать стихийницу, она беспрепятственно миновала лабиринт коридоров на нижнем этаже клана Дората и выбралась на главную лестницу, спиралями убегающую вниз. Покинув Королевские владения, Мари почувствовала прилив сил. Ноги, недавно отказывающиеся служить, принялись ловко перебирать ступеньки. Только сердце тревожно билось в такт бойким каблучкам новых белоснежных туфель.

Отсчитывая этаж за этажом, Мари думала о покушении на Хладу. Учитель прав: момент нападения выбрали идеально. Поди теперь найди преступника, прятавшегося под маской в праздной толпе. И оружие он использовал «правильное» — классическое. Такими ножами пользовались за обеденными столами в каждой семье. Еще одна прихоть детей Зимы — все столовые приборы во Дворце идентичные, с одинаковым орнаментом. Даже в сиротском доме.

Но кто напал на Королеву? Тот, кто хотел поквитаться с ней лично? Или исполнитель, действующий по приказу настоящего врага. Подозреваемых хоть отбавляй! Недовольство Хладой проявляла старая паучиха. Не менее серьезный мотив у клана Норда: и у Рейма, и у Киры. Да и сам Король не питал нежных чувств к жене. Может, его гнев вызван не покушением, а несостоявшимся убийством? Первая супруга Инэя тоже умерла при загадочных обстоятельствах.

Причиной смерти Королевы Лираны назвали ошибку поваренка, перепутавшего склянки. Вместо приправы он сдобрил завтрак Ее Величества крысиным ядом. Мальчишку хотели казнить, но он был

несовершеннолетним. Незадачливого стихийника, которому едва исполнилось шестнадцать лет, приговорили к пожизненному заключению. Однако ходили слухи, что гибель Королевы имела иную подоплеку. Королю или его вздорной матушке надоело ждать рождения наследника, и они избавились от несчастной женщины, а поваренок стал разменной монетой в жестокой игре.

Мари сжала кулаки. Как ее угораздило оказаться в центре безумной заварушки? И опять по вине Дайры! Сначала провал с жемчужиной! Теперь это! Что дальше?

Ответ был на подходе. Этажом выше раздались шаги. Осторожные и приглушенные. Мари сама не поняла, что именно ее насторожило, но нутром почуяла угрозу и кинулась наутек, перепрыгивая через ступени. Неизвестный наверху тоже увеличил скорость, не оставив сомнений в преследовании.

Обезумев от страха, стихийница бежала во весь дух. Благо путь лежал вниз, а не вверх, как несколько недель назад в Академии. Но скорость не помогала. Враг приближался, сокращая расстояние с каждой секундой. Еще несколько мгновений, и она останется с ним один на один. Никто не придет на помощь. Ничто не спасет от ужасной расправы.

— Помогите! — закричала Мари, не зная, что еще предпринять.

Обернувшись, чтобы встретить кошмар лицом к лицу, а не получить удар в спину, но оступилась и полетела вниз. Над головой просвистело что-то серебряное.

— Что происходит? Ситэрра, ты в порядке? — отдался сверху эхом голос Грэма.

Секунда тишины, и снова послышались торопливые шаги преследователя, свернувшего на один из этажей, разделяющих Мари и ее учителя.

— Кто здесь был Ситэрра? Что... — Грэм добрался до ученицы, сидящей на полу, прислонившись к перилам. — Силы небесные!

Он увидел нож с украшенной снежинками рукоятью, воткнувшийся в картину. Не в какую-нибудь, а, как нарочно, в один из многочисленных портретов Королевы Хлады. В тот, где художник изобразил ее в день свадьбы.

— Ситэрра, я же велел дожидаться меня! — Грэм с трудом оторвал взгляд от покалеченного полотна.

— Я не... Я не понимаю, — сил сдерживать слезы не осталось, Мари громко и протяжно всхлипывала. — Я никого не видела на празднике! Я не знаю, кто *это* сделал!

— Боюсь, он считает иначе, Ситэрра, и открыл на тебя охоту, — проворчал Грэм, подхватил ученицу за локоть и рывком поднял с пола.

Глава 7. Задание паучихи

Дворец погрузился в состояние тягостного забытья — в полусон, в полутраур. Стихли смех и громкие голоса. Дети Зимы перешли на шепот, будто больная Королева лежала за стеной. В душах поселился страх, заставляющий с недоверием смотреть на вчерашних приятелей и соседей. Как ни крути, а вину за нападение на Ее Величество не спишешь на постороннего, как с Лираной. И несчастным случаем не назовешь.

Мари, стоявшая ближе всех к Хладе, в мгновение ока превратилась в самую популярную стихийницу во Дворце. На нее показывали пальцем, пересказывали друг другу биографию. Останавливали, чтобы спросить, когда она, наконец, поведает имя преступника. Некоторым хватило ума предположить, что напавший на Королеву и есть таинственный отец юной стихийницы, поэтому она его и покрывает.

Через день после происшествия Мари вызвали на беседу с представителем объединенной сыскной канцелярии. Его прислали в помощь дворцовой службе стихийного правопорядка. Сыщик с гладко выбритым худым лицом полтора часа мучил бесконечными вопросами, задавая каждый по несколько раз. Тяжелый взгляд угольных глаз проникал в голову. Мари бросало в дрожь, и она отвечала невпопад, уставившись в одну точку. Сыщик счел юную дочь Зимы девушкой некрепкого ума и выгнал вон. Мари это устроило, забот и без допросов хватало.

После трагически закончившегося праздника, Юта Дейли не давала ни минуты отдыха, заваливая работой по дому. Мари добиралась до постели, еле волоча ноги, когда остальные сироты видели не первые сны. Хозяйку бесили стражники, денно и ночно охраняющие вход в сиротский дом, дабы никто посторонний не пробрался. Заботу о безопасности Мари проявил Грэм Иллара, велел охранникам следовать за ученицей по пятам и докладывать о каждом, кто бросит на нее любопытный взгляд. Желаящие поглазеть на девушку множились, как грибы после теплого дождя, и список подозрительных лиц увеличивался ежедневно.

Пристальные взгляды преследовали и на занятиях. Это мешало. Мари не могла сосредоточиться ни на лекциях о классификации выюг, ни на новых упражнениях, которые до бесконечности заставлял повторять Грэм. После происшествия на лестнице, он заметно меньше цеплялся к Мари. Нехорошо сводил брови, когда она ошибалась, но внимание на промахах не заострял.

— Подумаешь, Принцесса! — бесилась Дайра Норди, пока не слышал грозный педагог. — Никто на нее не нападал! Она это придумала!

Верна Лоэ, появившаяся в Высшей школе на четвертый день после ранения сестры, нанесла удар в спину. В буквальном смысле. От неожиданности Мари упала, сильнее ободрав незажившие колени. А заодно и ладони — до сего момента относительно здоровые. Мозоли от домашней работы не в счет.

— Берегись! — процедила Мари, поднимаясь. Подлость младшей Лоэ стала последней каплей. Измучившись от ужаса, стихийница не страшилась последствий атаки. Разве наказание могло быть хуже преследующего убийцы?

Мари, резво плетущую узор, не остановил пронзительный визг Верны. Напротив, удвоил накопившуюся ярость. Поделом! Однако к гадкой девчонке присоединились и другие ученики, и испуганные возгласы слились в общий гвалт. Мари прекратила насыпать на задиру, как ей казалось, холодный ветер. Замерла, с изумлением разглядывая лицо неприятельницы, покрывшееся плотной коркой льда.

— Т-т-ты... т-т-ты... — шептала Верна замороженными губами. — Нен-н-навиж-ж-ж-жу...

— Очаровательная прическа, Лоэ, — бросил стоявший в дверях Грэм, силясь сдержать смех.

Ледяная горка, в которую превратилась белокурая шевелюра сестренки Королевы, могла составить конкуренцию любой Дворцовой скульптуре.

— Ох, — простонала Мари, пятясь.

— Приведи себя в порядок, — велел учитель Верне. Но прежде чем та покинула класс, цепко схватил за плечо и, глядя, как лед на щеках идет трещинами, отрывисто прошептал. — Еще раз увижу подобную выходку, швабра станет лучшим другом. Ситэрра! — Грэм не потрудился повернуться к вросшей в пол Мари. — Живо в тренировочный зал — отрабатывать узор ветра! Думала, я не видел, как не тот палец согнула? Не надейся!

Растерявшись от неслыханной «щедрости», Мари не сумела в тот день добиться нужного эффекта. Ее стараниями в тренировочном зале летали белые мухи, завывала пурга, и прокатился снежный смерч, заставив присутствующих кинуться врассыпную. Но ветер — самый обычный ветер, без

прикрас и дополнительных вкраплений — не соизволил получиться.

Вечером Мари рассказала о «дуэли» и реакции учителя Элии.

— Не ворчи, — посоветовала та, привычно уткнувшись в вышивку. — Тебе повезло учиться у Грэма. Многие об этом мечтают. Поговаривают, природа его силы превосходит даже Королевскую. Просто способности клана Дората завязаны на Шаре Стихий, потому заведомо выше. Может, про Грэма и вранье, конечно, однако с ним никто не рискует связываться.

О Шарах Стихий Мари слышала еще в Академии. Ученики из Дворцов говорили о них с почтением. Шары имелись в распоряжении всех Королей. С их помощью Повелители Времен Года создавали погоду в любом уголке страны в обход канцелярий.

— Говорят, Королева Северина влюблена в Шар, — вспомнила Мари очередную сплетню, пересказанную Дронаном Лили, успевшим увериться, что они закадычные приятели. — Вечно играет, хотя больше не может создавать погоду с его помощью.

— Конечно, не может! — злорадно хмыкнула Элия. — Шар подчиняется только действующим Королям, их подросткам детям и женам, когда те становятся матерями наследников. Северина потеряла право после смерти мужа — Короля Бурана. Но по привычке хватается за Шар при каждом удобном случае. В первые недели во Дворце я строила планы, как его украсть в отместку старой злыдне. Потом одумалась, конечно.

Мари хихикнула, представив, как соседка на цыпочках крадется по белым коридорам, спрятав Шар под плащом.

— Элия, — она решилась задать вопрос, вертевшийся на языке с вечера покушения. — Почему твоя сестра в опале?

Соседка от неожиданности уронила пальцы.

— О ней на параде масок меня спрашивала Хлада, — пояснила Мари. — Пожалуйста, объясни, что происходит?

— Кроме того, что последняя жена Короля бесится от ревности? — соседка вновь принялась ловко орудовать тонкой иглой с нежно-голубой ниткой.

— Бесится от... чего? — Мари вытаращила глаза. — Ты же не... не...

— Всем известно (кроме тебя, разумеется), — усмехнулась Элия, не отрываясь от работы, — что моя сестра была подругой Инэя. Они проявили интерес друг к другу еще в Академии. Роксэль училась на курс младше наследного Принца. По слухам, встречи продолжались и при Лиране. Насчет настоящего времени ничего сказать не могу. Я никогда не входила в круг посвященных. Однажды, наслушавшись сплетен, я задала вопрос о Роксэль и Инэе дома и получила та-а-а-кую затрещину от отца, что больше не открывала рта. Советую и тебе делать то же самое. Во Дворце не смеют обсуждать личную жизнь Короля. Можно запросто оказаться замороженным насмерть.

Но Мари предпочла пропустить совет мимо любопытных ушей.

— Твоя сестра замужем?

— Еще чего, — закатила глаза Элия. — Откуда у нее на это время? Она и родителей навещать не успевает, пока разбирает претензии общин, дерущихся за клочки земли.

— ?!

— Ты вообще представляешь, что такое срединная территория? — с тяжким вздохом поинтересовалась соседка. — Конечно, нет. Ты, как и все свободолюбивые дети Времен Года, идеализируешь это место, — Элия воткнула иголку в белоснежную ткань и отложила неоконченное изделие. — Да, там веселее и спокойнее, чем во Дворцах. На срединной территории никому нет дела до твоей принадлежности. Но стихийники и там остаются стихийниками. Живут общинами, которые соревнуются друг с другом и ссорятся. Но, к счастью, всерьез не воюют. Когда возникают трудные ситуации, в дело вступает независимый совет, в который входит и моя сестра Роксэль. Советники — вроде высшей власти. Им дано право разбирать споры и наказывать виновных. Понятно? — Элия сладко потянулась. — А теперь — спать. Не вздумай мучить меня новыми вопросами. Мои планы о побеге — не твоего пытливого ума дело.

Мари поджала губы, но распоряжение выполнила. Юркнула в кровать, засунула ладони под подушку. Сон был близок, но слова Элии не шли из головы. Вспоминалась и Далила. Интересно, почему несостоявшаяся дочь Осени мало говорила о срединной территории? Или это сама Мари не хотела слушать, представляя дом рыжей подружки лучшим местом на свете?

Впрочем, Далиле и Ною там сейчас точно лучше, чем ей в Зимнем Дворце.

— Куда угодно, только отсюда, — прошептала Мари, засыпая. — Поскорее...

Утром Мари неожиданно вызвали в малый тронный зал — к паучихе. Секретарша Уна Эрнэ с седым ежиком на голове всю дорогу сердито косилась то на стихийницу, едва передвигающую ноги, то на ее личную охрану — двух бравых парней, вышагивающих следом гордыми сторожевыми псами. Элия предупредила, что с этой дамой лучше не ссориться. Слишком предана Королеве-матери. Король Инэй тоже не доверял Унэ и завел себе отдельного секретаря — молодого Витта Мурэ.

Секретарша с явным удовольствием втолкнула Мари в зал к Северине. Как в логово к хищному зверю! Юная стихийница с трудом сдержала дрожь, поклонилась, коснувшись пальцами правой руки левого плеча. Вот бы научиться приветствовать паучиху, как Грэм Иллара — согласно обычаю, но нахально. Однако для этого нужно иметь иной склад характера. Грэм смотрел в лицо Северине бесстрашно и насмешливо. Мари боялась старуху. При одном взгляде на грузную фигуру и ледяные глаза в обрамлении паутины глубоких морщин, пробирало насквозь. Главная задача на сегодня — не рухнуть от волнения к ногам Королевы-матери. Один на один с ней Мари оказалась впервые.

— Подойди, — прокаркала Северина, придиричливо перебирая пухлыми пальцами спелые вишни на большом серебряном блюде. — Ближе. Еще. Хочу тебя рассмотреть, таинственная дочь Зимы, — паучиха переложила ягоды на тумбу, стоящую по левую руку, и взяла оттуда тонкий прут, служивший средством наказания для болонки. Коснулась хлесткой палочкой щеки Мари, игриво провела ею до подбородка. — Какие у тебя интересные глаза, Ситэрра. Настоящие Зимние, цвета нашего Дворца. Это большая редкость, ты знаешь?

— Нет, Ваше Величество, — стихийница почтительно склонила голову и не смела смотреть на Королеву-мать. Хорошо, хоть голос не задрожал.

— Волосы неправильные, уродуют истинную красоту Зимы, — поморщилась старуха.

Палка принялась гулять по черным, как смоль, прядям, а Мари подумала, что она категорически не согласна с Севериной. Ее больше устраивали нехарактерная для их Времени Года шевелюра, нежели «настоящие» глаза.

— Цвет земли без снега, грязь, — кривилась паучиха. — Неудивительно, с такой-то матерью, — прут хлестнул по щеке, не больно, а, скорее, унизительно. — Скажи, Ситэрра, тебе интересно, кто осмелился нарушить правила и прикоснуться к человеческой женщине? Разумеется, интересно. Никто не выказывал к тебе особое расположение? Грэм, например? Он горазд на любовные шалости вне Дворца. Или кто другой? Нет? — палка оказалась под подбородком и потянула его вверх, чтобы Северине проще было заглядывать в Зимние глаза юной подданной, отчаянно качающей головой. — Оставим это. Наглый мальчишка, кем бы он ни был, сделал мне чудный подарок. Неоперившийся птенчик, а столько силы. Ты сможешь много достичь, Ситэрра, если правильно себя поведешь. Для тебя есть первое поручение. Ты помнишь Луда Крона?

Мари вздрогнула. Еще бы она не помнила Крона! Он был городовиком Орэна. Ее Орэна!

— Да, Ваше Величество. Помню.

— Уверена, Луд тоже хорошо тебя запомнил. Устроенное тобой представление девять лет назад трудно забыть, — Северина хмыкнула и оттолкнула ногой болонку, слишком близко положившую морду к ее туфлям. — Ты отправишься в гости к Крону, Ситэрра. Вместе с Рофусом. Твоя задача напугать Луда, коли заартачится — устроить парочку заморозок. Остальное — не твое дело, не пытайся вникать в задание Рофуса. Поняла?

Ваше Величество.

Мари ушам не верила. Ее отправляют в Орэн! Туда, куда она и не надеялась попасть!

— Я велю, чтобы Эрсла... А вот и он! Опаздываешь, Иган, — сердито отчитала Королева-мать главу Погодной канцелярии, пока тот чинно кланялся и бормотал извинения, объясняя, что не мог оставить подчиненных, пока те не закончат очередной эксперимент.

— Глаз да глаз за ними нужен, Ваше Величество, — скрипучим голосом вещал Эрсла. — На днях едва отвернулся, добавили лишний ингредиент. Испортили работу четырех месяцев!

— Надеюсь, виновные наказаны? — Северина снова потянулась за блюдом с вишней.

— Криворукого мальчишку оштрафовали и заперли в темнице на полгода.

— Замечательно, — расцвела паучиха.

Мари слушала и мрачнела. Как же отвратительна Королева-мать! Гадкая старуха! Она жаждала причинять боль, упивалась трепетом подданных, их старанием показать преданность. Интересно, что Северина сделает с новой игрушкой, если та допустит ошибку в первом задании? Навсегда посадит в тюрьму или на время?

А Эрсла? Разделался с несчастным сотрудником и гордится. Склизкий червяк! Элия рассказывала — в канцелярии немудрено что-нибудь напутать. Главный погодник угождал Королеве-матери, придумывал все новые разновидности осадков, усложняя составы погодных зелий. В результате приходилось сыпать наказания направо и налево. И все зря. Инэй предпочитал стандартную погоду и запрещал Эрсле использовать результаты экспериментов. Если тот самовольничал, брал Шар Стихий и насылал на города нужную погоду, минуя канцелярию. Эрсла бледнел, Северина скрежетала зубами, но Король из года в год все делал по-своему.

— Иган, приготовь для Ситэрры Пояс Стихий, — распорядилась тем временем паучиха.

— Что-о-о? — главный погодник опешил и впервые посмотрел на Мари. Презрительно скользнул взглядом с головы до ног. — Но, Ваше Величество, она же несовершеннолетняя.

— Я в курсе — с ядовитой улыбочкой процедила Северина. — Вечером Пояс должен быть у Ситэрры. Передай его с Норлок. Она девочка сообразительная, болтать не станет.

Паучиха махнула рукой, давая погоднику понять, что больше в его присутствии не нуждается. Едва тот откланялся, не смея спорить, Королева-мать поманила толстым пальцем Мари.

— Запомни, Ситэрра, когда я оказываю доверие, то не прощаю ошибок. Ясно? — она схватила подданную за шею и вплотную приблизила к злобному лицу.

— Да, Ваше Величество, — пробормотала та, задыхаясь. — Я вас не подведу.

Паучиха осталась довольна ответом, отпустила Мари и протянула руку для поцелуя. Юной подданной понадобилось все имеющееся мужество, чтобы засвидетельствовать Северине «почтение» и сдержать тошноту.

Вечером Элия Норлок принесла Пояс Стихий — вещь уникальную, наделенную мощной силой. Пояса выдавали совершеннолетним детям Зимы для выполнения особых заданий. Мари не раз теряла дар речи при виде магических и просто красивых Зимних изделий. Однако этот предмет гардероба вызвал отвращение, едва она поняла, из чего тот сделан.

— Да-да, это женские волосы, — подтвердила Элия, пока Мари разглядывала сложное плетение из белокурых «живых» нитей. — В них собирается большое количество силы. Все женщины во Дворце обязаны сдавать часть волос для создания Поясов. Почти все, — поправилась Элия и с завистью посмотрела на шевелюру Мари. — На твои точно никто не покусится. Нечего морщиться! Еще спасибо скажешь за Пояс. Северина, конечно, велела его выдать для солидности. Но, учитывая последние события, защита не помещает. Пояс концентрирует силу, глупышка. Помогает работать четко, наносить удары, не тратя лишнюю энергию. Не снимай его ни днем, ни ночью.

Соседка оказалась не единственной советчицей, с которой пришлось пообщаться перед отправкой в Орэн. За несколько минут до полуночи заглянул Грэм Иллара. Сел на кровать Элии, деликатно оставившей Мари с учителем наедине.

— Внимательно выслушай меня, Ситэрра, — начал он после тягостной паузы. — Во Дворце каждый ведет свою игру. Побеждает тот, кто предугадывает шаги противника. Северина Дората любит действовать за спиной сына и втягивать в интриги других. Опасные интриги. Инэй делает все, чтобы разрушить планы матери. Ты рискуешь оказаться между молотом и наковальней, Ситэрра. Король не прощает предателей, а Королева-мать с легкостью жертвует пешками, наигравшись с ними. Тебе придется сделать выбор — на чьей ты стороне. Особый выбор. Будучи преданной одному из них, другому придется лгать в лицо.

Грэм помолчал, оглядывая крохотное жилище. Мари не знала, что сказать, но учитель и не ждал быстрого ответа.

— Рофус узнает, что я заходил, и спросит о причине визита, — предупредил он. — Решай сама, как это объяснить. И небольшой совет напоследок. В замок Крона охрана тебя сопровождать не сможет. Будь внимательна. Ни при каких обстоятельствах не покидай спальню по ночам.

Мари долго не могла уснуть. Тревожный стук сердца и сумасшедший рой мыслей в голове отогнали сон на целую вечность. Грэм не открыл ничего нового. Просто разложил ситуацию по полочкам. Главный вывод, который сделала Мари из его объяснений, оказался печальным: доверять нельзя никому.

Она и раньше понимала, что Северина растопчет ее без сожаления. Но и служба Королю — не предел мечтаний. Мари не верила в порядочность Инэя. Шишка на затылке, набитая от удара о стену, не успела зажить, воспоминания о ярости в ледяных синих глазах не померкли. Его Величество выигрывал не слишком много очков у матери. Грэм тоже предстал в новом свете. Мари задумалась, а не была ли его «трогательная» забота трюком, рассчитанным на усыпление бдительности. Сначала помог, приставил стражников для защиты от убийцы, а теперь ждал ответного жеста.

Какой же простой была жизнь в Академии! С грозной, вечно недовольной, но справедливой Ловертой. С глупыми, легко просчитываемыми интригами учеников. А теперь? Это и есть взрослая жизнь?! Нет, Мари на такое не подписывалась. Она еще ребенок! Девочка, жаждущая броситься в объятия нежных любящих рук. В объятия взрослого человека или стихийника, которому не безразлично, встанет ли она завтра с кровати. По щекам побежали слезы, которые дочь Зимы впервые за многие годы не пыталась сдержать...

Утром Мари разбудила Элия.

— Проснись. У меня для тебя кое-что есть. Спрячь на дно дорожного сундука, чтобы никто не увидел.

— Что? — стихийница протерла припухшие глаза, с удивлением глядя на простое серое платье и оранжевый браслет в руках соседки.

— На всякий случай, — заговорщицким тоном пояснила Элия. — Чтобы быть во всеоружии. Это платье простолюдинки и браслет ту. Не спрашивай, откуда они. Просто бери. И прячь, прячь скорее. Сильвана придет в любую минуту.

Но Элия опасалась напрасно. Надутый от важности Рофус объявился во второй половине дня. В праздничном голубом камзоле, расшитом серебром, и синих обтягивающих штанах, делающих кривые ноги еще уродливее. Мари давно была одета и причесана. Даже повязала ненавистный Пояс Стихий вокруг талии.

— Что здесь делал Грэм Иллара?! — гаркнул Рофус с порога, рассчитывая перепугать стихийницу насмерть.

— Спрашивал, зачем я понадобилась вам в Орэне.

Мари, ожидавшая допроса, скромно уставилась в пол. Она приняла решение, едва увидела сына главы стихийного правопорядка.

Рофус удивился прямому ответу.

— Что ты ему сказала?

— Ничего, — пожала та плечами. — Я ценю доверие Ее Величества.

Рофус не счел нужным комментировать ответ.

— Идем, — он указал на дверь, и Мари поняла: поверил. ПОВЕРИЛ!

«Игра началась», — пронеслось в голове. Что говорил Грэм? Выбрав одну из сторон, вторую придется обманывать? Интересно, а вранье сразу всем возможно?

Глава 8. Старые знакомые

Переход через зеркальный коридор не доставил Мари неудобств, однако она прибегла к хитрости, изобразив гримасу боли, и поймала на выходе удовлетворенный взгляд Рофуса. Кому-кому, а ему точно ни к чему знать об особых отношениях с «Путем Королей». По другую сторону Зеркала — в тронном зале с темно-зелеными декорациями ждал хозяин замка. Стоял, сложив руки за спиной. Точь-в-точь такой, каким запомнился Мари девять лет назад: худой, мрачный, с вертикальными морщинами на лбу и сжатыми в жесткую линию губами.

— Зу Сильвана, — Луд Крон не считал нужным поклониться. — Комнаты для вас и вашей спутницы готовы. Через час жду к ужину. Из города как раз вернется другой мой гость.

Рофус кивнул, принимая приглашение, но Мари догадалась: его не устроили ни категоричность Крона, ни наличие в замке кого-то еще. Он не стал интересоваться именем гостя, чтобы не давать хозяину повода для злорадства. И не прогадал — по лицу городского промелькнула тень разочарования.

До комнаты Мари дошли в сопровождении пожилого дворецкого с длинными седыми волосами, перевязанными зеленой лентой.

— Жди здесь, — приказал Рофус слуге-человеку, скривившись от презрения.

Он прошел внутрь с юной стихийницей, плотно прикрыв дверь. Мари едва успела посочувствовать дворецкому, как дурной нрав высокопоставленного стихийника Зимы обрушился на нее саму. Рофус схватил спутницу за плечи и впечатал в стену.

— Не вздумай болтать за столом! На вопросы отвечай «да» или «нет», а лучше игнорируй их! — стихийник усмехнулся, заметив панику в глазах Мари, плотоядно облизнул губы и зашипел в ухо. — За ужином устрой представление. Заморозь что-нибудь. Будто случайно, но чтобы Крон понял, что это не так. Я подам знак, когда начинать. Ясно?

— Да, — сдавленно прошептала Мари, потирая плечо.

Заморозить? С радостью! Желательно самого Рофуса!

Едва за обидчиком с грохотом закрылась дверь, Мари предпочла забыть и о нем, и его ярости. В другой момент она первым делом бы проверила на мягкость широкую кровать с десятком пышных подушек. Попрыгала б на ней. До потолка! Но не сейчас гораздо сильнее волновало творившееся за пределами просторной светлой комнаты. С ловкостью кошки Мари взобралась на подоконник и прильнула к окну, чтобы поприветствовать родной город. Да, она родилась не здесь, но первые осознанные воспоминания связаны с Орэном. В этом уголке страны начался путь непокорной стихийницы Зимы и, возможно, здесь хранятся желанные ответы.

Внизу на выложенной булыжниками квадратной площади начинался праздник. Перед замком городского готовились к представлению актеры. Шестеро крепких мужчин возводили из досок импровизированную сцену, три женщины нанизывали на длинную палку синюю ткань, которой предстояло стать занавесом. Горожан с каждой минутой все прибавлялось. До спектакля их развлекали фокусники, выпускали из шляп голубей и сизый дым. Всех превзошел низенький мужичок с красной кнопкой на носу: растворился в воздухе к восторгу зевак.

Но вниманием Мари завладел старый шарманщик в потрепанном котелке. Головной убор раньше, наверняка, был черным, но со временем покрылся бесчисленным количеством заплат всевозможных расцветок и выглядел комично. Шарманщик медленно крутил ручку потертого ящика и печально покачивал седой головой. Старик не замечал праздную толпу, находился один на один с мелодией, которую Мари не могла слышать. Под стать хозяину вела себя и обезьянка в красном колпачке с кисточкой. Сжалась, словно не хотела занимать много пространства.

Мари смотрела на шарманщика с маленькой помощницей и не понимала, отчего сердце сковала тоска, и навернулись слезы. Пока не закрыла глаза, и в ушах не зазвенел детский голосок:

— Дядя Еллу, дядя Еллу, хочу песенку!

— Какую песенку, воробышек? Грустную или веселую?

— Волшебную! Про Весну!

— Про Весну-волшебницу? Керша, исполним желание маленькой озорницы?

Мари задрожала. Образы полузабытые и полустертые проявились яркой вспышкой. Она когда-то знала старика. Здесь, в Орэне! Шарманщик дружил с Вирту. Помогал найти ночлег и прятаться от армейцев. Отчего память со временем становится избирательной? Стерев большую часть горьких

воспоминаний о детских годах, она спрятала и светлые пятна.

Нужно поговорить с шарманщиком! Вдруг Вирту рассказывала ему о прошлом! Мари прыгнула с подоконника и кинулась к двери, не думая о последствиях. Главное — бежать быстрее, пока Еллу не исчез вместе со старой шарманкой.

Но не вышло.

— Куда собралась, Ситэрра? — гневно поинтересовался Рофус, которого Мари едва не сбила с ног, вылетев из спальни.

Он вцепился в ворот и встряхнул юную спутницу, как тряпичную куклу. Разбежавшиеся мысли вмиг встали на место.

— Там... там... праздник. Поближе посмотреть... — пролепетала она, придумав спасительную ложь.

— Глупая! — разъярился Рофус, но платье, грозящее затрещать по швам, отпустил. — У тебя другой праздник. Мерзавец Крон зовет к ужину. Его гость вернулся раньше срока. Бездарная ложь. Но ничего, этот человеческий выскочка еще попляшет! Чего замерла, Ситэрра? Идем! У тебя есть работа!

Сжимая кулаки, чтобы не расплакаться от досады, Мари поплелась за Рофусом. А что еще оставалось?

Обеденная комната Крона произвела гнетущее впечатление. Громоздкую мебель окружали знакомые по тронному залу темно-зеленые декорации. Но к болотному цвету прибавился золотой. На стенах — в виде росписи, и на столе. От свечения, излучаемого приборами, зарябило в глазах. Наверняка, большим количеством драгоценного металла городовик желал подчеркнуть собственное высокое положение. Или же хвастался богатством.

Хозяин успел преступить к трапезе. Как и гость, с которым Крон мило беседовал. Сразу стало ясно — ужин начался с той самой минуты, как городовик расстался со стихийниками в тронном зале. Но надо отдать Рофусу должное. Он ни единым мускулом не выказал, насколько взбешен дерзостью правителя Орэна.

— Вы знакомы с Лукасом Горшуа, зу Сильвана? — весело оскалился Крон, глядя, как тот взирает на светловолосого мужчину, вальяжно расположившегося за столом.

— Разумеется, — ответил вместо него гость. — Давно не виделись, Рофус.

— Я, к счастью, не частый посетитель объединенной сыскной канцелярии.

— Действительно, к счастью, — усмехнулся Горшуа и взял на себя обязанности хозяина, раз Крон не торопился это делать. — Прошу, присаживайтесь. Рофус, будь любезен, представь юную прелестницу.

— Зу Ситэрра, — Рофус кинул ядовитый взгляд на городовика. — *Мари* Ситэрра. Луд должен ее помнить. Она родом из его славного города.

— А! Тот самый чудо-ребенок? — заинтересовался Горшуа, не обращая внимания на кашель подавившегося вином Крона. — Настоящая зу. Как быстро летит время! Кажется, только вчера мы в канцелярии разбирали то происшествие. Виданное ли дело — снег в разгар Лета!

Пока Горшуа предавался воспоминаниям, Мари с любопытством его разглядывала. Внешность сыщика не оставляла ни единого сомнения в принадлежности. Длинные светлые волосы, холодные серые глаза. Кожа белая-белая. Такая бывает лишь у истинных детей Зимы. Еще не стар, но и не молод. Опытен — судя по цепкому взгляду. Интриган — о чем свидетельствовала спрятавшееся в уголках губ лукавство.

— Каким ветром тебя занесло в Орэн, Лукас? — осведомился Рофус, беря в руки столовые приборы. Вопрос прозвучал непринужденно, но интерес был очевиден.

Глядя, как он легко орудует ножом и вилок, Мари задним числом поблагодарила Академию за уроки этикета, на которых яу тщательно учили манерам, в том числе за столом. Перестала глазеть по сторонам и скромно уткнулась в тарелку. Еда стояла поперек горла, однако Мари аккуратно подкладывала в рот кусочки мяса, почти не чувствуя вкуса из-за желания не пропустить ни слова из разговора мужчин.

— Мне потребовалось вмешательство сыщика, — объяснил городовик за Горшуа, нарочно тянущего с ответом. — На фабрике пропала партия товара. Пытаемся совместными усилиями разобраться, кто у нас такой хитрый.

— Да, некоторые любят хитрить, — мимоходом согласился Рофус, придав лицу невинное выражение. При всем желании не обвинишь в сарказме.

— А ты зачем пожаловал? — Горшуа отхлебнул вина. — До правления твоего Короля пять месяцев. Не замышляют ли Их Величества очередную пакость?

— Что ты, Лукас! — Рофус театрально приложил руки к груди. — Это все Луд. Задолжал Королю за две Зимы, меня и отправили освежить городовику память.

Мари едва удержалась, чтобы не прыснуть со смеху, когда Крон вторично подавился. Несмотря на презрение к Рофусу, она была готова зааплодировать за изысканную месть хозяину замка. Горшуа тоже оценил выпад, но скрыл смешок за салфеткой, аккуратно вытерев ею губы.

Гость городовика не имел права требовать у Рофуса отчета. Объединенная канцелярия не вмешивалась в дела Дворцов, пока там не случалось что-то из ряда вон. Или, если преступление совершалось против жителей соседних Замков. Зато дети Времен Года нанимали сыщиков в качестве независимых экспертов. К слову, поступив на службу, они навсегда утрачивали принадлежность. Становились особыми стихийниками, к которым обращались «абу». Поэтому Горшуа и назвал Инэя в разговоре с Рофусом *твоим* Королем.

— Что ж ты опростоволосился, Луд? — поинтересовался у городовика сыщик, решив подыграть гостю из Зимнего Дворца. — Вижу, вам двоим будет, о чем поговорить после ужина, — он подлил себе еще вина и повернулся к Мари. — Зу Ситэрра, я собираюсь на праздник. Не согласитесь ли составить компанию?

Мари не успела открыть рот. Крон, уставший от нападков гостей, взорвался.

— Нашел с кем любезничать! — он бросил на стол смятую салфетку. — Ее мать была бродяжкой. Безродной шу! Слепой на один глаз! Как ее звали? — городовик принялся щелкать пальцами, пытаясь извлечь из памяти забытое имя гадалки.

— Вирту, — подсказала Мари, откладывая столовые приборы.

Щеки запылали от гнева. Да, она никто по сравнению с правителем целого города, однако пусть не думает, что вправе наносить оскорбление. И поливать грязью мать.

Рядом раздался звон. Рофус уронил на пол вилку. Побледнел и, хлопая глазами, посмотрел на Мари.

— В чем дело? — с наигранной вежливостью поинтересовался Горшуа. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Здесь душно, вам не кажется? — попытался Рофус загладить неловкость. Взял у слуги новые приборы и с удвоенным рвением принялся копошиться в тарелке. — Ты высказал отличную идею, Лукас, — проговорил он, отчаянно изображая беспечность. — Ситэрра составит тебе компанию на празднике.

— Симпатичная получится пара: бравый сыщик и бродяжка, — провозгласил, поднимая бокал, Крон. Он снова решил пройтись по происхождению юной стихийницы, вдруг последуют еще какая-нибудь реакция.

Она последовала. Но не от Рофуса. Рассвирепевшая Мари сплела под столом сложный узор, чтобы проделать с Кроном то, что всегда мечтала испробовать на Дайре Норди в Академии. Разум застлал гнев, но плетение удалось на славу. Ухмыляющийся городовик схватился за горло и принялся отчаянно хрипеть, не в силах издавать иные звуки. Правда, стихийница не поняла, что поспособствовало успеху: собственные старания или Пояс, усиливающий способности.

— Простите, я такая неловкая, — невинно проговорила Мари.

Слуги суетились вокруг господина, не зная, что предпринять: то ли воды подать, то ли вызвать лекаря. Но Крону сейчас ничто не могло помочь. Хоть кипяток в рот заливай, магически замороженный язык не оттает. Придется ждать, пока лед сойдет на нет естественным путем.

— Ничего страшного, — улыбнулся Горшуа, пока городовик закатывал глаза и жестами приказывал слугам оказать ему помощь. — Юным стихийникам сложно держать силу под контролем. Выходят иногда казусы. Я однажды пол под ногами Королевы Северины заморозил. Пришлось в срочном порядке покинуть Зимний Дворец и менять профессию.

— Серьезно?! — задыхнулась развеселившаяся Мари. — Королева упала?

— Еще как, — Горшуа заговорщицки понизил голос. — Прокатилась через весь тронный зал. На глазах у толпы. Вот срам-то получился.

— Вы шутите, да? — Мари живо представила паучиху, едущую на пятой точке и кричащую дурным голосом, однако поверить в такое счастье не решалась.

— Конечно, не шучу! — изобразил обиду сыщик. — Рофус, подтверди. Приятель, ты с нами?

Мари повернулась к спутнику. Тот сидел, уставившись в одну точку, и не замечал ни изображающего предсмертные судороги городовика, ни двух сплетников.

— Значит, Вирту, — прошептал он, разрывая на мелкие кусочки ни в чем не повинную салфетку.

У Мари похолодели ноги.

Неужели?! Нет! Только не он! Великие небеса, только не Сильвана!

Направо, налево, после арки два раза налево. Через зеркальный зал и направо.

Мари старательно запоминала дорогу от спальни до выхода из замка, пока шла на праздник под руку с Горшуа. Коридоры во владениях Крона под стать хозяину. Такие же мрачные и холодные. От серых каменных стен веяло вековой сыростью, редкие лампы едва излучали свет. Чуть выигрывали залы. Но и их простор терялся в унынии болотных тонов. Откуда у городовика страсть к удручающей зелени? Неужели, нравится жить в трясине?

Кстати, о Луде. Гость из объединенной канцелярии все-таки оказал помощь хозяину замка и разморозил покрытый коркой льда язык. Но, как выяснилось, не из-за расположения к городовика.

— Тебе ведь не нужны проблемы? — улыбнулся он Мари. — В Академии не объясняют, какой урон способна нанести погодная магия людям. Не считают нужным. Стихийникам заморозки и молнии тоже способны доставить неприятности. А при сильном желании, даже убить. Но люди получают серьезные травмы при любом, даже слабом воздействии. Не разморозь я Крону язык, он бы месяц не смог разговаривать.

Мари вытаращила глаза от ужаса, а, придя в себя, поблагодарила Горшуа. Гнев Королевы-матери из-за травм Луда Крона — вещь однозначно лишняя.

— Перестань тревожиться, — посоветовал сыщик по дороге, заметив кислое выражение лица спутницы. — Постарайся насладиться праздником.

Они миновали застывший отряд армейцев, охраняющий парадное крыльцо, и попали в гущу гуляний. От шума и смеха Мари стало не по себе. Хорошо еще, что послушалась сыщика и взяла предложенный слугой серый невзрачный плащ. Иначе бы белоснежное Зимнее одеяние выделялось, как свет фонаря в ночи. Теперь она выглядела обычной горожанкой, пришедшей повеселиться на главную площадь в вечер выходного дня.

— Подойдем ближе к сцене, — предложил Горшуа и, не дожидаясь согласия, потянул спутницу за собой.

Мари искала глазами старика Еллу, придумывая способ избавиться от сыщика. Но с каждой секундой становилось понятнее, что Горшуа ни на шаг не отпустит ее от себя. Вон как крепко вцепился в руку. Скоро вопрос о побеге сам снялся с повестки дня. На пятачке, где недавно играл шарманщик в потрепанном цилиндре, стояли два парня навеселе, наперебой выкрикивая имя некой дамы.

Пробраться к сцене труда не составило. Толпа почтительно расступалась перед Горшуа, стоило показать нашивку на рукаве — знак сыскающей канцелярии (совмещенные снежинку, цветок, клубнику и желтый лист). Мари не смотрела вверх — туда, где разворачивалось театрализованное действо. Все мысли занимали Еллу и Рофус. Разум терзали вопросы: где искать первого, и как доказать, что второй не имеет отношения к ее появлению на свет.

— Поверь, спектакль заслуживает внимания, — вкрадчиво прошептал Горшуа, заметив, отстраненность спутницы. — Сосредоточься.

Представление перевалило за половину, но Мари учла пожелание сыщика и постаралась вникнуть в сюжет. Это оказалось не сложно, а удивления вызвало не меньше знакомства Рофуса с Вирту. Актеры рассказывали не о жизни и быте людей, а событиях, произошедших в Зимнем Дворце четырнадцать лет назад. Тех, что предшествовали смерти Короля Бурана и его младшего сына.

Мужчина, исполняющий роль Его Величества, рассуждал о ненавистном городовике Арду из Эзры и строил планы мести. Жена Короля подливала масла в огонь: советовала не давать пощады предателям. Белокурый Принц Снежан — совсем юный — стоял позади родителей и не произносил

ни слова.

Мари не верила глазам. Как посмели люди играть Королей?! Северина их за это в порошок сотрет! А Луд Крон? Неужели, не понимает, чем чревата подобная вольность на его территории?

Декорации, тем временем, сменились. Началась снежная буря, обрушенная на Эзру безжалостной рукой Повелителя Зимы. Ее актеры показали в танце. Дюжина девушек в белых лохмотьях и масках, спрятавших лица, закружилась на сцене, все ускоряя и ускоряя ритм. На улице стемнело, искусственный свет фонарей заставлял тени, отбрасываемые танцовщицами, угрожающе трепетать. Они множились и наступали на зрителей. Стремительно. Не давая опомниться.

Лоб Мари покрылся капельками пота, сердце свернулось калачиком и устремилось к земле. Она сделала шаг назад, наступив Горшуа на ногу.

— Все в порядке? — сыщик подхватил пошатнувшуюся спутницу.

— Маски... — прошептала Мари, чувствуя, что сейчас закричит. Безудержный танец метели напомнил хороводы на празднике Летнего Солнцестояния.

Горшуа понял без дополнительных объяснений. Обнял стихийницу за талию и увел от сцены сквозь захлебывающуюся восторгом толпу. Мари не противилась воле сыщика, шагала, глядя под ноги. Сжимала зубы и гнала прочь образы, врезавшиеся в память на годы: праздную беснующуюся толпу и Королеву Хладу на полу. Слишком яркие образы, затмевающие все на свете.

Юная дочь Зимы пришла в себя в трактире за площадью, когда хозяин услужливо поставил перед ней напиток, источающий ягодный аромат.

— Пей, — посоветовал Горшуа. — Это ежевичный морс. Поможет взбодриться.

— Простите, — Мари отхлебнула бордовую жидкость, приятно охлаждающую горло.

— Ничего, — отмахнулся сыщик. — Я посчитал, тебе понравится спектакль. Но не учел некоторые его особенности.

— Спектакль! — дочь Зимы провела пальцем по покрывшейся капельками стенке стакана, оставляя неровный след. — Он... он...

— Оригинален? — подсказал Горшуа, видя затруднения.

— Смел, — озвучила Мари свой вариант. — И чреват последствиями.

— Ни в коей мере, — не согласился сыщик, придирчиво рассматривая виноградную гроздь на большом блюде с фруктами. — Когда в следующий раз режиссер этого театра посетит Зимний Дворец, Северина Дората устроит для него званый обед, будет угощать лучшими яствами и вином.

— Человека? — не поверила Мари, отлично знавшая, что даже вельмож бу никогда не сажают за Королевский стол.

— Содж — так зовут смельчака — стихийник высшей категории, истинный сын Зимы. Много лет назад он покинул Дворец, чтобы сочетаться браком с человеческой женщиной. С актрисой этого театра Гретой. Мне она сегодня показалась бесподобной в роли Северины. Для любого другого стихийника это бы стало несмыслимым пятном. Но Содж — Мастер. Короли простят ему все, лишь бы выполнял обязанности. Я объясню, — улыбнулся Горшуа, правильно истолковав красноречивое молчание. — Но сначала ответь, какие предметы считают символом Королевской власти?

— Шары Стихий? — предположила Мари.

— Совершенно верно. Однако при всей уникальности и мощи Шары Стихий могут сломаться. Как и любая другая наделенная магией вещь. Мастер — тот, кто «чинит» Шары, следит за их работоспособностью. К сожалению, а, может быть, к счастью, этот дар не передается по наследству и меняет носителя раз в пятьдесят лет. Предсказать, кто станет следующим Мастером, невозможно. Содж получил способности сорок лет назад. Королям проще еще десятилетие потерпеть шалости свободолюбивого сына Зимы, чем остаться без символов собственной власти.

— Другие Мастера живут при своих Дворцах? — Мари мысленно восхитилась наглостью предприимчивого стихийника и испытала толику зависти. Вот бы получить такой дар! Тогда не страшны ни паучиха, ни таинственный убийца.

— Других не существует. Мастер всегда один. На все четыре Дворца. В нашем случае — это Содж Иллара.

— Иллара?! — Мари едва не опрокинула стакан.

— Да, — хитро улыбнулся Горшуа. — Полагаю, ты знакома с его сыном от первого брака. Бунтарством Грэм пошел в отца.

Мари закатила глаза. Теперь нахальство учителя не удивляло.

— Скажите, Мастер использует только Зимние сюжеты? — спросила она.

— Не только. Обычно спектакли посвящены событиям давно минувших дней. Содж устраивает стихийникам и людям уроки на реальных примерах. Как сегодня. Весьма достоверно передает события.

— Неужели? — усомнилась Мари. — На сцене находился один Принц. Не нашлось актера, способного сыграть Инэя?

— Старшего Принца не было во Дворце, когда Буран устроил осаду Эзры, — хрипло пояснил Лукас, допивая вино. — Инэй с Грэмом целый год путешествовали по стране. Поговаривают, разбили немало сердец.

Мари презрительно поджала губы. Наглые самовлюбленные мальчишки! Наверняка, считали себя неотразимыми. Разбили немало сердец, значит. Стоп! Мари подскочила, додумав мысль до конца. До самого конца. Великое небо! Двое наглецов путешествовали по стране четырнадцать-пятнадцать лет назад!

— О чем задумалась? — осведомился Горшуа, не спускающий глаз с юной спутницы. — Не о своем ли прошлом?

— А если и так? — огрызнулась Мари. — Имею право!

— Разве я спорю? — примирительно развел руками сыщик. — Но хочу дать совет, таинственная дочь Зимы. Твоя свобода заключается в неведении. Твоя судьба не отягощена бременем рода. Ты можешь выбрать любую дорогу. Зато правде под силу превратить тебя в заложницу обстоятельств. Наметить путь, с которого ты не можешь свернуть, даже если захочешь. Подумай об этом на досуге, девочка, — Горшуа выразительно посмотрел Мари в глаза, поднялся и бросил на стол горсть монет. — Пора возвращаться в замок. Ночь приближается.

Глава 9. Песня для воробышка

До спальни дошли в тишине. Мари была слишком обескуражена советом Горшуа. Сыщик деликатно помалкивал. Доведя юную зу до места, пожелал приятных снов, раскланялся и растворился в ночи. Мари распахнула дверь, желая поскорее упасть на мягкую постель и в спокойной обстановке поразмыслить над словами нового знакомого. С восторгом посмотрела на широкую кровать, которую утром проигнорировала, приготовилась с разбегу на нее запрыгнуть и...

— Нужно поговорить!

От голоса Рофуса, притаившегося за дверью, сердце провалилось, ударилось обо что-то и рвануло обратно.

— Зу Сильвана, находиться в столь поздний час в чужой спальне неприлично.

Мари сама не поверила, что произнесла это вслух. Наверное, на дерзость спровоцировал шок или нежелание верить в родство с Рофусом. Но точно не здравый смысл.

Претендент в родители разъярился сильнее — аж редкие волосы на затылке встали дыбом, и пошел в наступление, скрючив пальцы. Мари попыталась нырнуть обратно в коридор, но поздний гость оказался проворнее, схватил за горло и прижал спиной к стене.

— Ты... Ты... — прорычал он. — Говори!

Интересное получилось требование. В другой момент Мари нашла бы в словах взбешенного мужчины повод для язвительного замечания. Она при всем желании не могла выполнить приказ. Во-первых, не понимала, что именно должна ответить. Во-вторых, не имела возможности открыть рот, даже воздух проникал в легкие с трудом.

Рофус сам понял причину затруднений и разжал пальцы.

— Уф, — Мари съехала вниз, потирая пострадавшее горло. И почему почти каждое общение с высокопоставленными стихийниками Зимы выливалось в подсчет боевых синяков и ссадин?

— Говори! — повторил Рофус, угрожающе возвышаясь над жертвой. Грузная фигура и раскрасневшееся от злости лицо полностью закрыли обзор. — Откуда твоя.... Оттуда *она* родом?

— Я не знаю, — прошептала Мари, ощущая всепоглощающую пустоту внутри, образовавшуюся там, где недавно билось живое сердце. Жуткое предположение, что Рофус мог быть ее отцом, превращалось в реальность. Иначе, зачем расспрашивать о Вирту?

— Маленькая лгунья! — взревел мужчина раненым зверем. — Говори!

— Я не знаю! — Мари прикрыла лицо, испугавшись взметнувшейся руки. — Мне было пять лет, когда мама умерла! Слишком мало, чтобы... чтобы... — она не закончила фразу из-за нахлынувшей горечи при воспоминании о годах, проведенных в одиночестве.

— Когда ты родилась? В каком месяце?

Удара не последовало и, снова взглянув на Рофуса, Мари разглядела в его глазах ужас — слишком сильный, неспособный спрятаться за яростью.

— Мама не отмечала мой день рождения. Дату в личное дело вписала зу Ловерта. Никто не мог сказать, когда... когда... — Мари трясло, как при лихорадке, но она не отрывала взгляда от перекошенного лица стихийника, которого до смерти перепугал факт ее существования.

— Никому! — прорычал Рофус, ошетинившись. — Никогда! Ни слова! Иначе, я убью тебя, Ситэрра! Поняла?! Я! Тебя! Убью!

Дверь захлопнулась, грузные шаги стихли в ночи. Мари осталась сидеть на полу, прижав ладони к лицу. Она не верила. Не хотела верить в *такую* правду. От мысли, что Рофус Сильвана — ее отец, сердце взрывалось отчаяньем. Ныло и молило небеса о снисхождении.

Но и отринуть факты не получалось. Слишком «хорошо» они складывались. Рофус входил в список предполагаемых отцов, являлся сыном Зимы высшей степени и мог беспрепятственно путешествовать «Путем Королей». А, главное, был знаком с Вирту и испугался ее родства с Мари. Этот страх объяснялся легко. Фальда Сильвана много лет дружила с Севериной. Благосклонно паучиха относилась и к самому Рофусу. Узнай Королева-мать о его связи с человеческой женщиной, да еще с шу, не поздоровится всему семейству. Прав Горшуа! Свобода — в неведении!

Мари не заметила, как, наплакавшись вдоволь, провалилась в сон на полу. За пеленой, уводящей от

горькой реальности, привиделась Вирту. Забытые черты матери — грубые, словно вытесанные из древа невеселой жизни — приобрели четкость. Гадалка сердилась. Не на дочь. На шарманщика, испуганно пятившегося к обшарпанной двери.

— *Хватит забивать ребенку голову глупостями, старый дурак!* — Вирту выглядела столь грозно, что Еллу не на шутку струхнул.

— *Да я... просто я...* — оправдывался он, прикрывая руками музыкальный ящик, в сторону которого грозно зыркал здоровый глаз шу.

— *Но я хочу про снежики!* — возмутилась маленькая Мари, не понимая причины разгоревшейся ссоры.

— *Нос не дорос, чтобы думать об этом!* — Вирту показательно замахнулась на старика, схватила дочь за руку и потащила прочь от шарманщика.

— Снежики... Снежики... — бормотала Мари, переодеваясь. — Что это такое?

Она приняла решение, едва открыла глаза посреди ночи — удрать из замка и отправиться на поиски шарманщика Еллу. Прямо сейчас. Не медля ни минуты. Где выход, она теперь знала. Как пройти мимо эу, предстояло сообразить на месте. Стихийница и сама не смогла бы ответить, что сподвигло на срочные сборы — ярость Рофуса или сон о таинственных снежиках. Знала одно — оставаться в замке Крона выше сил.

Какая умница Элия Норлок, что снабдила платьем и браслетом. Нужно непременно поблагодарить соседку, если их пути снова пересекутся. Мари пока не загадывала далеко вперед. Однако на границе сознания, словно зерно, упавшее на благодатную почву, зрел план о настоящем побеге. Не только из владений городовика, но и из Зимнего Дворца. Навсегда!

Скинув снежно-белое одеяние, Мари с сомнением посмотрела на Пояс Стихий. Хотела, было, оставить на кровати, но передумала. Кто знает, какие неприятности принесут поиски шарманщика, а, значит, защита не помешает. Стихийница повязала изделие из белокурых женских волос на голое тело и спрятала от посторонних глаз под свободным серым платьем. Ее ни капли не смущал факт присвоения чужого имущества. Вызывал легкое злорадство — паучиха лопнет от злости, когда узнает о пропаже.

Оранжевый браслет оказался свободнее, чем следовало, пришлось поднять его повыше. Последним штрихом к портрету простолюдинки стал серый плащ, в котором Мари накануне посетила праздник на площади. Очередное чужое добро, но не лишнее в пути. Жаль она не догадалась уложить в сундук дорожную сумку. С тоской вспоминались и подарки друзей, оставленные в сиротском доме. Интересно, что с ними сделает Юта Дейли? Выбросит, как хлам? Наверняка. Но теперь ничего не поделаешь. Да и не тащить с собой в неизвестность книги и безделушки.

Мари тряхнула головой и постаралась выбросить из нее тревожные мысли. Набрав в грудь побольше воздуха, коснулась дверной ручки.

«Ни при каких обстоятельствах не покидай спальню по ночам».

Наставление Грэма Иллары зазвучало в ушах, словно учитель стоял рядом. В ответ вдоль позвоночника пробежала стайка мурашек. Мари растерялась. Но лишь на миг. Чего ей бояться? Стихийник, ранивший Королеву Хладу, далеко. Ночь почти прошла, на горизонте показалась шапка раннего Летнего солнца.

Мари ступала бесшумно. Ни к чему привлекать чужое внимание. Искусственного освещения в коридорах с вечера заметно поубавилось. Крон точно хотел превратить владения в замок ужаса из страшилок, которые яу пересказывали друг другу в Академии в особенно темные ночи. Чтобы отвлечься от мрачных стен, Мари размышляла о поисках Еллу. Начать следовало с рынка. Кто-то из торговцев наверняка ведает, где обитает старый шарманщик. Он и раньше часто прятался от армейцев в глубине рядов. Еще нужно придумать легенду, чтобы убедительно врать о прошлом. Какой из городов назвать родным? Может, соседний — Юнитру?

Позади слышались шаги. Осторожные, почти бесшумные. Сердце затрепыхалось, как пташка в кошачьих лапах. Слишком знакомым показался звук, напомнил леденящие кровь события на лестнице Зимнего Дворца. Несостоявшийся убийца Королевы Хлады тоже крался в ночи, прежде чем перейти в открытое наступление.

Мари запретила себе поддаваться панике. Это кто-то из слуг поднялся ни свет, ни заря, чтобы приступить к обязанностям. Надо чуточку ускориться, и он не заметит беглянку в полутемном коридоре. Но план не сработал. Незнакомец тоже прибавил шаг. Точь-в-точь, как в прошлый раз. С

этим испытанием нервы не справились, и Мари припустилась прочь, отмечая в мечущихся мыслях, что и преследователь перешел на бег.

Дочь Зимы больше не заботилась о тишине и летела к выходу, отчаянно молотя каблучками. Топот отдавался зловещим эхом, нагнетая страх. Почему она вновь не послушалась Грэма?! Сидела бы в спальне в безопасности, а не участвовала в безумной гонке, наградой в которой станет ее жизнь!

«Бежать, бежать, спастись!» — стучало в висках, как удары молота.

Движение позади прекратилось так же внезапно, как и началось. Но это была не победа, и даже не передышка. Что-то блестящее со свистом рассекло воздух, пройдя рядом с плечом Мари. Ударилось о раму картины и рикошетом ушло выше — в керосиновую лампу на стене. Громкий звон чуть не вызывал разрыв сердца. А потом оно и вовсе почти остановилось. На полу среди осколков и затухающего огня стихийница узнала серебряный нож из коллекции Зимнего Дворца. Со снежинкой на рукояти!

В себя заставили прийти приближающиеся шаги. Враг воспользовался замешательством жертвы. Она краем глаза разглядела темную фигуру в длинном плаще. Не придумав ничего лучше, сдернула с ближайшей двери портьеру и кинула в огонь. Получив подпитку, языки пламени издали благодарный треск и принялись активно поглощать зеленую ткань.

— Пожар! — закричала Мари, даря поднимающемуся костру вторую штору. — Спасайтесь! Горим!

Она яростно глянула на застывшего противника. Отсюда не поймешь, кто он. Фигуру скрывал плащ, лицо — надвинутая на глаза шляпа с широкими полями. Мужчина покачивался, решая: броситься на жертву или унести ноги, пока на крики не сбежался весь замок. Обтянутые перчатками пальцы подрагивали от нетерпения. Преступник жаждал расправы, но вынужденно отступил. Послал воздушный поцелуй и растворился в полутьме. Мари опешила от наглости, но быстро сообразила, что ее вот-вот застукуют на месте поджога, и со всех ног помчалась к выходу.

— Там! Все горит! — крикнула она бегущим навстречу армейцам и припустилась дальше, пока парням в бирюзовой форме не пришлось в голову связать ее с пожаром.

Покинуть владения Крона благодаря поднявшемуся переполоху не составило труда. К истошным крикам Мари присоединились и другие испуганные голоса. Проснувшиеся обитатели замка почувствовали запах гари и поверили, что здание вот-вот окажется в объятиях пламени. На парадное крыльцо высыпали, кто в чем был — от нижнего белья до причудливых «нарядов», на скорую руку сооруженных из простыней. Мари бросила прощальный взгляд на людей, ищущих отблески пламени в окнах, и с облегчением завернула за угол.

Мари неслась прочь, не разбирая дороги. Куда угодно. Главное, подальше от замка Крона. И стихийника, второй раз пытавшегося лишиться жизни. Бежать. Вперед. Не останавливаться! Безжалостный преследователь полностью завладел мыслями, вытеснив все остальное. Даже Еллу и центральный рынок. В голове вертелось с десятков вопросов, главным из которых был — за что?

Лишь позже, как удар молнии, материализовался одиннадцатый вопросительный знак. Самый главный. Как?! Как, во имя неба, противник оказался во владениях гороховика?! Он не успел бы доехать до Орэна из Зимнего Дворца. Не сумел бы попасть в замок, минуя посты. Стоп! Мари резко затормозила и из-под каблучков, проехавшихся по булыжникам, высыпалось несколько искр.

В здании все это время находился стихийник, способный нанести удар Королеве!

Рофус Сильвана! Сын Зимы без сердца. Расчетливый, безжалостный и злой!

Мари продолжила в путь, не замечая этого. Шагом. Держась за разболевшийся от быстрого бега бок. Ноги работали сами по себе, голова продолжала нелегкий анализ. Зачем Рофусу убивать Хладу? Ответ напрашивался сам собой. Он выполнял приказ Королевы-матери, задумавшей избавиться от неугодной невестки. А, как однажды подметил Грэм, преследователь уверен — Мари способна его опознать. Еще раз стоп! Великие небеса! Несколько часов назад Рофус грозился ее убить! Правда, по другой причине.

Мари застонала и вытерла рукавом покрывшийся испариной лоб. Что же получается — предполагаемый отец обзавелся сразу двумя причинами избавиться от нее? Такое и в кошмаре не привидится. На глаза от жгучей обиды навернулись слезы. Застлали обзор, но не пролились. Наоборот, отрезвили юную стихийницу. Провели четкую границу между прошлым и будущим.

— Хватит! — громко приказала себе Мари и гордо расправила плечи.

Пора брать себя в руки. Раскисла, как распоследняя неженка! И это она — Мари Ситэрра, главная нарушительница покоя в Академии? Как быстро Зимний Дворец подавил ее волю. Превратил проказницу в перепуганную плаксу. Больше никаких слез! Неважно, что задумал Рофус. Он остался

там, куда возврата не будет. Мари так решила, и точка!

Едва мысль была додумана до конца, с души свалился тяжеленный груз. Тиски, сжимающие сердце, объявили о капитуляции, а глаза снова стали замечать окружающий мир. И вовремя. В Орэне начинался новый день.

— Иди прямо, минут через пятнадцать выберешься из кварталов гу, — объяснил круглощекий булочник с желтым браслетом на запястье. — Дальше обитает наш брат и ту. Спроси любого, подскажет, на какую улочку свернуть, чтоб срезать путь. Не бойся, тебя не тронут. Это господ на нашей территории не жалуют. Своих не обижают.

Стихийница поблагодарила словоохотливого торговца, сглотнув слюну при виде его товара — сдобных булочек с пышными боками, только-только вышедших из печи. Но попросить об угощении не посмела. Она с детства помнила правило: в городах каждый зарабатывал на хлеб своими силами. Попрошаек, а, тем более, воришек здесь не любили и не прощали.

Мари пошла дальше под аккомпанемент обиженного желудка, начиная осознавать свое непростое положение. Потеряв голову от желания распрощаться с Зимним Дворцом, она не подумала о последствиях. Ни единой монеты за душой — даже медной! Конечно, можно найти работу. В домашнем хозяйстве за последние недели она поднаторела изрядно. Но устроит ли ее такой вариант? В ответ Мари энергично замотала головой. Пусть в ней течет кровь шу, но она все-таки стихийница. Единственный путь, который казался приемлемым, лежал на срединную территорию. Но как туда добраться без денег и еды?

Мари отложила решение этого вопроса. Сначала поиски Еллу, потом все остальное. Принялась изучать родной город. Кварталы зажиточных гу производили благоприятное впечатление. Чистые, широкие улицы, аккуратные трехэтажные дома — сиреневые и светло-зеленые. Прохожих навстречу попадалось мало. Выходные не закончились, и обеспеченные горожане предпочитали отсыпаться. Бодрствовали здесь только торговцы, чтобы слуги могли пополнить продуктовые запасы.

Границу между кварталами среднего класса и низших сословий Мари распознала без труда. Все цвета радуги и остальные оттенки пропали, оставили сплошную всепоглощающую серость. Беглянку встретили мрачные, нередко покосившиеся строения. Зато людей вокруг прибавилось. Одежда горожан стала простой, а ладони грубыми от тяжелой работы.

— Вон улочка петляет, — указал огромной ручищей сапожник. — По ней ступай. Она длинная, но прямоком к рынку выведет. Только, пигалица, гляди в оба. Обманщиков в рядах хватает. Наврут с три короба, но ты не слушай, за карманами следи.

Мари улыбнулась, засмутившись от трогательной заботы незнакомых людей. Хотела, было, пояснить, что красть у нее нечего, но напряглась, вытянулась струной, почувствовав кожей пронизывающий взгляд. Но только и успела разглядеть, как в карете на другой стороне улицы поспешно задернули штору.

По кривому переулку Мари летела стрелой, стараясь не сбить дыхание. Сердце стучало в десятки раз быстрее, чем цокот копыт гнедых коней преследующего экипажа. Кучер изображал равнодушие, будто вывез господ на прогулку, однако Мари не сомневалась — сиятельная особа прибыла по ее душу. Кто же это? Рофус Сильвана? Но откуда у него средство передвижения без опознавательных знаков?

Карета не принадлежало ни одному из Дворцов, и символы городов на ней отсутствовали. Черная, зловещая, пугающая, она катила, стуча колесами по булыжникам. Вот-вот нагонит и поглотит в жуткие недра. Сколько бы Мари ни старалась, сократить расстояние не получалось. Преследователи схватить ее тоже не пытались. Наблюдали, чего-то выжидая.

Вот и рынок. Мари и через тысячу лет узнала бы чугунные ворота, открытые настежь днем и запирающиеся по ночам. Хотела сразу нырнуть вглубь торговых рядов, но не удержалась, бросила взгляд на карету. И зря. Пока разглядывала руку в перчатке, придерживающую черную штору, упустила, как в двух шагах произошло преступление. Мелкая кража, неожиданно обернувшаяся крупными неприятностями.

— Держи воришку, держи! Чулочки умыкнул! Из шерсти овчинной! — завопила худосочная бабка, гневно топая ногами и кружась на месте, как ужаленная. — Ой, не упустите! — она взмахнула руками, ненароком ткнув костлявой пятерней в сторону зазевавшейся Мари.

— Эй, девка, ни с места! — приказал выросший из-под земли моложавый эу. — Погоди у меня, мерзавка!

Выручили инстинкты, множество раз приходившие на помощь в Академии после очередных проказ. Ноги сами понесли незадачливую стихийницу петлять между рядами.

— Стой! — кричал вслед эу.

Но не тут-то было.

Мари ловко перепрыгивала через прилавки, путая армейца сменой направления, просачивалась под лотками, а в завершение с разбега проехала на животе под ногами у вытаращившего глаза молочника. Не ожидавший маневра преследователь врезался в торговца и вместе с ним полетел вниз, увлекая бутылки с молоком. Даже через три ряда было слышно, как мужичок клянется последней коровой славного города Орэна, что не хотел испортить мундир стража порядка.

Благодаря нелепому столкновению Мари оторвалась от армейца, но на всякий случай оборачивалась на бегу. Вдруг позади снова замаячит опасная бирюзовая форма. И перестаралась. Не хуже шустрого эу налетела на невинного прохожего. Кувыркнулась вместе с ним и приземлилась на покрытую гнилыми досками землю.

— Ах ты, коряга быстроногая! — возмутился пожилой мужской голос.

Извинения, вертящиеся на языке, вмиг позабылись, едва стихийница встретилась с сердитыми черными глазами поверженного старика.

— Дядя Еллу!

Мари не верила своему счастью, разглядывая изрезанное морщинами лицо, и с трудом подавила желания протереть глаза.

— Дядя Еллу, вы меня помните? — она помогла шарманщику подняться и отряхнула грязь с потрепанного камзола. — Я — Мари. Помните? Мари.

В прищуренных глазах шарманщика промелькнула тень узнавания.

— Воробышек! — вскричал он, хватая девушку за плечи. — Ты вернулась!

Мари с головой накрыла волна радости. Нашла! Узнал! Попыталась что-то сказать, объяснить причину встречи, но Еллу не давал раскрыть рта. Все твердил, как она выросла и похорошела.

— Эх, шарманки с собой нет. И Керша в «норе» осталась, — принялся сокрушаться старик. — Сыграли бы тебе песенку. Твою любимую. О подснежниках.

— О чем?! — Мари покачнулась.

— Ну как же? — удивился шарманщик. — О цветах твоих ненаглядных. Подснежниках. В детстве ты их снежиками звала. Матушка твоя гневалась, когда мы речь о них заводили. Твердила, опасная это для тебя тема, — старик назидательно поднял палец, изображая Вирту. — Смертельно опасная. Говорила, лучше самый грязный снег, чем то, что под ним. Голова целее будет.

Глава 10. Фигура в черном

— Не волнуйся, трактирщик свой человек, — шепотом заверил Еллу, переступая порог заведения под вывеской с перекрещенными ложкой и вилок. — Он матери твоей по гроб обязан. От лютой смерти спасла верным предсказанием. Как узнает, что за гостя пожаловала, едой снабдит, не покусится.

Еллу не ошибся. Круглолицый трактирщик Пьетри поставил перед Мари горы снеди. Не то что съесть, с собой не унести. От аппетитного запаха закружилась голова, и голодная стихийница принялась уплетать за обе щеки внушительный кусок ветчины. Но и вопросы задавать не забывала. Говорить можно было, не опасаясь посторонних ушей. Хозяин заведения тактично исчез на кухне, а кроме беглянки и шарманщика в трактире в ранний час никого не оказалось.

Начала Мари с подснежников.

— Если б я знал, в чем тут соль, милая, — развел руками старик. — Эту тайну Вирту мне не раскрыла.

— А какую раскрыла? — пошла в наступление юная стихийница, не собираясь упускать шанс побольше узнать о матери. — Говорила, откуда родом?

— Да. Однажды, — лицо Еллу стало суровым. Старик плеснул в стакан настойку из пузатого кувшина. — Зима была. Снежная ночь. Морозная, — он отхлебнул напиток и поморщился. — Мы долго искали ночлег, плутали по городу, промерзли до костей. Приютил нас этот же трактирщик, спрятал в угловой комнатухе, чтоб жена не прознала. Ох и вредная была баба. Люто нашего брата не любила, — шарманщик с сомнением глянул на стакан и сделал еще глоточек. — В ту ночь мы тоже вино пили. С Вирту. Чтоб согреться... нет-нет не тела. Души уставшие. Ты уж спала, а мы сидели, за жизнь разговоры вели. Тогда-то мать твоя и рассказала о прошлом. Прорвало, видать. Выговориться захотелось.

— Где она жила до Орэна? — поторопила Мари старика, видя, что тот с головой ушел в грустные воспоминания. — В каком городе?

В горле из-за соленого мяса запершило, и она залпом выпила стакан малинового морса.

— После твоего рождения скиталась, пока не поселилась тут, — очнулся Еллу. — Но большую часть жизни провела не среди людей, а рядом со стихийниками. В Зимнем Дворце. Была прислугой в низах.

— Не может быть! — Мари вытаращила глаза. Пустой стакан из-под морса прокатился по шершавой деревянной столешнице.

— Да-да, Вирту жила во Дворце Зимы. С самого рождения, — как ни в чем ни бывало продолжил шарманщик, отламывая куриное крылышко, зажаренное до хрустящей корочки. — Твой прадед был придворным предсказателем Королей. Дед не унаследовал дар, стал обычным слугой, а Вирту скрывала способности. Считала: чем дальше от клана Дората, тем безопасней.

— Почему мама покинула Замок? — голос Мари стал хриплым. Как же сильно она страшилась ответа старика!

— Из-за парня одного, оказавшимся мерзавцем, — Еллу грохнул кулаком об стол.

— Моего... — она не смогла произнести запретное слово.

— Вирту не называла его *твоим отцом*, но по срокам сходится.

— Как его имя?

— Этого Вирту мне не открыла, — по лицу шарманщика прошла гримаса презрения. — Рассказывала, что жалела парня, потому и привечала. Мол, некрасивый юноша. Всю жизнь под каблуком деспотичной матери. Его семья занимала высокое положение во Дворце и пользовалась доверием клана Дората. Вирту говорила, в его душе было место добру, но он избрал иной путь.

Мари задрожала. Слишком сильно описание подходило Рофусу. Презентабельной внешностью тот точно не отличался, а его мать Фальда дружила с паучихой. Неужели, все-таки он?!

— Что произошло? — Мари с трудом заставила себя задать новый вопрос.

— Негодяй подставил Вирту, обвинил в воровстве, — после гнетущей паузы поведал шарманщик, снова схватившись за стакан. — По приказу мерзавца ее прогнали из Дворца. С позором. Один стражник перестарался и... В общем, тогда-то твоя мать и лишилась глаза. Прости, воробышек, что

рассказываю мерзости. Но, подозреваю, ты и раньше не питала иллюзий на счет этого сына Зимы.

— Не питала, — процедила Мари, давая себе обещание, что если их с Рофусом пути пересекутся, она оставит его без обоих глаз.

— Не переживай, девочка, — старик мягко похлопал ее по руке. — Твоя мать ему отплатила. Сотворила худшее наказание для стихийника. Вирту его прокляла. Проклятие гадалки в момент страшного горя — ужасающая вещь. Истекая кровью, она пожелала, чтобы предатель лишился дара. И так случилось, воробышек. Он больше не может управлять погодой.

— Невероятно, — прошептала Мари зачарованно.

В подобный расклад верилось с трудом. С другой стороны, паучиха отправила юную подданную в Орэн для устрашения Луда Крона, коли проявит несговорчивость. Получив задание, Мари не восприняла слова старухи всерьез. А теперь... Теперь в них появился новый смысл. Если Рофус не мог воздействовать на городовика, требовался стихийник, который сделает это за него и не посмеет задавать вопросы.

— После мамы остались личные вещи? — поинтересовалась Мари, чтобы перевести тему. Она подозревала, что если таковые и существовали, то давно оприходованы другими бродягами.

— А как же, — оживился Еллу. — Шкатулка деревянная была. Запертая на замок. Вирту ее берегла, прятала от всех. Вот только... Прости, воробышек, не сумел я — старый дурак — сберечь ценность. Сыщик приходил, как тебя толстяк-армеец увел. Из самой канцелярии объединенной. Расспрашивал о прошлом Вирту. Я, естественно, молчок. А он обыск устроил. Нашел шкатулку и давай меня вопросами изводить, грозить по-всякому. Тут я и струхнул. Сказал, мол, да, гадалки имущество. Так и лишился твоего наследства.

— Как звали сыщика? — спросила Мари, размышляя, что такого ценного прятала мать.

— Э-э-э-э, — протянул шарманщик, почесывая лоб. — Совсем дряхлый стал, память подводит. Молодой ищейка был, но цепкий. Высокий. Блондин. Взгляд ледяной. Зимний сын, как пить дать. Крутится ведь в голове. Кажется, начинается на Гш... а как дальше, не припомню.

— Горшуа?! — ахнула Мари.

— Точно! — старик хлопнул ладонью по столу, тарелки подпрыгнули. — Горшуа! Погоди, ты его знаешь?

— Вскользь, — пробормотала та.

Рассуждения Лукаса о свободе в неведении предстали в новом свете. Подлец! Наверняка, все разведал о Вирту и Рофусе. Шкатулку открыл! Мари с горечью подумала, что список лиц, с которыми предстоит по квитаться, увеличивается на глазах.

— Что ты собираешься делать, воробышек? — вывел стихийницу из печальных раздумий шарманщик. — Чует мое сердце, твоя дорога ляжет мимо Зимнего Дворца.

— Мудрое у вас сердце, дядя Еллу, — улыбнулась Мари и снова помрачнела. Вспомнились временно отринутые дорожные проблемы и черная карета без опознавательных знаков. — Мне нужно на срединную территорию. Но, боюсь, не смогу туда попасть.

— И это вся печаль? — развеселился старик. — Эка невидаль, срединная территория. Наши обозы через нее каждый день едут с дарами для Королей. Сейчас больше для Летнего, раз он в сезоне правит. Я договорюсь с парнями, подкину тебя до владений независимого совета. Сначала тебе туда придется заглянуть, получить разрешение поселиться в какой-нибудь общине.

— Так просто?! — Мари не поверила ушам.

— А то! Эй, Пьетри! — крикнул Еллу трактирщика. — Собери воробышку еды в дорогу.

Мари отказалась, но шарманщик нахохлился.

— Сиди и помалкивай. Старый друг от всего сердца угостит, и в пути запасы будут. Так честнее, чем стать лишним ртом для ребят. Ехать с неделю придется.

Пришлось смириться и наблюдать, как мужчины спорят, что положить в дорожную сумку, любезно предоставленную трактирщиком. Пьетри пытался запихнуть побольше снеди. Еллу выбирал продукты посытнее, но легче по весу, мол, нечего юной девушке надрываться. Постепенно голоса зазвучали приглушеннее. Мари забыла о спорщиках и задумалась над рассказом шарманщика.

Улики выстроились в стройный ряд. Рофус Сильвана выбился в лидеры среди кандидатов в отцы. И

все же оставался небольшой шанс, что Вирту (да простят Мари небеса за дурные мысли о матери!) могла встречаться с кем-то еще в Зимнем Дворце. Кроме Инэя и Грэма. Горшуа говорил, эти двое целый год путешествовали в поисках новых впечатлений. Вряд ли сыщик солгал, да и Содж Иллара в смелом спектакле показал одного Принца за спиной Короля Бурана.

В списке, кроме Рофуса, оставалось пять претендентов: главы кланов Норда и Лоэ, главный погодник Дворца и два представителя семейства Дората — отец и младший сын. Но разве мог обратить внимание на гадалку юный Принц? Единственный из «отцов», не вызывавший приступ тошноты? Мари размечталась, представляя еще не покалеченную мать в объятиях белокурого юноши, ставшего после гибели идеалом и для стихийников, и для людей. Но минуту спустя лицо исказила гримаса отвращения. Быть внучкой паучихи?! Какая мерзость!

Вернуться в реальный мир Мари заставили громкие голоса Пьетри и Еллу. Один заталкивал в сумку копченную баранью ногу, второй тащил ее обратно. Прилагаемые с двух сторон усилия оправдались: внушительный кусок разломился, забрызгав лица противников жиром.

— Довольно! — потребовала Мари. Добрые намерения старых знакомых матери грозили закончиться серьезной потасовкой. — Куда столько, в самом деле?

— Говорил тебе, она не слон прожорливый! — нахохлился Еллу.

— А если задержаться в дороге придется? Попрошайничать будет, пока эу не схватят? — упер кулаки в дородные бока трактирщик.

— Пусть попробуют, — Мари хихикнула, вспомнив хватящегося за горло Луда Крона. — Я их заморожу. Оттают как раз, когда я до места доеду. Я пошутила, дядя Еллу, — добавила она, когда старик погрозил пальцем.

— Пошутила! — шарманщик для пущей убедительности постучал по столу. — Не вздумай применять свои умения. Ни к чему людям знать, что ты стихийница.

— Не буду, дядя Еллу, — юная дочь Зимы примирительно чмокнула старика в небритую щеку и перекинула через плечо сумку, даже без бараньей ноги оказавшуюся тяжелой.

На улице Мари принялась оглядываться — не появится ли на горизонте армеец, гонявшийся за ней по рынку, или черный экипаж. Первого и след простыл. Наверное, озаботился поисками настоящего воришки. Зато карета обнаружилась через два квартала. Неторопливо стучала колесами по мостовой. Рука в черной перчатке вновь приоткрыла штору, чтобы пассажир мог наблюдать за происходящим снаружи.

— Эта карета меня преследует, — шепотом пожаловалась Мари шарманщику.

— Вон та черная? — Еллу испуг Мари позабавил. — Это из-за цвета, воробышек. Гости городовика и местных богачей часто не афишируют, откуда прибыли, ездят без знаков. Не бойся, если карета проехала через главные ворота, значит, с документами у владельца порядок. Может, тебе повстречался не один экипаж, а несколько похожих.

Объяснение не успокоило. Друг на друга могли походить кареты, но не лошади, кучер и перчатки в окошке. Мари почти не слушала, как шарманщик рассказывает о парнях ру, с которыми ей предстояло отправиться в небольшое путешествие. Мысли занимал черный экипаж. Что делать, если он не отстанет и отправится за ней на срединную территорию? Или хуже — противник перестанет шпионить и перейдет в наступление?

Однако вскоре Мари пришлось забыть о таинственной карете. На повестке дня появилась более насущная проблема.

— Вон она — воришка! Хватайте!

Дочь Зимы упустила момент появления на другой стороне улицы армейца с рынка. Он же легко выделил ее из толпы и вознамерился взять реванш за поражение.

— Он ошибается, дядя Еллу, — зашептала Мари растерявшемуся шарманщику. — Я ничего не крада. Придумайте что-нибудь. Скажите, я дорогу спрашивала. Не накликайте на себя беду. И не беспокойтесь обо мне. Я справлюсь.

Она не верила собственным словам, но иного выбора не видела. Главное, чтобы старика не сочли сообщником и не арестовали.

— Спасибо за все, — поблагодарила Мари шарманщика, жалея, что не может обнять на прощание, и кинулась наутек.

— Стоять! — заорал вслед эу, планируя поставить рекорд если не по скорости, то хотя бы по громкости. — Держите! Хватайте!

Стихийница едва не расплакалась от обиды. Почему она такая невезучая? Только-только мелькнул шанс на благополучный исход, но нет, судьбе понадобилось вновь растоптать надежду! Мари не бежала, а почти летела, сбивая с ног зазевавшихся прохожих. Петляла, перепрыгивала через препятствия. Задачу усложняла тяжелая сумка, била по бедру.

— Не уйдешь!

Из-за поворота выскочили еще пятеро парней в бирюзовой форме. Но у Мари открылось второе дыхание. Под звук дружного топота за спиной она припустилась быстрее, не решаясь бросить тяжелую сумку с провизией.

— Ту, остановись немедленно! Хуже будет! — несло вслед.

Но стихийница отчаянно боролась за свободу и не понимала, отчего ее называют «ту». Она напрочь забыла об оранжевом браслете на запястье.

Препятствие, прекратившее погоню, появилось на пути внезапно. Из-за угла серого трехэтажного дома вывернул толстый, как бегемот, армеец. Мари не хватило времени затормозить. Она с размаху врезалась в круглый живот, тяжело вздымающийся под мундиром. Эу сдавленно крикнул и с грохотом завалился набок. Мари тоже не устояла и плюхнулась сверху под стон толстяка. Досталось ему не от девичьей фигурки, а от тяжелой дорожной сумки, хлопнувшей по филейной части грузного туловища.

Мари вскочила и успела сделать полноценный шаг, но грузный мужчина оказался проворнее. С неожиданной ловкостью вцепился в лодыжку и дернул ногу назад. Сориентироваться не хватило времени. Мари шлепнулась на живот, больно провезла ладонями о булыжники. Сверху на нее навалились подросшие коллеги толстяка и принялись выворачивать руки, крича и отталкивая друг друга. Каждому не терпелось присвоить лавры поимки юной преступницы.

— А ну, молодежь, расступись! — проквашал толстяк, требуя признать его заслугу главной. Дважды повторять не пришлось. Мари почувствовала, как хватка ослабла.

— Простите, эу Доввин, — промямлил кто-то.

Мари вздрогнула. Фамилия показалась смутно знакомой. Она внимательно пригляделась к армейцу и едва сдержала изумленный взглас. Армеец постарел за девять лет, появились морщины, брови из черных превратились в седые. Но это лицо дочь Зимы не забыла бы никогда. Лицо человека, напугавшего ее до смерти и толкнувшего на первое проявление погодного дара.

Гарт Доввин тоже напрягся, разглядывая Мари. Почесал лысый затылок, но не сообразил, где мог ее видеть.

— Имя?! — армеец приблизился вплотную.

Знал бы Доввин, как далек его «устрашающий» вид от опасных сыновей Зимы, с которыми Мари приходилось общаться в последнее время!

— Не хочешь говорить? — правильно истолковал эу молчание пленницы. — Отлично! Пойдешь в тюрьму. Ее стены делают воришек разговорчивыми.

Протест в душе Мари не созрел постепенно, как сочный плод на высокой яблоне. Он обрушился безжалостной лавиной. Никакой тюрьмы! Срединная территория и ничего больше! Неважно, что придется для этого сделать!

«Не вздумай применять свои умения! Ни к чему людям знать, что ты стихийница».

Предупреждение Еллу потеряло значимость. Не вышло выбраться по-хорошему, ну и пусть! Наглые людишки, презрительно хихикающие, радуясь ее поражению, сейчас узнают, каково связываться с высшей дочерью Зимы! Узор получился сам собой, даже стараться не пришлось. Пояс Стихий способствовал успеху. Из одной руки вылетела вьюга в лицо толстяку, из другой — ледяной смерч, направленный поверх голов остальных армейцев.

— В чем дело, Доввин? — издевательским тоном поинтересовалась Мари, видя, как пятится перепуганный эу, и разбегаются его коллеги. — Ты хотел узнать мое имя?! Меня зовут Мари! Мари Ситэрра! Зу Ситэрра! Теперь вспомнил, мерзавец? Куда же ты? Давай поиграем, я только разминаться начала! — каждое слово стихийница сопровождала очередной порцией мокрого снега в ошалевшую физиономию армейца. — Ты боишься? Отчего же? Тебе же не страшно издеваться над шу и их детьми! Чего же теперь испугался? Противник не по зубам?!

Мари потеряла контроль и могла бы превратить Доввина в ледяную статую. Наверняка, этим бы и закончилась показательная порка, если б зад пятящегося армейца не встретился с телегой. От неожиданности эу подпрыгнул и завалился внутрь. Телега дернулась. Лошадь, издав бодрое ржание, резвой трусой ринулась прочь, увозя грохочущее транспортное средство, в котором барахтался поверженный эу.

Мари проводила толстяка мстительным взглядом и подхватила с булыжников дорожную сумку. Следовало спешить. Неприятеля в бирюзовой форме разбежались, однако таинственный враг в черной карете притаился неподалеку. Не ровен час, нападет. Размышляя, как в лабиринте улочек отыскать трактир Пьетри, Мари завернула за угол и остановилась, как вкопанная.

— Далеко собралась, Ситэрра? Не пешком ли до дома? — ядовито поинтересовался Рофус Сильвана, вылезая из кареты.

Нет, не из черной, а обычной синей, со знаком Орэна на дверце — колосом и кукурузой, выращиваемыми на здешних полях. Рядом с высокопоставленным стихийником Зимы стояли четверо армейцев, прибывших вместе с ним.

— Что за балаган ты устроила? Королева Северина тебя в порошок сотрет, когда узнает. Чего застыла, Ситэрра? Живо в карету!

Глядя на перекошенную, раскрасневшуюся физиономию Рофуса, Мари четко осознала, что скорее умрет, нежели выполнит указание.

«Вирту пожелала, чтобы предатель лишился дара. И так случилось, воробышек. Он больше не может управлять погодой».

Мари сплела новый узор. Она ждала, что Рофус ответит или предвосхитит удар. Но единственное, что он сделал — прикрыл лицо ладонью от хлесткого снега.

— Ты! — закричала Мари, лишившись последних сомнений. — Ты! Ты! Негодяй! — она шла на стихийника без дара, пока новая партия эу резво уносила прочь ноги. — Я уничтожу тебя! — снежные вихри вылетали из рук один злее другого. — Вирту не сделала тебе ничего плохого! Трус! Ничтожество!

Рофус, и впрямь, выглядел ничтожным. Упал на четвереньки и ничего — абсолютно ничего — не мог противопоставить чужому погодному дару.

— Прекрати! — приказал он, задыхаясь.

— Мерзавец! — не унималась Мари. — Каким же грозным ты любишь притворяться, когда чувствуешь чужой страх. Но ты сам боишься! Трус! Трус!

Глаза застлала пелена слез.

Великое небо! И это ее корни? Родословная? Часть ее самой?

Стараясь не разрыдаться, Мари прекратила снежную атаку и пошла прочь — сначала медленно, потом все ускоряясь и ускоряясь. Перешла на бег. Обессиленные ноги грозились в любой момент подкоситься от неимоверной усталости. Но она бежала, не задаваясь вопросом, куда направляется и зачем. Бежала. Бежала. Пока кто-то не подставил ловкую подножку.

Перед глазами мелькнула колесо кареты. Черной кареты!

Мари вскочила и наслала на обидчика — седого кучера, закутанного в черный плащ, столп колючих снежинок. Приготовилась наградить его чем-то существеннее, но кто-то подкрался сзади и обхватил запястья, нажав на особые точки, парализующие руки стихийников. Леденя от ужаса, дочь Зимы почувствовала на коже ткань перчаток.

— Прекрати артачиться, Мари Ситэрра. Хватит на сегодня представлений, — вкрадчиво прошептал в ухо глубокий женский голос. — Я сказала, спокойно! — неприятельница сильнее вдавила пальцы в живую плоть. — Не вырывайся. Я отпущу тебя, если пообещаешь вести себя, как приличная зу. Ну!

— Обещаю, — простонала Мари, задыхаясь от резкой боли.

Давление прекратилось. Стихийница, сжимая зубы, чтобы сдержать слезы злости, повернулась и встретилась с холодными серыми глазами. Как лед. Нет, как сотни тысяч айсбергов. Из-под капюшона незнакомки выбивались черные волосы, смешанные с редкими белоснежными прядями.

— Кто вы?

— Роксэль Норлок. Да-да, сестра Элии. Так и знала, глупая девчонка, что ты вляпаешься в

неприятности. Садись в карету! Надо увести тебя отсюда, пока армия эу не вышла на тропу войны. Тебе нельзя возвращаться в Зимний Дворец.

— П-п-почему? — Мари ощутила, что разум уплывает от переизбытка потрясений.

— Милосердней было бы придушить тебя на месте. Сегодня ночью убили Хладу. Точнее, добили. А заодно потравили с дюжину слуг, охраняющих Королевские покои. Ты следующая на очереди.

Мари пошатнулась, но устояла на ногах и без единого звука позволила Роксэль запихнуть себя в черную карету.

Глава 11. Осколки Пути

Роксэль, гневно сверкая ледяными глазами, велела Мари не сметь открывать рта. Особенно, чтобы извергать вопросы, с ответами на которые стоило повременить. Юной стихийнице — ошарашенной и не на шутку испуганной — ничего не оставалось, как молчать и исподтишка разглядывать спутницу. Любоваться женщиной, перед которой не устоял бессердечный Инэй Дората.

Красота Роксэль была насыщенной, завораживающей и опасной. Представительница независимого совета ни капли не походила на Элию, словно они и не сестры вовсе. В облике старшей Норлок сквозила настоящая Зима — жестокая и властная. Весенняя кровь нашла отражение лишь в черных волосах. Но ледяное Время Года и здесь проявилось — в виде белоснежных прядок. Правильные черты лица дарили Роксэль утонченность, а чуть надутые ярко-алые губы выдавали непростой характер. Хлада со всем изяществом и юной свежестью заведомо проигрывала. Не спасала даже разница в десять с лишним лет! Не случайно Королева злилась. Любая бы на ее месте сходила б с ума от ревности.

Хлада! Мари не могла представить молодую Повелительницу Зимы мертвой. Ясно видела бледное лицо, высокий чистый лоб, серебряные волосы. Боль в глазах, рожденную пренебрежением Инэя — мужчины, выбравшего ее в жены из нескольких десятков претендентов. Теперь угрозы и гнев Хлады на празднике Летнего Солнцестояния не казались обидными. Королева запуталась и злилась на всех, кто попадался под руку.

— Куда мы едем? — спросила Мари и чуть отодвинула штору. Солнце взобралось высоко и золотило колосющиеся поля.

— Туда, где найдется место для опальных и беглых стихийников, — Роксэль вырвала штору и плотно ее задернула. — На срединную территорию.

Мари от неожиданности подпрыгнула и с трудом удержала поехавшую вниз дорожную сумку, которую чудом не потеряла в сумасшедшей гонке по Орэну. Роксэль подарила высокомерный взгляд и уткнулась в книгу в дорогом кожаном переплете. Юной дочери Зимы пришлось придумывать занятие самостоятельно. Раз выбор невелик (еще раз выглянуть в окно она не решилась), вытащила из-за спины подушку, взбила ее и удобно вытянулась на мягком сиденье. Роксэль не отреагировала, посчитав, что спящая попутчица доставит меньше неудобств.

Мари прикрыла веки, прогоняя печали, но тревожные образы не желали отступать. На смену Королеве Хладе, надевающей маску из белых перьев, и Рофусу, задыхающемуся от морозной атаки, явилась паучиха с хлесткой палочкой в руках. Северина постукивала ею по ладони и кривила губы, готовясь выплеснуть лавину проклятий. Старуха не могла выбрать, какое преступление считать главным: побег, нападение на любимчика Рофуса или кражу Пояса Стихий. Однако точно знала, что каждое должно караться смертной казнью.

Скрипучий голос паучихи сливался с равномерным стуком колес, тонул в нем и терялся вдали, унося следом и другие звуки. Мари почти провалилась в сон. Туда, где не найдется место ни одному из недругов, где ждет неведомый новый мир — гостеприимный и свободный.

Она почти уснула. Перешагнул грань, когда...

— Наконец-то!

Громкий возглас заставил Мари быстро сесть, безжалостно вырвав сознание из мира грез. Роксэль, хмурая брови, извлекла из сумочки зеркальце в строгой синей оправе. Постучала по нему три раза и осведомилась, обильно сдобрив голос недовольством:

— Ты, вероятно, считаешь, что терпение возглавляет список моих добродетелей?

В ответ зеркальце неодобрительно фыркнуло и возмутилось голосом Элии:

— А ты думаешь, у меня немыслимое количество возможностей остаться в одиночестве?

— Перестань ныть. Рассказывай.

Роксэль бросила хмурый взгляд на Мари, залившуюся краской. Выглядело так, будто она подслушивает. Но не из кареты же выпрыгивать на полном ходу.

— Пока никаких новостей, — выдохнуло зеркало устало. — Дворец вымер. Одни сыщики разгуливают. Местные забились в норы и сидят, поджав хвосты. Зато в сиротском доме переполох. Отпаивали Юту Дейли успокоительными травами. У нее был роман с одним из отравленных стражников.

— Какая жалость, — заметила Роксэль без капли сочувствия.

— Ты нашла Мари? — спросила Элия, поняв, что сестра, не дождавшись полезной информации, готовится прервать разговор.

— Да. Можешь полюбоваться на маленькую пакостницу, она сегодня здорово повеселилась в Орэне, — и старшая Норлок, развернула зеркальце.

Мари восхищенно ахнула. На нее смотрела соседка по приютской комнатухе. Настоящая. Вплоть до последней веснушки.

— Это правда? Ты украла Пояс Стихий? — поинтересовалась она.

— Как ты узнала? — сникла Мари.

Как быстро ее преступление стало всеобщим достоянием!

— Иган Эрсла в канцелярии полдня скрипел, — развеселилась Элия. Печали начальника доставляли ей немало удовольствия. — О гнев Северины не волнуйся. Тебе предоставят шанс вернуть пропажу в Зимний Дворец до того, как старуха узнает. Поверь, семейству Дората не до тебя и твоих хулиганских выходов.

— Совершенно верно, — Роксэль повернула зеркало к себе. — Удачного вечера, Элия.

Не дав сестре ответить, она накрыла гладкую поверхность ладонью и убрала магическое имущество в сумку. Взяла в руки книгу и приготовилась вновь погрузиться в чтение. Однако Мари успела забыть недавнее указание. Слишком уж диковинной показалась вещица.

— Зеркальце вроде «Пути Королей»? Но не для путешествий, а разговоров?

— Это и есть «Путь», — Роксэль выглянула в окно. Небесное светило неторопливо спускалось к линии горизонта. — Его осколок. Частичка одного из двадцати восьми зеркал.

— То есть, одного из трех?! — вытаращила глаза Мари. О трех зеркалах ходили легенды. И люди, и стихийники с увлечением гадали, в каких точках страны те находятся. А, главное, кто их прячет.

Изначально «Путей Королей» было двадцать восемь. Двадцать пять активно использовались до сих пор. Четыре Зеркала находились во Дворцах, девятнадцать — в тронных залах городовиков, чтобы Повелители Времен Года беспрепятственно посещали их владения. Еще по одному Зеркалу оставили в Академии и на срединной территории. Предки нынешних Королей не хотели отдавать ценную вещь отступникам, однако решили, что выгоды это сулило больше, нежели проблем. Оставалось еще три «Пути», но они так давно исчезли из поля зрения, что теперь никто не мог ответить, в какой момент истории это произошло.

— Сколько осколков существует? Кого они слушаются? Только представителей кланов, допущенных к целым Зеркалам?

— Не много ли ты хочешь знать? — насмешливо протянула Роксэль, но ответила. — Осколков несколько десятков. Точное число неизвестно никому. Вызвать владельца другого зеркала могут лишь избранные. Как мы с Элией — потомки кланов Норда и Лоэ. Присоединиться к разговору способны и все остальные стихийники. Как ты сегодня, — советница вальяжно откинулась на мягкую спинку. — Надеюсь, вопросы иссякли?

Мари с готовностью закивала, радуясь, что ее причислили к «остальным». Не прельщала перспектива объясняться с Роксэль об особом расположении Зеркал к ее скромной персоне. Снова удобно расположившись на сиденье, юная дочь Зимы засунула руки под подушку. Собралась, было, обдумать новые сведения, но провалилась в сон.

Разбудил Мари громкий приказ поторапливаться. Открыв глаза, она увидела глубокую ночь за распахнутой дверцей кареты. Темную, без звезд.

— Поднимайся! — яростно повторила Роксэль. Она вышла наружу и с нетерпением постукивала острым носком туфельки в ожидании, когда попутчица изволит присоединиться. — Сколько можно спать?

Мари вынырнула из кареты одним прыжком, не забыв прихватить дорожную сумку.

— Где мы? — взгляд уперся в высокое деревянное крыльцо. Даже в темноте видно, насколько стары и шатки потрескавшиеся ступени.

— На постоялом дворе. Точнее, в дыре, которую незаслуженно так называют.

Роксэль подобрала длинную юбку и, презрительно скривив губы, начала восхождение по недружелюбно скрипящей лестнице. Плохо соображающей со сна Мари ничего не оставалось, как отправиться следом, хотя мрачное трехэтажное строение, чуть покосившееся на левый бок, не вызывало доверия.

Хозяин оказался под стать дому. Выплыл из темноты в засаленном ночном колпаке — грузный и неуклюжий. Светя в лица гостям огарком свечи, прищурил воспаленные глаза и тихо охнул, признав Роксэль. Принялся кланяться и клясться, что лентяйки Гарты и Нарин мигом организуют комнаты.

Однако пришлось прождать в темноте минут десять, прежде чем объявилась тощая растрепанная служанка в свободном платье поверх ночной рубашки. Роксэль осталась поговорить с хозяином, а девица проводила Мари в спальню на третий этаж: по петляющему коридору и еще одной жалобно плачущей лестнице. Служанка, не произнося ни слова, оставила на кривоногом столе подсвечник и растворилась в недрах темного негостеприимного дома.

Мари хмуро оглядела комнатку, насколько позволял тусклый свет двух пляшущих огоньков. Опрятным помещение невозможно назвать и с натяжкой. Пыль на старой мебели протерли на скорую руку, пол не мыли пару недель. Хорошо хоть постель на старой, продавленной кровати чистая. Это единственное, что лентяйки успели сделать, пусть и не слишком аккуратно.

Мари присела на край ложа, которое, как и лестницы, издало протестующий скрип. Сна не было ни в одном глазу. Зато аппетит после долгого отдыха разыгрался нешуточный. Какое счастье, что сумка с провизией не потерялась в Орэне! Мари остановила выбор на куске ветчины и сладко пахнущем пирожке, издала блаженное мычание, попробовав вишневую начинку. Самозабвенно облизала пальцы и обнаружила серьезную проблему. За спорами шарманщик с трактирщиком забыли про тару с водой.

От ягодной начинки в горле с каждой минутой першило сильнее. Пришлось взять подсвечник и зашагать к выходу. Хозяин постоянного двора обязан предоставить гостям все необходимое! Мари смело рванула на себя дверь и вскрикнула от неожиданности. Сквозняком задудло обе свечи, оставив на память щекочущий ноздри запах горелого. Оказавшись в крошечной тьме, стихийница замерла в нерешительности. Она плохо помнила дорогу, да и спуск без света грозил серьезными травмами.

Из оцепенения Мари вывел приближающийся стук копыт. Кто-то спешил найти ночлег и гнал лошадь во весь опор. Подбежав к грязному окну спальни, стихийница успела разглядеть, как всадник, закутанный с головой в черный плащ, пронесется по двору зловещей стрелой. Спускаться вниз расхотелось окончательно. Поздний гость напомнил темную фигуру, преследующую в лабиринтах замка Крона.

Мари взобралась на возмущающуюся кровать и принялась думать о чем угодно, только не о воде. Извлекала из памяти обрывки прошлого: выходки четверки в Академии, сердитое лицо Корделии Ловерты. Но получалось из рук вон плохо. Перед глазами вставали то бокал, наполненный чистой водой, то серебряный ручей, струящийся меж камней. Когда же воображение нарисовало бездомного пса, с жадностью лакающего из грязной лужи, Мари поняла — выйти из комнаты придется.

Спускаясь на ощупь по лестнице, она помянула недобрым словом принадлежность. Дети остальных Времен Года умели выпускать из рук молнии и смогли бы худо-бедно осветить путь. Ей же приходилось тыкаться, как слепому котенку, по десять раз проверять устойчивость досок под ногами. Но все лучше, чем близкое знакомство с каждой ступенькой.

Преодолев, наконец, лестницу, Мари с удивлением обнаружила вдали отблеск света. В душу закрались тревожные подозрения, но жажда оказалась сильнее страха. Наверняка, в единственном светлом помещении расположился таинственный всадник, но глупо принимать его появление на свой счет. Мало ли в стране путешественников, не желающих привлекать внимание и кутающихся в черные плащи.

Стихийница ступала бесшумно, прислушиваясь и готовясь броситься прочь при малейшем подозрении на опасность. Но голоса, раздающиеся из зала, успокоили. Хриплый мужской был незнаком, зато женский принадлежал Роксэль Норлок. Мари покачала головой. Значит, появление гостя — не случайность.

Ночная беседа не предназначалась для чужих ушей, но юная стихийница не удержалась.

— За ней следят постоянно, но она ни разу не встретилась ни с кем подозрительным. Дамочка вообще не часто покидает покои, — в уверенном голосе мужчины угадывалась привычка командовать, однако с Роксэль мужчина разговаривал почтительно. Правда, ответной вежливости не слышал.

— Вы явились, чтобы сообщить мне эту великолепную новость? — усмехнулась она. Не

презрительно, но дав собеседнику понять, что ее не впечатляют результаты.

— Вижу, зу Норлок, вам задание кажется чересчур простым, — гость говорил без сарказма, просто констатировал факт.

— Отнюдь, — ни капли не смутилась Роксэль. — Я отлично понимаю, насколько непростое и опасное поручение дала, однако смею надеяться, что сотрудники объединенной канцелярии умеют творить чудеса.

— Это так. Когда мы работаем официально, получаем простор для маневров. Действуя инкогнито, приходится использовать те ресурсы, которые есть в наличии. Тем более, на территории Дворцов, где не имеем права находиться без веской причины.

— Я думала, сыщики ценят вольнонаемную работу больше официальной, — вновь поддела собеседника Роксэль. — За нее больше платят.

— Считаете, дело в деньгах? — изобразил обиду всадник.

— Дело всегда в них. Или почти всегда, — отмахнулась советница. — Вы получите желаемое, как только сообщите остальные новости. Вы всерьез полагали, что я поверю в рассказы о сложностях? Хватит набивать себе цену! Говорите!

— Ее спальню обыскали, — отрапортовал сыщик. — Нашли тайник. Нет, не обнаружили переписки. Зато выяснили, как она поддерживает связь с сообщником вне Дворца. В тайнике лежало зеркало. Особое зеркало. Мы сами шокированы находкой. Однако она объяснила все. Семья дамы была удостоена чести пользоваться «Путем Королей», а, значит, и осколок ей подчиняется.

— Чести? — фыркнула Роксэль. — Ну вы и скажете! Речь вовсе не о чести. Все об этом знают, — раздался характерный звон — мешочек с золотом упал на стол. — Здесь в три раза больше, чем договаривались. Как видите, мой наниматель высоко ценит ваши услуги и понимает возможный риск. Постарайтесь не подвести.

— Благодарю, зу Норлок, — ножки отодвигающегося стула царапнули пол.

Мари запаниковала. Не хватало, чтобы ее поймали с поличным! Однако гость из объединенной канцелярии, на счастье юной дочери Зимы, не прошел внутрь дома, поспешил обратно в ночь. Роксэль осталась за столом. Мари услышала, как она копошится в сумке и, чуть осмелев, заглянула в зал. Советница извлекла осколок «Пути». Постучала по стеклу три раза, как в карете, и произнесла слово «послание». Подождала с полминуты и заговорила нарочито дерзко. Пересказала разговор с сыщиком, не называя имен. Мари догадалась, что Роксэль отчитывается перед таинственным нанимателем, но не сумела определить его пол. Советница обращалась к нему безлико.

— Будь осторожнее, — проговорила она, но слова звучали насмешливо и не походили на предостережение. — Если он узнает, что действуешь за его спиной, потеряешь все.

Мари сообразила, что «разговор» заканчивается, и на цыпочках отошла на несколько десятков шагов. Затем, нарочно громко шаркая ногами, вернулась. Щурясь на яркий свет, вошла в зал.

— Ой! — она сделала вид, что удивлена встрече с Роксэль.

— Что ты тут делаешь? — та запихнула зеркало в сумку и подозрительно сузила глаза.

— Я пить хочу, а воды нет. Свечи сквозняком задуло. Еле по лестнице спустилась! — пожаловалась Мари обиженно и принялась торопливо озираться в поисках жидкости, пригодной для питья. Притворяться не пришлось — от жажды кружилась голова.

— На стойке кувшин с морсом, — подсказала Роксэль.

Она не отрывала от юной спутницы цепкого взгляда, пока та пила из кувшина взхлеб, не потрудившись налить напиток в кружку. Однако Мари не выдала волнения. Она отлично умела притворяться. Прозорливая Ловерта и та не всегда ловила ученицу на обмане. Куда уж женщине, знакомой с грозой Академии несколько часов!

Постоялый двор покинули на рассвете. Роксэль хотела добраться во владения совета до темноты и приказала кучеру ехать быстрее. Раз он хвастался лошадьми, пусть докажет их прыть. Советница больше не возражала против открытых штор, и Мари прилипла к окну. Она ведь ничего не видела, кроме Академии, Зимнего Дворца и Орэна.

В стране каждый клочок земли кому-нибудь принадлежал. Общим оставался разве что тракт между человеческими жилищами и срединной территорией. Города состояли из непосредственно городов

и окружающих их полей, лесов и водоемов. Мари с Роксэль второй час ехали вдоль извивающейся реки, но формально оставались в городе Орэне. Все, что росло и обитало вокруг, считалось собственностью гороховиков. Правда, значительную часть урожая, мяса и шкур животных, люди передавали Королям в качестве платы за правильную погоду.

Города окружали каменные стены в три—четыре человеческих роста, охраняемые по периметру. Попасть на территорию гороховиков (или покинуть) разрешалось через ворота, выходящие на тракт. Возле них, как и вдоль стен, дежурили армейцы. Роксэль миновать границу Орэна не составило труда. Она показала охране лист бумаги с незнакомой Мари печатью и знак на тыльной стороне рукава — четыре параллельные линии: белую, коричневую, зеленую и оранжевую. Старший армеец кивнул, и кучер погнал лошадей мимо очереди из двух дюжин повозок и карет, подъехавших раньше.

На тракте резвые кони прибавили скорость, благо особым экипажам пространства хватало. Дорога, как и многое в стране, делилась по классовой принадлежности. Середину предоставляли обозам торговцем и транспорту остальных простых смертных. Телеги вынужденно теснились, натывались друг на друга и ползли не быстрее черепах. Крайние ряды принадлежали избранным: стихийникам и богачам из городов. Большую часть времени они пустовали.

Любоваться стало не на что. Тракт окружали стены: с одной стороны — городов, с другой — срединной территории. Мари принялась разглядывать обозы, которые больше стояли, нежели ехали. Правильно Еллу посчитал, что добираться до места с торговцами ей пришлось бы с неделей. Однообразная картина быстро наскучила, но стихийница упрямо глазела в окно. Все лучше, чем встречаться с недовольным взглядом Роксэль. Мари чувствовала, что не нравится старшей Норлок, но не понимала, почему та взяла ее с собой.

— Мы проехали ворота! — испугалась Мари, когда через полтора часа лошади во весь опор промчались мимо въезда на срединную территорию.

— Это не наши ворота, — монотонно отозвалась Роксэль, не отрываясь от книги. — Их здесь несколько десятков. Завернем не туда, застрянем. Местные жители в очередь выстроятся, чтобы пожаловаться на соседей. Устроят представление.

Правильных ворот уставшие кони достигли на закате, когда Мари начало мутить от одинаковых телег и бесконечных стен. Охранники, заведя в окне Роксэль, почтительно поклонились и пропустили карету без досмотра. Юная стихийница вновь прильнула к окну, но спутница задержала перед ее носом штору.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Ситэрра? В излишнем любопытстве! — Роксэль цепко схватила Мари за локоть. — Послушай внимательно, девочка. Ты жива лишь потому, что кое-кто считает твои погодные способности ценными. Но везение и чужое терпение рано или поздно заканчиваются. Мой тебе совет: не делай лишних телодвижений. Ступай. Тебя ждут. Не накликай беды и на их головы.

Переспросить о владельцах упомянутых голов Мари не посмела. Схватила сумку и выскользнула прочь, чтобы не видеть серых глаз, наполненных льдом. Снаружи ее, и правда, ждали. Двое юных стихийников, при виде которых сердце радостно кувыркнулось. Круглолицый паренек с густыми волосами цвета соломы и рыжая девушка махали Мари, стоя у забора красного кирпичного дома.

К горлу подступили слезы. Понимая, что сдержать их не удастся, дочь Зимы медленно зашагала навстречу друзьям. Мари никогда не плакала при них и старалась отдалить момент, когда они увидят ее слабость. Но Далила и Ной бросились навстречу, громко крича слова приветствия. Им было все равно, смеется она или рыдает.

Глава 12. Заводила

— Жить будешь со мной, комната просторная, на троих хватит, — весело трещала Далила на бегу, таща Мари за руку вдоль аккуратного ряда красных домов. Ной едва поспевал за ними, тяжело дышал и что-то пыхтел под нос. Но Далила не обращала внимания. — Я с детства слышала, что наемников совета селят с комфортом, но думала, преувеличивают. Оказалось — нет, тут все грандиозно. Они и Ноя на работу взяли. Ошибочно считают, что на время.

— Какие наемники? Почему ошибочно? — растерянно переспросила Мари, стараясь не споткнуться в темноте. Фонари неплохо освещали местность, но незнакомый путь и галоп подруги грозили превратить дорогу в бег с препятствиями.

— Про Ноя пока тс-с-с, — Далила заговорщицки понизила голос. — А наемники — это те, кто работает на совет. Их, в смысле нас, на срединной территории не слишком любят, считают выскочками и задаваками. Но куда-то же нужно было устраиваться на работу, чтобы не сидеть на шее у родителей, а здесь хорошо платят. Замужество мне раньше восемнадцати лет не грозит.

Сзади закашлялся Ной, но Мари не успела узнать, все ли в порядке с наказанным сыном Лета. Далила резко свернула к одному из домов, и дочь Зимы плюхнулась на некстати подвернувшееся на пути крыльцо.

Комната подруги раз в десять превосходила по размеру спальню, которую Мари делила с Элией в Зимнем Дворце. Даже места под кухоньку и столовую нашлись — благодаря шкафу, разделившему помещение на две половины. Пока беглая стихийница оглядывалась, хозяйка делилась новостями. Объяснила, что во владениях независимого совета живет около четырех сотен наемников, выполняющих самую разную работу. Далилу с Ноем наняли на должности секретарей суда. Ничего серьезного не поручали, лишь носить бумажки и конспектировать заседания, но и это добавило в жизнь проказников немало веселья.

— Ты не представляешь, из-за чего тут судятся! — хихикнула Далила, плюхаясь на кровать, предварительно скинув туфли. — Обвиняют друг друга в таких глупостях! Сегодня два соседа приезжали из параллели Юнитры.

— Откуда? — Мари последовала примеру подруги и блаженно устроилась на диване.

— Срединная территория тянется через всю страну, — пояснила Далила, кладя руки под голову. — Чтобы легче ориентироваться, ее разделили на поселения, которые называют параллелями городов. Так вот, эти двое разругались в пух и в прах. Один собрал хор и репетировал, на ночь глядя. Второй в отместку порубил у него в огороде яблони. Советник, разбирающий их претензии, попался с юмором. Постановил, чтобы оба заплатили штрафы. А еще, чтобы один руководил хором только днем, а соседа обязал месяц ходить к нему на занятия в наказание за яблони.

Мари отчаянно зевала, но Далила не унималась, рассказывала и рассказывала о жизни поселка. О доме совета, куда простым смертным доступ закрыт под угрозой позорного изгнания в людские города. О школе для юных стихийников, по разным причинам не обучающихся в Академии.

— Некоторые живут в школе круглый год, — пояснила Далила, хмуро косясь на Ноя. Тот клевал носом, но изо всех сил держал глаза открытыми, напоминая не вовремя разбуженную сову. — У большинства школьников четвертая степень и смешанное происхождение. Сильных стихийников мало. У местных жителей есть право отказаться от учебы в Академии. К счастью, мои родители такой возможностью не воспользовались, иначе мы бы не познакомились.

Мари хотела расспросить друзей о гибели Хлады. Наверняка, слышали подробности. Но не решилась. Она только-только обрела их заново, и упоминание Зимы казалось неуместным. Вскоре Ной устал бороться с усталостью и громко захрапел. Далиле пришлось расталкивать его, чтобы прогнать прочь.

— Умыться можно в комнате в конце коридора, — шепнула она Мари. — Там бочки с водой и мыло. Чистое полотенце я сейчас найду. И кое-какие вещи.

Час спустя, лежа в постели после водных процедур и легкого ужина, Мари вспомнила загадочные слова подруги о Ное.

— Ничего секретного, — отозвалась Далила в темноте. — Мы пытаемся придумать, как продлить его наказание.

— Почему?! — Мари вытаращила глаза. По шкале невероятности новость обогнала убийство Хлады.

— Он хочет остаться, — не без удовольствия поведала Далила. — Передумал служить петуху Кьятте. Но матери сказать боится. Ты же знаешь Морту Ури, она и мысли не допускает, что сын может

жить где-то еще. Место ему выбила в свите Королевы Росанны. Нужно, чтобы Ноя опять наказали. На длительный срок.

— Ясно, — развеселилась Мари.

Как же здорово снова участвовать в хулиганских выходках! И просто улыбаться. Она так давно этого не делала, что с непривычки сводило скулы.

— А ты сама? — поинтересовалась Мари, сообразив, что и планы подруги на будущее претерпели серьезные изменения. — Больше не хочешь в Осенний Дворец?

— Нет, — без тени грусти отозвалась Далила. — Я и раньше не жаждала служить Сентябрине. Просто не хотела возвращаться домой. У нас на параллели Ласны скука смертная, особенно в моей общине. Наш староста мерзавец, каких поискать. Но здесь — на территории совета в ближайшие четыре года я смогу жить спокойно.

— Только четыре?

— Да. Староста хочет женить на мне младшего сына.

— Что-о-о? — у Мари голова пошла кругом.

— Не сейчас, конечно, а после совершеннолетия. Не успела я вернуться из Академии, они с женой приходили к нам. Родители дали согласие на свадьбу. Видишь, не такая уж тут свобода, как ты всегда считала. Не переживай, — добавила Далила, не дождавшись ответа подруги. — У меня есть время придумать, как избавиться от жениха. У тебя сейчас проблемы посерьезнее.

Что правда, то правда. Мари грустно вздохнула и отвернулась к стене.

Утром Мари разбудила незнакомая седая женщина в простом коричневом платье.

— Проснитесь, зу, — произнесла она негромко. — Вас просят пройти в здание школы.

— Куда?

Судя по красному браслету шу на запястье, незнакомка была служанкой. Стихийники везде остаются стихийниками. Зачем делать грязную работу, если можно нанять людей.

— В здание школы, — повторила женщина и скромно удалилась.

Мари растерянно потерла лоб. День в разгаре, солнечный свет залил комнату. Далила и Ной давно на работе. Подруга не стала будить, чтобы дать отдохнуть. Но зачем идти в школу? Не учиться же, в самом деле. О, небо! Мари вскочила с постели. Наверняка, там ждут члены независимого совета, чтобы отчитать за неблагоприятное поведение. Дочь Зимы издала горестный стон и принялась одеваться. Глупо было надеяться, что неприятности закончились!

Одна из них обрушилась, едва Мари переступила порог школы — трехэтажного здания, и отдаленно не напоминающего Академию Стихий с ее башнями и гигантскими размерами. Ступени под ногами покрылись плотной коркой льда. Ноги поехали в стороны, и Мари, громко ругнувшись, покатилась вниз и по прямой. «Пропахала» треть вестибюля! Повезло еще, что не врезалась ни в одну из многочисленных колон. Но срам все равно получился не хуже, чем у Северины из рассказа Лукаса Горшуа!

Кого благодарить за дружественный прием, выяснилось быстро. Сбоку послышалось злорадное хихиканье, из-за угла высунулись четыре вихрастых головы — две рыжих, одна черная и еще одна — самая большая — белобрысая.

— Эй ты, из Академии! Думала, можешь запросто шататься по нашей школе?

Старший мальчик бесстрашно появился перед Мари, держа пальцы наготове. Мол, не надейся, «приветствие» не закончилось. Следом вынырнули сообщники. На их лицах смелости наблюдалось поменьше, но юные вредители полностью доверяли могуществу заводилов. Старший мальчик был примерно одного возраста с Мари. Сыном Зимы, без сомнения. Помимо светлых волос, принадлежность выдавали холодные серые глаза и бледная кожа.

— Не много ли ты о себе возомнил, яу? — поддела Мари.

Не в ее правилах спускать подобные выходки. Тем более, наглому мальчишке, которого и полноценным зу назвать нельзя, раз он не проходил испытание в Академии.

— Она еще и злючка, — протянул черноволосый неприятель, второй по старшинству. — Задай ей, Ян. Пусть знает, как с нами связываться.

С «нами» — это он загнул. Атаку готовил старший мальчишка. Простейшую, разгаданную в два счета. Улыбнувшись про себя, Мари не показала превосходства. Подождала, пока нахал сплетет узор. Едва он приготовился нанести удар, ловко сложила несложное, но действенное плетение и выплеснула в наглецов грозный морозный вихрь.

Троих мелких мальчишек сдуло. Дружный топот долго отдавался эхом вдали. Заводила, названный приятелем Яном, растерялся, но деру не дал. Попытался закончить атаку, однако под натиском северного ветра плюхнулся на пятую точку и, прижавшись спиной к колонне, громко закашлялся.

Мари опустила руки, решив не добивать поверженную жертву. Приготовилась сказать пару ласковых, закрепляя победу, но подскочила по-заячьи от неожиданности. За спиной раздалась громкая хлопки. Мари ахнула и позорно попятилась.

Посреди вестибюля стоял Грэм Иллара и аплодировал.

— В чем дело, Дондрэ? — усмехнулся он, обращаясь к Зимнему мальчишке. — Наконец-то попался противник не по зубам? Что я тебе говорил, глупец? Прежде чем нападать, нужно выяснить, кто перед тобой! А ты, беглянка? — повернулся Грэм к Мари. — Не наупражнялась в Орэне?

Мари, шокированная появлением учителя, едва не выдала детскую фразу, что школьники сами начали, но вовремя одернула себя. Грэм, тем временем, подал руку Яну.

— Знакомьтесь, — с неприкрытым смешком он поставил мальчишку перед ученицей. — Ян Дондрэ — Мари Ситэрра.

— Ситэрра? — протянул юный нахал, четко обозначив ударение на конце фамилии.

— Именно, Дондрэ. Высшая стихийница Зимы.

— Подумаешь, — торопливо вернул Ян в попытке скрыть удивление за деланным безразличием. — Тоже мне повод для гордости.

— Конечно-конечно, — Грэм потрепал паренька по волосам. — Марш тренироваться. Скоро зайду проверить, как у тебя получается узор выюги.

— Он ваш родственник? — не удержалась от вопроса Мари, заметив, что учитель провожает Яна долгим взглядом.

— Нет, — Грэм лукаво подмигнул. — Ученик. Я преподаю в здешней школе. В свободное время от обязанностей в нашем Дворце. Работаю со стихийниками Зимы. Дондрэ самый сильный из моих подопечных.

— Но у него третья степень, — возразила Мари. — Я слышала: вы тренируете исключительно стихийников первой и второй категории.

— Дома, да, — Грэма не задел вопрос ученицы. — Ты ошибаешься, причисляя Яна к третьей степени. Дондрэ — фамилия, доставшаяся от отца. У мальчика гуляющая сила. Большую часть времени она держится между второй и третьей категорией, но на пике достигает первой. Подобное непостоянство — беда всех стихийников со смешанным происхождением. Единственное исключение — ты.

— Я?! — изумилась Мари.

— Да, Ситэрра. Ты наполовину человек, однако твой погодный дар постоянен. Это тоже не повод для гордости, но ты уникальна, — Грэм задумчиво погладил небритый волевой подбородок, но очнулся и сурово свел брови. — Вообще-то, я собирался поговорить о другом, Ситэрра. Может, объяснишь мне непонятливому, почему ты снова проигнорировала мой совет?

Щеки Мари запылали. Она уставилась в пол, будто обнаружила там нечто увлекательное.

— У меня бы-бы-было... — принялась заикаться она, спрятав руки за спину, — ли-ли-личное де-де-дело.

— Такое, ради которого стоит умереть? — взгляд Грэма стал снежным, колючим.

— Нет, но...

Мари накрыла обида. Если б не дурацкая затея с жемчужиной Ловерты, у нее появилось бы законное право посетить Орэн и спокойно заняться поисками. А теперь приходится оправдываться

за каждый шаг.

— У меня были причины рискнуть! — сердито выпалила она и замолчала.

— Тебе удалось рассмотреть преследователя? — сменил тему Грэм, решив не терзать ученицу личными расспросами.

— Нет, он был в плаще и широкой шляпе, но я уверена, что это мужчина и... — Мари осеклась, сообразив, что никому не рассказывала о новом нападении. — Как вы узнали?!

— Он не забрал нож, которым разбил лампу, — Грэм мрачно вздохнул и провел широкой ладонью по блестящим каштановым волосам. — Но мы и так знали, что преступник после убийства Хлады прошел через Зеркало, соединяющее Зимний Дворец и замок Крона. Преступник торопился и наследил.

— Через «Путь»?! Значит он...

— Значит, — Грэм не дал Мари договорить. — Он из семьи, допущенной к Зеркалам. Но я бы посоветовал тебе, Ситэрра, держать выводы при себе. Ты все равно подозреваешь не того. Рофус стал бы отличным кандидатом в убийцы, если б не одно «но». Во время парада масок он и близко не подходил к Королеве. Как и к тебе на Дворцовой лестнице.

— Кто-то может подтвердить его непричастность? — презрительно фыркнула Мари. Откуда только храбрость взялась?

— Да. Этот «кто-то» перед тобой. Я находился с Рофусом в соседнем зале, когда раздались крики. Затем он допрашивал тебя, а после моего ухода на твои поиски около получаса оставался с Королем. Рофус не мог гнаться за тобой по лестнице. Не расстраивайся, — Грэм весело похлопал ученицу по плечу. — Карьера сыщика тебе не грозила.

— Я не... — мысли Мари перепутались.

— И не трусь, — утешил Грэм в свойственной ему манере. — Во Дворце не знают, что ты напала на Рофуса. Он обиду, конечно, затаил. Но будет молчать, не в его интересах афишировать позор. Кроме вас об инциденте знаем мы с Роксэль, но у нас нет причин болтать о нем.

— Это вы попросили зу Норлок поехать за мной? — Мари, наконец, сообразила, кого благодарить за заботу.

— Подумал, приглядеть за тобой не помешает, — хмыкнул Грэм, любуясь смущением ученицы. — Роксэль все равно была по соседству с Орэном.

— Я Пояс украла, — призналась Мари, готовая положить голову на плаху.

— Будем считать, ты его позаимствовала для защиты от убийцы Королевы, — лицо учителя приобрело крайне серьезное выражение. — Я верну его Эрсле, но впредь, Ситэрра, не рассчитывай на помощь. Не в моих правилах спасать юных дуручек, пусть и одаренных.

Мари кивнула, отлично поняв, что имел в виду Грэм. Он не выделял ее из толпы учеников. Просто сделал одолжение. Разок, другой. Коготки обиды царапнули душу. Несправедливо, что к наглому мальчишке учитель относится с большей теплотой. С другой стороны, с чего бы ему заботиться? Родной отец и тот этого не сделал.

— Что со мной будет? — Мари постаралась произнести вопрос безразлично, но голос дрогнул.

— Поживешь здесь, пока... пока все не утрясется, — Грэм подозрительно покосился на одну из колон. — Но не рассчитывай, что будешь бездельничать. С завтрашнего дня начнешь тренироваться с Дондрэ. Поупражняйтесь друг на друге. Да-да, Кристоф, так и передай запевале — стихийница из Академии устроит ему еще не одну порку!

Из-за дальней колонны высунулась знакомая черноволосая голова и извинилась. По-своему.

— Вы же сами говорили, зу Иллара, что пытливый ум — это сила!

— Сила — это пинок под любопытный зад, яу Рум! — Грэм угрожающе упер внушительные кулаки в бока. — Вон отсюда! Ситэрра, — обратился он к Мари, когда мальчишка шустро унес ноги. — Я говорил серьезно. Не позволю забросить практику. Буду лично работать с тобой здесь. Вплоть до дня, когда ты вернешься во Дворец. И вот еще что, передай это Далиле Вилкок, — Грэм извлек из кармана девственно чистый конверт. — Имейте в виду, я вам не почтальон. А теперь бегом за Поясом Стихий. Чтоб успела обернуться, пока я проверяю узоры негодника Дондрэ.

— Ты ждала от кого-то письмо? — Ной с подозрением смотрел, как Далила, сидя на краешке

кровати, безжалостно разрывает конверт.

— Нет, но это и странно, — она не церемонилась, извлекая исписанный мелким почерком лист бумаги. — Ой! Ой-ой-ой! Вы не поверите! Это от Тиссы! Нашей Тиссы!

— Не может быть! — изумленная Мари запрыгнула на постель и устроилась позади подруги, с нетерпением заглядывая ей через плечо. — Но причем тут зу Иллара?

— Откуда я знаю! — огрызнулась Далила. — Хватит дышать в ухо! Сосредоточиться мешаешь.

Письмо прибыло из Весеннего Дворца. Тисса с первых же строк объяснила, что передать послание попросила Грэма Принцесса Весны, в свиту которой ученицу Академии приняли на время каникул.

— Везет же некоторым! — чуть не взвыла Мари, годами боготворившая Весту. — Одни в судах развлекаются, другая прислуживает Принцессе Весны! За мной же убийца по всей стране гоняется! Где справедливость, а?

Однако по унылому тону письма быстро выяснилось, что и юная подружка не радуется жизни. Подготовка к свадьбе Короля Мартэна изменила ее дом до неузнаваемости.

«Ох уж эта политика», — писала Тисса. — «Всех вокруг подменили. Перед Эллой Монтрэ лебезят, смотреть противно! Она гордая по коридорам ходит. Еще бы! Будущая Королева! Принцесса Веста молчит, на глазах тает. Что теперь будет? Надеюсь, у вас двоих все хорошо. Мари-то, наверное, в Зимнем Дворце приходится не сладко. Когда начнется учебный год, вы сможете мне писать. Правда, говорят, письма со срединной территории проходят проверку. Я у зу Ловерты уточню. А с Ноем мы скоро увидимся. Именитые кланы из других Дворцов позовут на Королевскую свадьбу. Ури должны получить приглашение. Очень скучаю! Пожалуйста, не забывайте меня! Тисса Саттер».

Далила отложила лист и насупилась. Послание оставило привкус горечи. Подруга описала не все, чуточку приоткрыла истинные страхи. Они трое знали, что Саттеры — друзья Принцессы. Пошатнувшееся положение Весты грозило здорово ударить по всей семье, ведь Король Мартэн не жаловал приближенных сестры.

— Об Элле Монтрэ ходит много сплетен, говорят девушка не первой свежести и далеко не красавица, — припечатал Ной, но добился неожиданного эффекта.

— А вам только красавиц подавай! — вспылила Далила, уронила письмо и вылетела из комнаты.

Дверь с грохотом захлопнулась и с жалобным скрипом медленно отворилась снова.

— Что с ней? — Мари вопросительно приподняла брови. Далила и раньше не отличалась сдержанностью, но подобного поведения за подругой она не наблюдала.

— Из-за свадьбы, наверное, — Ной наморщил лоб и помрачнел не хуже неба перед грозой. — Не из-за Королевской. Из-за своей. Пойду, догоню ее.

— Я с тобой, — Мари с готовностью вскочила.

— Не надо, один я быстрее управлюсь, — Ной посмотрел страдальчески. — Пускай на меня накричит, а не на обоих сразу. А ругаться она будет, поверь на слово.

Дочь Зимы проводила друга растерянным взглядом и подняла с пола послание Тиссы. Перечитала его, остановившись на словах о торжестве. Вот бы попасть во Дворец Мартэна и Весты! Наверняка, Весенние праздники отмечаются веселее Зимних. Но разве безродной, а теперь и беглой зу позволят появиться на Королевской свадьбе.

Далила вернулась через час. Мари, лежа в постели, с тоской представляла совместные занятия с Яном Дондрэ. Мальчишка не отстанет, продолжит цепляться. Пускай на ее стороне силовое преимущество, за негодником оставались знание здешних порядков и покровительство Грэма Иллара.

— Ной тебя нашел?

— Ной? Нет, я его не видела, — Далила раздраженно сдернула с кровати покрывало. — Зато натолкнулась на Роксэль Норлок. У-у-у злюка! Замучила наставлениями. Сказала, приличные девицы не бродят по ночам непонятно где. Приличные! Ха! Кто бы говорил! Сама встречается с женатым мужчиной, а рассуждает о морали.

— С кем встречается? — сонно переспросила Мари, не особо интересуясь личной жизнью Роксэль

Норлок.

— С твоим Королем, с кем же еще?

— До сих пор?!

Далила помолчала. Только постучала кулаком по лбу. Высказывать вслух мнение об умственных способностях Мари показалось не по-дружески.

Глава 13. Ловушка на двоих

Вскоре Мари узнала подробности личной жизни Роксэль Норлок. На срединной территории ее отношения с Инзем не являлись секретом. Роксэль здесь так и называли — тайная жена Короля Зимы. За глаза, разумеется. Отверженные стихийники многолетний роман не осуждали, но и одобрять не торопились.

Поговаривали, будучи Принцем, Инэй планировал сбежать из родного Замка и жениться на неугодной родителям девушке, а престол оставить младшему брату Снежану. Требовалось дождаться конца Зимы. Сочетаться браком на земле отступников разрешалось раз в сезон — в последний день каждого Времени Года. В свадебные дни во владения совета съезжалось по несколько десятков пар.

Но гибель Бурана и Снежана в Эзре вынудила молодого Принца поменять планы. Инэй возглавил Зимний Дворец, принес в жертву собственное счастье. О свадьбе Повелителя Зимы с девушкой со смешанным происхождением не было и речи. Ходили слухи, что сначала Роксэль не желала видеть новоиспеченного Короля, но позже смягчилась, и роман разгорелся с новой страстью. Вопреки двум законным бракам Инэя, заключенным под давлением Северины, опасавшейся, что род Дората прервется.

— Не понимаю я Роксэль, — говорила Мари Далиле. — Она такая красивая. Поманит пальцем, и любой к ногам упадет.

— Они и падают, — усмехнулась подруга, придиричливо разглядывая отражение в карманном зеркальце. — Роксэль заводит романы, чтобы Король не думал, что она прибежит по первому зову, — Далила поправила челку, привычно дунула на нее и ядовито добавила. — Мстит за законных жен. И правильно!

Мари поджала губы. Роксэль и Инэю нравится такая жизнь? В шлейфе сплетен и насмешек? Нет, это не любовь, а безумие какое-то! Не таким дочь Зимы представляла это чувство. Может, она слишком юна и наивна, но бесконечные ложь и притворство здесь неуместны.

Драмы хватало и в собственной жизни. Очередной акт начался с первого занятия в школе. Негодник Ян явился, гордо задрал нос, обгоревший на Летнем солнце. На уроках мальчишка не смел делать гадости, побаиваясь гнева Грэма. Да и времени на подлости не оставалось. Учитель не давал ни секунды отдыха, заставлял работать в поте лица. Мари будто вновь попала в тренировочный зал Зимнего Дворца. С одной разницей — здесь почти весь гнев Грэма обрушивался на нее. Яну доставалось редко, хотя с заданиями он справлялся в разы хуже.

— Дондрэ имеет право ошибаться, ему не нужно служить клану Дората, — сказал Грэм на третий день, оставшись с Мари наедине. Без труда прочел недовольство на лице и понял его причины.

Объяснение звучало правдоподобно, но стихийница не спешила верить. Не покидало чувство, что Грэм печется о мальчишке. Он не сталкивал учеников лбами на уроках, хотя не раз грозился это сделать. Понимал, Мари в два счета справится с Яном, и не хотел причинить любимчику вред.

В отсутствие учителя Ян и его мелкие прихвостни старались вовсю. Погодный дар не применяли, зато пакостили любыми другими доступными способами. Мари то и дело натывалась на плоды мальчишеских забав. Находила в сумке насекомых или жаб, которых, к счастью, не боялась. Подвергалась обстрелу комьями грязи из кустов. Предвосхитить нападения ни разу не удалось — четверка действовала слаженно и ловко, но снежные вихри вслед посылались отменные.

Терпение лопнуло, когда из окна второго этажа школы пролился чернильный дождь. Отмываться от жутких разводов пришлось до поздней ночи. Мари решила — пора мстить, и ждала удобного случая. Увы, судьба распорядилась иначе, превратив очередную мальчишескую шалость в катастрофу.

Беда стряслась через три недели после приезда Мари на срединную территорию. В день примечательный разве что отсутствием Грэма на занятиях. Оный факт не показался ученикам особенным. Они знали, раз у Иллара не пришел в назначенный час, значит, появились неотложные дела в Зимнем Дворце. Забот у лучшего друга Короля в траурном Замке находилось предостаточно.

Мари не хотелось возвращаться в красный кирпичный дом и киснуть в ожидании Ноя с Далилой из суда. Ее саму на работу принимать отказались категорически. Даже на временную. Объяснили, что действующая подданная Короля Зимы не должна гнуть спину на независимый совет. Ной Ури — другое дело, он наказан.

Бродить по поселку быстро наскучило. Не придумав ничего лучше, Мари пошла на прогулку в самую дальнюю часть территории советников, граничащую с владениями Королей. Решила

посмотреть на великий ров, призванный не допускать на земли Их Величеств непрошенных гостей.

Об искусственном овраге Мари слышала на уроках в Академии и всегда считала рассказы педагогов преувеличением. Какой смысл выкапывать яму в два десятка человеческих роста в глубину и в полсотни в ширину? Территорию Королей оберегала защита надежнее — особенные чары, которые могли зажарить, заморозить и побить насмерть молниями любого, кто посмеет нарушить границу без разрешения.

Мари отправилась развенчивать миф, весело напевая под нос. Ее не пугали ни заволакивающие небо тучи, ни предостережения Ноя о живущем возле рва отшельнике, ненавидящем местных школьников. Дожди Мари любила, а злобного одиночку страшным не считала — она же не ученица школы, да и постоять за себя умеет.

Дорога сначала вела огородами, где трудились ту и шу, выполнявшие для совета тяжелую работу, затем лесом — приветливым и уютным, непохожим на дремучую чащу из сказок. Листва звенела на усиливающемся ветру, вдали встревожено переговаривались птиц — не иначе, как о приближающемся ливне. Комары и надоедливые мошки попрятались.

— Ах!

Мари заприметила среди высоких деревьев заросли дикой малины и бросилась собирать спелые ягоды. Прямоком в рот. Переспелая малина разваливалась от прикосновений, окрашивая пальцы в бордовый цвет. На вкусе ягод непрезентабельный вид не отражался. Во рту стало сладко, а на душе тепло.

Стихийница увлеклась поеданием лакомства и не сразу услышала шорох в соседних кустах. Под неуклюжими ногами захрустели сухие веточки, в просвете мелькнул рыжий всполох. Мари гневно сжала зубы. Этого не хватало! Противные мальчишки увязались следом! Она потеряла бдительность и не заметила преследования.

Мари притворилась, что не видит пакостников. Отправила в рот несколько горстей малины и, не спеша, зашагала дальше. Но спокойствие было напускным. Дочь Зимы раздумывала, как оторваться от преследователей. Использовать погодный дар не лучший вариант. Противники заведомо слабее, объясняясь потом с Грэмом или советниками! Миротлюбивые способы решения проблемы в голову не приходили, а нахалы не отставали. Но и поворачивать назад не к лицу.

Дорога вывернула к развилке. Мари растерянно посмотрела по сторонам.

— Пойдешь направо — выйдешь к оврагу, налево — к нему же, но в обход.

Пожилая женщина с полной корзиной грибов выросла из ниоткуда.

— Спасибо, — пробормотала Мари, разглядывая живые лютики на соломенной шляпке дамы. Старушкой назвать язык не повернется. Слишком благородная и статная, хотя и в простой одежде — светлой длинной рубаше с поясом и мужских широких штанах.

— Долго не гуляй, дождь собирается, — посоветовала дама и задумалась, приподняв тонкие подрисованные брови. — А ведь я сама без зонта. Подержи! — скомандовала она, сунув в руки Мари корзину.

Незнакомка встряхнула кисти и сплела незнакомый узор — столь ловко и быстро, что дочь Зимы не разглядела даже основные движения, не говоря о дополнительных. В небе протестующе громыхнуло, затем еще раз, но жалобнее. Черные тучи сопротивлялись с полминуты и уползли бледно-фиолетовыми клочьями, словно побежденный зверь с поджатым хвостом.

— Так-то лучше, — улыбнулась дама, забирая ношу. — Кстати, — она заговорщицки подмигнула выцветшим голубым глазом и громко прикрикнула, обращаясь к кустам за спиной Мари. — Это кто по лесам шатается без разрешения?! Уж не Дондрэ и Рум?! Ух, доберусь я до вас, негодники!

Кусты испуганно пискнули и дружно затрещали. Дама одобрительно хмыкнула, кивнула Мари и подняла сморщенную ладонь в знак прощания. Дочь Зимы благодарно помахала незнакомке и зашагала по длинной тропе к оврагу, чтобы растянуть приятную прогулку. Погода наладилась, и торопиться стало некуда. Мари, вновь напевая жизнерадостную мелодию, с воодушевлением глядела по сторонам. На светлое небо, лес, сбрасывающий дремоту, игривые солнечные лучи, соревнующиеся, кому удастся пробиться сквозь кроны и достать до земли.

Но прошло полчаса, и Мари пожалела, что не свернула направо и не выбрала короткую тропу. Небо освободилось от облаков. Приятная прохлада сменилась духотой, идти стало труднее. Вытирая со лба пот, стихийница старалась не думать об обратной дороге. Но остановиться на полпути и повернуть назад, не дойдя до цели, мешало упрямство.

Вскоре зной перестал быть главной проблемой. На горизонте вновь показался вражеский стан, окончательно испортив настроение. Мари едва успела спрятаться за вековой ствол дуба. Неприятеля прошли совсем близко. Втроем. Без заводицы.

— Ладно тебе, Кристоф, — оправдывался тоненьким голосом рыжий мальчишка. — Отыщем мы эту курицу. Не сквозь землю же она провалилась. И не улетела.

— Курицы не летают, — вставил его младший брат похожим голосом, но совсем детским.

— Ян велел следить за девчонкой, пока он ее заколку в дом отшельника подбрасывает, а вы деру дали, — сердито высказывал рыжим приятелям Кристоф.

— Ты тоже дал, — обиделся старший из рыжих братьев.

— Куда было деваться! — возмутился второй. — Сама советница Майя ругалась!

— Поругалась бы и перестала, — не согласился Кристоф. — А раз вы припустились, пришлось и мне следом. Не одному же отдуваться!

Голоса мальчишек стихли вдаль, и Мари яростно ударила кулаком по дереву. Вот паразиты мелкие! Заколку подбрасывают! Доказывай потом, что близко не подходила к дому отшельника, коли тот совету пожалуется на нарушительницу. А если Ян что-нибудь из вещей старика прихватит, тогда и до обвинений в воровстве недалеко!

Не бывать этому!

Мари бросилась в сторону рва, на бегу придумывая, какой узор подарить любимчику Грэма, чтобы раз и навсегда отбить охоту пакостить. Ной говорил, дом отшельника стоит у самого края оврага. Но в какой стороне?!

Долго искать не пришлось. Дочь Зимы, как по заказу, выскочила из леса в паре десятков шагов от жилища старика — покосившейся деревянной избушки с черной печной трубой и разбитым окном. Последнее, догадалась Мари, дело рук негодника Яна.

Пока она раздумывала — прокрасться в дом незамеченной или выкурить врага, раздался душераздирающий призыв о помощи.

— Спасите! Выпустите! — вопил Ян из глубины развалюхи, надрывая горло.

Мари усмехнулась, вальяжно прислонилась к дереву и скрестила руки на груди. Нашел дурочку! Заметил ее появление и заманивает в ловушку. Но надо признать, ужас мальчишка изобразил правдоподобно. Не зная его вредительской натуры, поверила бы безоговорочно. Кинулась бы в расставленные сети.

— Никто тебе не поможет! Никто не найдет! — прорезал лесную тишину лающий бас.

Мари ахнула. Ох ты, пропасть! Ян и не думал притворяться. По глупости угодил в цепкие лапы отшельника! Что делать? Помочь или позволить старику проучить негодника, чтоб неповадно было? Второй вариант показался заманчивее. Но дверь избушки распахнулась, и наружу выскочило лесное чудище, волоча за волосы плененного мальчишку.

Зрелище получилось жутким. Нечесаный дед с кулаками размером с голову Яна, рыча и выплевывая отборные ругательства, рассуждал, как поступить с жертвой — живьем кожу содрать или утопить, как котенка. Мари, глядя на звериный оскал на немом лице, ни на секунду не усомнилась, что этот колоритный представитель рода стихийного угрожает всерьез. На его фоне Ян выглядел плачевно. Хныкал и просил пощады, не пытался вырваться или вытереть кровь, льющуюся из разбитого носа.

— Я знаю, как с тобой поступить, — чудище остановилось, расплылось в радостной ухмылке, сделавшей грубые черты еще страшнее. — Сброшу в ров! Если не разобьешься насмерть, умрешь с голоду!

— Не надо! — взмолился пленник, заревев в голос.

Мари сжала кулаки. Надо спасти мальчишку. Пусть он и неприятель, но стоять и смотреть на его хладнокровное убийство нельзя. На мгновение прошиб озноб, нехорошее предчувствие кольнуло сердце. Удастся ли справиться с отшельником один на один? Она же понятия не имеет ни о принадлежности деда, ни об уровне силы. Но тот подтащил Яна к оврагу, и Мари решила. Помощи-то ждать неоткуда.

— Получай, — крикнула она и выпустила в могучую спину старика ледяной вихрь в надежде обездвижить противника.

Не тут-то было. Обычно действенная заморозка не сработала. Отшельник поежился и чихнул. Мари охнула, сию минуту придумать другой способ борьбы. Дед повернулся, крепко держа Яна за волосы. Яростный взгляд черных глаз из-под косматых бровей скользнул по растерянному лицу стихийницы, свободная рука с шустро сгибающимися толстыми пальцами пошла вверх.

— Еще получай! — отчаянно вскричала Мари.

Но и попытка создать снежный смерч провалилась с треском. Никогда еще из ее ладоней не вырывалось ничего более постыдного — безжизненным снежинкам не хватило сил взлететь. Они упали на землю почерневшими мухами, словно пепел от костра. Мари только и успела проводить их потрясенным взглядом. Из руки отшельника вырвалась молния. Будто во сне стихийница наблюдала, как та летит прямоком в грудь, а ошалевший мозг извлекал из глубины памяти один из уроков Корделии Ловерты в Академии.

«Каждый стихийник способен защититься от удара молнии, выпущенной из рук врага. Детям Зимы это сделать проще всех. Нужно лишь...»

— Успеть поставить ледяной барьер... — прошептала Мари, лежа на земле. Ток, прошедший до кончиков пальцев, парализовал тело. Только сердце продолжало медленно биться, напоминая сознанию, что жизнь не закончилась.

— Сегодня у меня знатный улов, — отшельник протянул громадную лапу и вцепился в густую шевелюру новой пленницы. — Составите друг другу компанию на дне рва.

Это происходило не с ней. Мари не чувствовала боли, хотя должна была, ведь ее безжалостно волокли по земле и камням, а на животе остался ожог от молнии. Слышала крики Яна и констатировала в уме, что все бессмысленно. Никто не отзовется. Они слишком далеко в лесу. Приятели Яна, скорее всего, ушли на большое расстояние. Да и что сумели бы сделать три ребенка, если у нее — высшей стихийницы Зимы — ничего не получилось противопоставить врагу?

«Интересно, почему?» — через силу озадачился разум и отмахнулся. — *«Какая разница...»*

— Пожалуйста! Отпустите! — надрывался Ян, каждое его слово жгло виски Мари раскаленным железом. — Я не хочу умирать!

Что-то щелкнуло в голове. Где-то очень глубоко зажглась искра. И я не хочу — сказала она. Не теперь. И не здесь. Слишком глупо.

Мари дернулась, но мучитель этого не заметил, самозабвенно таща двух подростков к краю обрыва. Его сапоги ударяли в землю молотом, впечатывая гулкие звуки в затуманенный мозг. Еще шаг. И еще. Все ближе и ближе. Двадцать человеческих роста в глубину. Верная смерть. Без шансов.

Мари сама не поняла, в какой момент начала плести узор. Сработали инстинкты, умноженные на злость. Пальцы двигались с трудом, через паралич и боль, создавая кружево — зимнее, бесконечное, сложное. Поможет ли оно? Или отсрочит неизбежное? Стихийница не задавала себе страшные вопросы, просто работала.

— Прощайтесь с жизнью! — прорычал отшельник. Схватил пленников за шеи сзади и заставил заглянуть внутрь оврага.

Ян одурел от ужаса и взвыл белугой, у Мари закружилась голова.

Слишком глубоко, слишком далеко падать. Ей не хватит сил воплотить безумный план. Никому не хватит. Никогда.

Старик без предупреждения толкнул их в спины. Мари многое бы отдала, чтобы не слышать вопля Яна — кошмарного, леденящего кровь. Ей самой отчего-то не было страшно. Мозг констатировал: «мы сейчас умрем», а руки действовали сами по себе. Выплеснули вниз лавину снега. Последнее, что стихийница почувствовала прежде чем потерять сознание, как тело проходит сквозь что-то белое и холодное...

Мари плыла по воздуху над полем подснежников — белых, голубых, сиреневых. Над бесконечным морем цветов, не желающих оставлять ее в покое после смерти. Они манили, тянулись бутонами вверх, предлагая прикоснуться, вдохнуть аромат. Мари откликнулась, попыталась дотронуться до цветочного буйства, но пальцы сковало льдом.

— Почему так холодно? — прошептала она замерзшими губами и с ужасом увидела, как поле накрывают сугробы, появляющиеся из-под земли. Разрастаются и безжалостно поглощают хрупкие цветы, отчаянно тянущиеся к ней, моля о спасении.

— Ситэрра, очнись! Очнись же! — знакомое хныканье с трудом проникало в покрытое мраком

сознание, кололо иглой и не давало сосредоточиться. — Очнись, иначе умрешь!

Она со стоном разжала веки. Глаза резанул яркий свет, непонятно откуда взявшийся в темном овраге. Снег! О небо, сколько же его тут? Это она создала немыслимые сугробы?!

Мари лежала на холодной земле шагах в десяти от горы снега.

— Что это? — она приподнялась на локте и посмотрела на гладкую боковую стену, в два раза ниже двух основных.

— Не знала, что ров разделен перегородками? — всхлипнул Ян, вытирая рукавом перемазанное кровью лицо.

Видимо, это мальчишку следовало благодарить за то, что она не утонула в снегу. Паразит догадался перетащить ее на клочок земли, не поглощенный белым покрывалом.

— Мы замерзнем насмерть! — продолжил причитать Ян, стуча зубами от холода. — Мы в ловушке, видишь?! В снежной ловушке!

— Да, надо было дать нам разбиться, — пробормотала Мари, переворачиваясь.

Подняться сразу не получилось. Полученный ожог дал о себе знать: весь живот горел огнем. Но мешало не только это. Из тела высосали всю силу. Подчистую. Пришлось встать на четвереньки и очень медленно принять вертикальное положение.

— Перестань ныть. Голова сейчас взорвется.

— Так и надо твоей тупой голове! — взъерепенился неблагодарный мальчишка. — Зачем насылала бурю на отшельника, глупая? Не могла чем-нибудь тяжелым огреть?! Он глушит силу стихийников! Твоя первая степень ему — тьфу!

Ян сплюнул в сторону.

— Как это глушит? — открыла рот Мари, не замечая, как из него вырываются клубы пара.

— Вот так! — истерически завопил Ян. — У отшельника особенность такая! Он спрятался на земле советников, потому что его все достали! Каждый Король хотел нанять на службу, чтобы использовать против остальных! Но он ненавидит их! Всех ненавидит! А ты! Ты! Ты все испортила!

— Я?! — от ярости нашлись силы ударить Яна в грудь ладонями. — Это ты полез к нему в дом! Подбрасывать заколку! Тупица! Идиот! Надо было дать ему тебя уколошить! Никто бы и не узнал, что я там была!

Разумеется, она говорила не всерьез, а чтобы выплеснуть гнев.

— Да, надо было, — мальчишка неожиданно сник. — А теперь ты тоже умрешь.

Мари не услышала в голосе Яна привычного сарказма.

— Не надейся, — процедила она сквозь стучащие зубы. — У меня есть план.

— Умеешь летать? — мальчишка горько усмехнулся, но не удержался и снова всхлипнул. — Стены отвесные, не залезть. Криков наших никто не услышит. А когда хватятся дома, будет поздно. Здесь столько снега, что мы быстро превратимся в две ледяные статуи.

— Есть другой способ привлечь внимание, — Мари начала плести узор. — В поселке сильно удивятся, увидев снег над лесом. В чем дело, сразу не поймут, но кого-нибудь сюда отправят.

Стихийница закончила плетение и вскинула руки, готовясь выбросить снежную бурю — похожую на ту, что разыгралась однажды над Орэном.

— Ой! — взвизгнул Ян и отскочил от Мари. Вместо снежинок из ее ладоней посыпались искры. — Что это?!

— Катастрофа, — пробормотала дочь Зимы, медленно съезжая по гладкой стене. Ноги отнялись вовсе не от холода.

Ловерта предупреждала учеников, что сила стихийников не бесконечна, но они посмеивались в ответ. Казалось невероятным, что способности могут иссякнуть.

— Нечего ухмыляться, яу, — говорила Корделия, морща орлиный нос. — Подобное случается после огромного выброса силы. Считаете, вы можете черпать ее постоянно? Ошибаетесь!

Придет день, и вы заберете все без остатка, полностью опустошите сосуд внутри. И тогда вместо снега и дождя будете создавать одни искры. Они станут знаком, что вы доигрались, яу...

Мари закрыла лицо дрожащими ладонями. Неужели, она растратила все?! О, небо! Создавая лавину, думала лишь о том, чтобы остаться в живых, и не почувствовала предела. Перешла грань!

Что теперь? На Яна рассчитывать бесполезно. Мари не раз лицезрела его способности на совместных уроках с Грэмом. Мальчишка умел создавать вьюги, но локальные — на высоте максимум четырех-пяти человеческих роста. Попытка привлечь Яна — самоубийство. В овраге только дополнительного снегопада не хватало!

Мари чуть не разревелась от безысходности. Как глупо все получилось. Глупо, бездарно и бессмысленно.

Глава 14. Глубина доверия

Ян успел накричаться до хрипоты, попрыгать в тщетных попытках согреться и попробовать вскарабкаться по гладкой стене, что закончилось позорным приземлением на пятую точку. Мари сидела на земле, не замечая, что ноги немеют от пронизывающего холода. Смотрела в никуда и перебирала в уме наставления педагогов за годы учебы, чтобы придумать выход, пока мозги не покрылись инеем.

Должен быть способ! Должен! Она просто плохо думает. Нужно напрячься. Наверняка, на уроках рассказывали, как быть, если не можешь воспользоваться силой. Крутится что-то в голове. Нужно ухватить. Вон он хвостик мелькает. Лишь бы дотянуться. Ошавевший разум услужливо нарисовал его — ускользающий хвост: черный, пушистый, с белой кисточкой. Мари протянула руку, приготовилась сжать пальцы.

— Ситэрра, ты чего? — испугался Ян. — Мерещится, да? Ну—ка вставай. Вставай, говорю! — он подхватил стихийницу под локоть. — Околеешь.

Мари с тоской посмотрела вверх. Слишком высоко. Не выбраться. Если б не перегородка, у них бы появился шанс уйти от снежной горы. До мостов, где их заметила бы стража, пешком далековато, но, глядишь, докричались бы по дороге до кого-нибудь.

Владения Королей и срединную территорию соединяли два охраняемых моста, расположенных в параллели многострадальной Эзры и ведущих напрямик к Дворцам. Один предназначался для приезжающих, другой — для покидающих земли Их Величеств. Мари с грустью подумала, что ни разу не видела мосты вблизи, только из окон с западной стороны Академии. Впрочем, экая невидаль. В мире еще столько вещей, на которые ей не суждено посмотреть из-за глупого мальчишки.

— Ненавижу тебя! — слетело с губ. Дрожащие ладони сжались в кулаки и принялись молотить Яна грудь. — Ненавижу, слышишь?! Ты — истинный сын Зимы! От тебя одни беды!

Ян не стал сопротивляться или защищаться. Отступил на несколько шагов, пока не уперся в стену, и безропотно ждал, когда гнев Мари стихнет. Много времени не потребовалось. Слишком мало физических сил осталось у высшей стихийницы. Слишком ослабили ноги, прикрытые тонким летним платьем. Она плюхнулась на ледяную землю, закрывая ладонями побледневшее лицо. Ян опустил рядом, но не посмел прикоснуться. Обнял собственные колени и уткнулся в них подбородком.

— Поверь, я не хотел причинить вред, — пробормотал он, дрожа. — Это была шутка. Только шутка. Поверь.

— Поверить тебе?! — Мари подарила Яну яростный взгляд и, с трудом подавив желание послать в мальчишку пару искр, повернулась к нему спиной.

Поверить?! В голове не укладывалось, что он посмел просить об этом. Мерзкий пакостник не заслуживал ни доверия, ни прощения. Даже жалости!

Мари обхватила себя руками, отлично понимая, что это не поможет согреться. Прижаться бы к стене и закрыть глаза. Заснуть. Других вариантов не осталось. Тогда почему в голове звенит странный колокольчик, пытаюсь что-то напомнить? Извлечь из замороженной памяти забытое воспоминание. Что-то об Академии. Но что?

— Поверить, поверить, — шептала Мари, не понимая, почему это слово отдается эхом в голове. — Доверие...

А потом пришла и картинка.

За окном Зима. Пурга безжалостно заметает Замок. Не разглядеть, что творится снаружи, хотя до вечера далеко. Чересчур много белого. Сплошные мельтешащие мухи, заслоняющие все остальное. В комнате тепло. Жарко горит огонь в камине, игриво потрескивает, не давая унынию на улице просочиться внутрь.

— Дочитали? — спрашивает осу Айри Сурама, заметив, что шепоток в классе становится громче. Никто не смотрит в книги, задание либо выполнено, либо забыто.

Преподавание — не стезя Айри, но ему неинтересно служить Королеве Сентябрине. Гораздо увлекательнее проводить эксперименты в лаборатории Академии, изобретать новые виды промозглых Осенних дождей. А ученики... Пусть читают параграф за параграфом, пока он, сидя с ногами в кресле, набрасывает в тетради новые варианты ингредиентов погодных зелий. Но Сурама при всей отстраненности нравится ученикам. Не потому, что мало спрашивает. Иногда он вспоминает об учительских обязанностях и рассказывает яу что-нибудь особенное. Такое,

чего от других преподавателей не услышишь.

Вот и сегодня он откладывает в сторону потрепанную тетрадь с загнутыми уголками и пытается вернуть в класс тишину. Не криками и угрозами, а интересной историей. О стихийниках, попавших в беду. О высшем сыне Осени, потратившем много сил, и его слабом друге, неспособном на грандиозные свершения.

— И сказал тогда первый друг: «Я не могу воспользоваться собственными чарами, а ты не сумеешь создать сильный дождь. Но объединив усилия, мы сделаем невозможное. Нужно довериться друг другу. Довериться настолько, чтобы поведать самые сокровенные страхи. И тогда я смогу позаимствовать твою силу, подарить умирающей земле влагу...»

Больше всех рассказ Айри впечатляет Ноя. После урока он подходит к учителю, чтобы уточнить детали. Мари и Далила стоят в стороне, но слышат каждое слово.

— Разумеется, это правда, яу Ури, — Сураму не сердит недоверие ученика. — Это высшая магия, которой не учат в Академии. Причина ее непопулярности в нежелании стихийников раскрывать душу.

— Но если они захотят, то смогут, так? Все—все? — не унимается Ной, обожжающий рассказы о тайных чарах.

— Не все, Ури, — закругляет разговор осу, собирая драгоценные записи. — А только дети единого Времени Года...

Ян сначала решил, что Мари сошла с ума. Дочь Зимы и сама не поверила бы, озвучь предложение кто-то другой.

— Какая разница, рехнулась я или нет?! — ругалась она, чуть не плача от холода, пробравшегося внутрь костей. — Если ничего не выйдет, сможешь позлорадствовать! А пока делай, что говорю! Давай руки!

Ладони Яна оказались теплее ее собственных. Но пришлось приложить усилие, чтобы удержать их — обоих пленников рва била крупная дрожь.

— Нужно рассказывать о страхах? — мальчишка горестно хмыкнул, и губы выпустили новые клубы пара.

— Да! Начинай! — приказала Мари, судорожно соображая, что сказать, когда настанет ее черед. Для успеха говорить следовало правду.

— Ну... — Ян шмыгнул замерзшим носом. — Смерти боюсь.

— Не то! — прошипела Мари, завидуя. Своего носа она не чувствовала и шевелить им не могла. — Смерти все боятся. Нужно что-то особенное. Свое.

— Тогда начинай ты! — панически потребовал мальчишка. — Это твоя затея!

— Ладно. Боюсь... — она представила нож со снежинкой на рукояти, торчащий из портрета Хлады на лестнице Зимнего Дворца. — Боюсь убийцы Королевы. Он меня преследует. Или... — стихийница неестественно засмеялась, — не боюсь? Теперь он до меня не доберется, отшельник выполнил его работу. Говори ты. Мне надо подумать.

— Боюсь... — Ян откашлялся и затараторил. — Боюсь, отец женится на ву Колни — нашей соседке. Зачастила к нам. То с картошкой пирог принесет, то с яблоками. Глаза подводит! Отец ее за стол сажает, болтает до ночи. Меня этим Летом из школы не забрал. Зуб даю, свадьбу готовят!

— Боюсь, — Мари не знала, что именно должна почувствовать, заимствуя силу Яна, и просто сосредоточилась на мысли о ней. — Боюсь узнать, кто мой отец. Узнать окончательно, — добавила она тихо.

Вопреки полученным доказательствам, разум отказывался верить в родство с Рофусом.

— Ты не знаешь, кто твой отец? — переспросил Ян удивленно.

— Моя мать — человек. Шу, — пояснила Мари. — Она умерла, когда мне было пять лет. Большую часть жизни я провела в Академии Стихий. Оставалась там даже в каникулы. У мамы не было родственников. Отца я не знала. Но он точно стихийник Зимы. Не из слабых. Но все кандидаты мерзавцы...

Мари поймала себя на мысли, что рассказывает сокровенное мальчишке, которого несколько часов назад поколотила бы, посмей он задать вопрос о семье.

— Моя мама принадлежала Зиме, — Ян отвел взгляд. — Она умерла шесть лет назад. Мама меня любила больше, чем отец. Он — сын Весны. Если мы отсюда не выберемся, у него гора с плеч упадет. Не нужно будет изображать заботу, — мальчишка быстро заморгал, чтобы сдержать наворачнувшиеся слезы. — Твоя очередь.

— Я не была в Весеннем Дворце, — зачастила Мари, боясь, что язык замерзнет. — Не могу судить о его жителях, но в Зимнем одни негодяи. Думают только о себе. О выгоде для клана. Они бесчувственные, безжалостные. Замороженные! Я не хочу туда возвращаться. Боюсь стать похожей на них. Вдруг сама не замечу, как начну меняться. Продолжай!

— Прозвучит нелепо, но я... — Ян стиснул зубы, собираясь с силами для признания в очередном страхе. — Боюсь выглядеть глупо. Но фоне других я сильный стихийник. В школе приходится изображать героя, поддерживать статус заводилы. Ты побила меня при первой встрече. Я должен был взять реванш, иначе б Осенью надо мной вся школа потешалась.

— Боюсь паучиху, — открывать рот становилось труднее, как и стоять на ногах. — Королеву-мать. Я для нее — игрушка. Вроде белой болонки у ног. Одно слово Северины, и конец. Никто не заступится. Не придет на помощь. Потому что я — безродная сирота... — голос задрожал от невыплаканных слез, но она взяла себя в руки и потребовала:

— Дальше!

— Мне твердят, что я особенный, — Ян говорил медленнее, взгляд затуманился. — У меня, видите ли, есть предназначение и долг.

— Кто твердит? — на миг Мари забыла о потерявших чувствительность ногах.

Ян Дондрэ — особенный?!

— Зу Иллара и зу Норлок, — мальчишка нахохлился. — Они решили, у меня особенная сила, и я должен следовать наставлениям. Ругаются, что плохо стараюсь. Зу Норлок ругается, однажды слабаком назвала. Учитель ничего не говорит, но я по глазам вижу, что недоволен. А я не чувствую себя особенным, не понимаю, чего они привязались!

— А я себя боюсь, — прошептала Мари, прислушиваясь к сердцу. Показалось, оно замедляется. Лишь в голове упрямо стучало: «Вьюга, вьюга, вьюга». — Боюсь ту часть меня, которая ненавидит Зиму. Я принадлежу этому Времени Года, без сомнений, но что-то во мне сопротивляется. Не дает спокойно жить. И никогда не даст. Не понимаю, почему...

Почудилось, что-то белое пролетело перед глазами. Снежинки? Нет, еще одна галлюцинация, предшествующая забытию. Как пушистый хвост, который Мари недавно ловила. Но как похоже на снежные хлопья! Кружатся, будто настоящие. Падают прямо с неба. Жаль, не взаправду.

— Ситэрра! — завопил Ян, разжимая задеревеневшие пальцы. — Получилось, Ситэрра! Смотри, снег идет! Высоко! Над лесом!

— Снег... — Мари пошатнулась. Ян попытался ее подхватить, но не удержал замерзшими руками. — Ненастоящий... — в глазах потемнело, и уже не один мальчик уверял в несколько голосов, что нельзя терять сознание, а три или четыре.

Мари хотела попросить его перестать шуметь, но не сумела пошевелить языком. К чему? Это галлюцинация. Все бред — и снег, и признания. Не было ничего. Они с Яном разбились о дно рва. Целую вечность назад...

Боль то уходила, то возвращалась снова. Всегда разная. Она впивалась в безвольное тело иглами льда, беспощадно пытала нежную кожу огнем, рвала на части внутренности, не давая Мари ни плакать, ни дышать. Каждая попытка открыть глаза приводила к новому болевому взрыву — голову жгли раскаленным железом изнутри. Лишь изредка до измученного рассудка долетали обрывки фраз, принося новую порцию отчаянья.

— Без шансов, — тихо говорила у изголовья Роксэль Норлок, когда Мари бил озноб и никто в мире не мог снять с нее снежного покрывала. — Слишком много силы ушло.

— Очень жаль, — сокрушался голос Грэма Иллара несколько тысяч часов спустя, пока она лежала на горячем песке и не могла пошевелиться.

Временами Мари все же удавалось заплакать. В странной тишине она слышала, как слезинки, сбежав по щекам, подают на простыни. Тогда откликнулся еще один голос, принадлежащий незнакомой женщине. Мягкий. Вкрадчивый.

— Потерпи, милая, — шептал он ласково. — Нужно выстоять, дочь Зимы. Еще немного, и все будет хорошо.

Но остальные думали иначе. Например, советница Майя, рассуждения которой Мари услышала однажды сквозь пелену забвения.

— Нужно это прекратить, дорогая, — скорбно говорила она той, другой женщине. — Здесь твой дар бессилён. Ты продлеваешь агонию. Отпусти девочку.

— Она не хочет сдаваться. Я чувствую: ее воля к жизни сильна.

— Этого мало.

— Я не хочу умирать, — Мари понадобилось неимоверное усилие, чтобы это произнести, точнее, промычать. Четыре слова отдались болью глубоко внутри.

Спорщицы ахнули в унисон. Они не подозревали, что юная стихийница слышит разговор.

— Нет-нет, ты не умрешь, — зашептала незнакомка и поцеловала Мари в лоб. — Я обещаю, ты поправишься.

Советница Майя издала тяжелый вздох. Она не одобряла обещаний, которые считала беспочвенными.

Вопреки всеобщему унынию, таинственной женщине удалось вырвать дочь Зимы из лап смерти. Медленно, проиграв не один бой с болезнью. Когда Мари, наконец, пришла в себя, оказалось, что с памятного «сражения» с отшельником прошло больше трех недель. Июль закончился, уступив место августу, успевшему перевалить за половину. На срединной территории всю готовились к празднику Лета, отмечавшемуся в третьей декаде последнего жаркого месяца.

— Защитница нашлась! — ворчала Далила, силясь скрыть подступающие слезы облегчения. Ее подрядили к участию в подготовке праздника, но она не торопилась выполнять указания, большую часть дня проводила у постели подруги. — Надо было бросить наглеца. Поплатился бы за пакости! И поделом!

— Не говори так, — испугался Ной, превративший на радостях комнату, отведенную Мари в местной больничке, в оранжерею. — Мы сами в Академии столько глупостей творили и никогда не думали о последствиях.

Далила в кое-то веке смолчала. Возразить было нечего.

От друзей Мари узнала, что снегопад, созданный общими усилиями с Яном, первым заметил Грэм Иллара. Учитель в тот день все-таки явился на занятия и к появлению незапланированных в сезоне осадков успел расвирепеть, как бык, разыскивая сбежавших учеников. Грэм сообразил, что дело неладно, крикнул нескольких рослых парней и вместе с ними на лошадях добрался до дома отшельника. Жертвы старика обнаружили на дне оврага без сознания. Учитель лично спустился вниз по наколдованной ледяной лестнице. Первым на поверхность подняли Яна, хотя его жизнь не была в серьезной опасности. Истратившей силы Мари пришлось хуже.

— Кто меня лечил? — спросила стихийница, с грустью отмечая в уме, что учитель предпочел спасти любимчика.

— Местный лекарь — лу Тоби, — отозвалась Далила, гадая о чем-то на ромашке, выдернутой из самого большого букета. — Он на советников лет тридцать работает.

— А женщина?

— Какая женщина? — лепестки падали и падали на пол.

— Которая меня лечила, — с легким раздражением пояснила Мари.

Далила и Ной удивленно переглянулись.

— Наверное, тебе померещилось, — сделал вывод Ной. — Ты же сильно болела. Вот тебе и привиделась женщина—лекарь. Красивая, да?

— Не знаю, — насупилась Мари, демонстративно не заметив презрительного фырканья Далилы. — Я только голос слышала. И ничего мне не привиделось! Я точно знаю!

Друзья не стали спорить, понимая бессмысленность затеи. Упрямство Мари обоим было отлично известно со времен Академии.

— Отшельника прогнали, — сменила тему Далила. Но Мари она мало заинтересовала, мысли вертелись вокруг женщины, спасшей жизнь.

Не приоткрыли завесу тайны и Грэм с Майей. Советница на вопрос о незнакомке удивленно вскинула подрисованные брови и потрогала лоб Мари, заподозрив, что у нее снова жар. Учитель высказал ту же идею, что и Ной, посоветовав не расстраиваться, мол, в бреде и не такое может привидеться. Грэма больше беспокоила сила Мари, а не душевное состояние.

— Тебе пока нельзя пользоваться погодным даром, — объявил он и опустил на пол большую дорожную сумку, в которой что-то подозрительно гроыхнуло. — Рискнешь здорово покалечиться. Ты выжала силу почти без остатка. Нужно время, чтобы она наполнила тебя заново.

— Почти? — усмехнулась Мари уголками губ. Она пришла в себя два дня назад, но по-прежнему чувствовала сильную слабость.

— Кое-что осталось. Иначе ты бы не сумела воспользоваться даром Яна. Поздравляю, Ситэрра! — Грэм широко улыбнулся, и Мари сделала вывод, что похвала искренняя. — Ты превзошла мои ожидания. На дне рва продемонстрировала высшую погодную магию. Но меня удивляет, как вы с Яном так быстро открылись друг другу. Я не о признаниях. Это лишь слова. Вы впустили друг друга в душу. По-настоящему. Не все близкие стихийники способны на подобное. Вас же и приятелями не назовешь.

— Мы очень хотели выбраться, — прошептала Мари, заподозрив, что Грэм не прочь узнать их секреты. Нет, она не жалела о собственной откровенности, ведь и Ян многое поведал. Однако другим знать подробности ни к чему.

— Да, страх способен творить чудеса, — задумчиво протянул учитель. — Спасибо за благородство. У тебя не было причин помогать Дондрэ. Ну-ну, — засмеялся Грэм, заметив, как заалели щеки ученицы. — Дети Зимы не любят рисковать ради других, и я рад, что среди нас встречаются исключения. Для Яна твой поступок стал хорошим уроком. Он, кстати, спрашивает разрешения навестить тебя.

Мари в ответ пожала плечами, мол, пусть заходит.

— Хорошо, — удовлетворенно заметил Грэм. — И на этот раз, будь добра, прими мой совет к сведению — не пытайся использовать дар. Через три месяца я проверю, восстановились ли способности, а дальше... дальше будем исходить из обстоятельств, — он поднял с пола сумку. — Но не надейся, что я отстану от тебя с уроками. Раз невозможна практика, — он извлек наружу стопку старых толстых книг, — займешься теорией. Эти учебники я позаимствовал в Королевской библиотеке. Они особые. Здесь описывается множество различных приемов, которым не учат ни в Академии, ни в Высшей школе Дворца. Решил, с твоими талантами полезно с ними ознакомиться.

Вечером того же дня Мари навестил Ян. Скромно постучал и, дождавшись ответа, осторожно просунул голову в щель.

— Зу Иллара сказал, ты не против, — смущенно пробормотал он. — Я принес тебе подарок, — мальчишка быстро пересек комнату и протянул перевязанный лентой сверток.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Мари, вынимая еще одну книгу. — Содж Иллара! — вскричала она, не веря глазам.

— Ты слышала об отце учителя? — в свою очередь изумился Ян. — Его книги популярны на срединной территории, но во Дворцах запрещены.

— Я видела его спектакль в Орэне, весьма оригинален, — пояснила Мари, разглядывая обложку. «Тайны Зимнего Дворца» гласила она. Вот это подарок! Зная о репутации родителя Грэма, можно не сомневаться в увлекательности чтива.

Ян, запинаясь и краснея, начал извиняться за отвратительное поведение. Но Мари махнула рукой и спросила, знает ли он о женщине-лекаре. Подумалось, она и к мальчишке во время болезни заглядывала. Но тот пожал плечами, уверив, что его лечил исключительно лу Тоби.

— Я готова голову отдать на отсечение, что слышала голос, — нахмурилась Мари, поглаживая новую книгу кончиками пальцев. — Скажи, у советницы Майи есть дочь?

Вспомнилось, что та обращалась к загадочной женщине, как к родной.

— Была. Раньше, — смутился Ян. — Единственная дочь Майи — Апрелья, умерла много лет назад.

Ее убили.

— Кто? — расстроилась Мари.

— Понятия не имею, — мальчишка понизил голос. — Говорят, там жуткая тайна. Я спрашивал взрослых и получил подзатыльник от зу Норлок. Ходят слухи, к гибели Апрелии причастен кто-то из Зимнего Дворца.

— Вот уж неожиданность, — проворчала Мари, глядя на обложку произведения Мастера. Стихийница б не удивилась, если бы Илларе-старшему оказалась ведома и эта тайна.

Глава 15. Гостя Лета

По рекомендации лекаря лу Тоби, Мари полторы недели провела в постели. Не отрывалась от книг: творения вольнодумного Мастера и учебников, принесенных учителем. Грэм не преувеличивал, описываемые приемы потрясали воображение. Мари обнаружила способы быстро повысить температуру в заледеневшем городе и уничтожить следы неудачных или ошибочных манипуляций. Они с Яном могли избавить ров от наколдованного снега, но из-за неопытности не знали, как это сделать.

Понятно, почему эти плетения не преподавали всем подряд. У большинства не хватило бы сил. Мари не была уверена, что и ее первая степень позволит воссоздать особые узоры, но перечитывала каждый параграф по несколько раз, запоминала последовательность движений пальцами. Руки чесались попрактиковаться, но, помня совет Грэма, стихийница не смела. Боялась навредить пострадавшим способностям. Она, всю жизнь твердившая о ненависти к Зиме, теперь страстно желала, чтобы сила восстановилась. Потеря погодного дара казалась проклятием.

От корки до корки Мари прочла и книгу Иллара-старшего, с восторгом обнаружив, что он прошелся по многим известным кланам — таким, как Норда и Лоэ. В одной из глав описывались подробности создания семьи Норлок, когда два рода вычеркивали из памяти лучших представителей. Зато роман Роксэль с Королем в произведении не упоминался и вскользь. Мастер нарочно избегал запретной темы, хотя в целом клану Дората от язвительного автора досталось крепко.

Мари узнала, что Северина была не первой супругой Бурана. Он сочетался браком с подругой детства по имени Вилина еще Принцем. Однако рано стал вдовцом, потеряв из-за тяжелой болезни молодую жену и нерожденного ребенка. Второй раз Король пошел под венец полтора десятка лет спустя. Не от большой любви, а в страхе, что род Дората прервется. Супруга — Северина, дама далеко не юная — была выбрана по указке придворного предсказателя Эрнуса (прадеда Мари). Он клялся, что именно эта женщина подарит Его Величеству сильных наследников, которые всенепременно позаботятся о потомстве в будущем.

По Зимнему Дворцу ходили слухи, что Эрнус не был уверен в Северине. Убедить Короля Бурана в обратном помогли толстый кошелек клана паучихи и угрозы в адрес семьи предсказателя. Последнее звучало правдоподобно, и Мари мысленно поблагодарила небо, что никто не знает о ее родстве с пророком-лжецом. С потомством-то у клана Дората нынче туго.

Содж Иллара упрекал в трусости сыновей Зимы, бравших в жены девушек по указке родителей. Хотя сами юноши не считали зазорным встречаться с представительницами других Времен Года. Тайно, разумеется. Иногда автор не щадил беспечных юнцов, как Рейма Норду, от походов которого в прошлом стонало все достопочтенное семейство. В других случаях ограничивался намеками. Написал, что глава Погодной канцелярии Иган Эрсла в зрелом возрасте потерял голову от молодой жительницы другого Дворца. Взаимности не добился, и, поговаривали, затаил лютую злобу. Имя избранницы Мастер не раскрыл, подчеркнув, что не хочет ставить благородную и уважаемую даму в неприятное положение.

К великому сожалению Мари, в книге не нашлось ни одной истории о романах сыновей Зимы с человеческими женщинами. Стихийница сделала вывод, что Содж не располагал такими сведениями. Иначе б поведал о тайных страстях миру. Он ведь и сам женился на актрисе из людского города, чего не скрывал и не стыдился. Даже книгу супруге Грете посвятил. Не побоялся гнева стихийников.

— Хватить читать, — обижалась Далила, навещая подругу. — Праздник на носу! Говорят, будет грандиозно. Гулянья во владениях совета проходят с размахом. Особенно Летние. Приезжают гости из всех параллелей и даже стихийники из Дворцов. Они прячутся под масками, чтобы никто не узнал. Считается — праздновать на срединной территории неприлично. Смешные, право! Не находишь?

— Под масками?! Они будут танцевать в масках?! Не пойду на праздник! — Мари выразила протест, громко захлопнув тяжелый том. — Ни за что!

— Ты всерьез полагаешь, что убийца Королевы Хлады явится сюда? — лицо Далилы приняло скептическое выражение, быстро сменившееся задором. — Глупости! Ему смелости не хватит.

Мари промолчала, помрачнев, как грозовая туча. Далиле легко не бояться, слыша о нападениях со стороны. Другое дело, когда сама убегаешь от преступника по бесконечной дворцовой лестнице или в полумраке каменных сырых коридоров. Что до смелости убийцы, в ней Мари ни капли не сомневалась. Как и в наглости. Не забыла посланный воздушный поцелуй в замке Луда Крона.

Немного развеять страхи помог Грэм.

— Не трусь, — с улыбкой посоветовал он, навестив ученицу накануне гуляний. — На празднике мы

будем единственными представителями Зимнего Дворца. Остальным запрещено покидать Замок.

— Но...

— Въезд на срединную территорию под охраной, — оборвал Грэм. — Зеркальный зал в Замке стерегут днем и ночью. Доступ есть только у нас с Королем. «Путь» на границе владений совета и параллели Торы тоже под наблюдением. Расслабься и постарайся получить удовольствие от праздника. Ты сама-то помнишь, когда в последний раз веселилась?

— Мне не нравится затея с масками, — поежилась Мари.

— Маски — обязательный атрибут гуляний в этих краях. Ничего не поделаешь. Если не хочешь быть узанной, спрячь лицо, — нашел неожиданный выход Грэм, но Мари поморщилась.

— Нет уж, — пробурчала она, чувствуя себя трусихой. — Как продвигается расследование убийства Королевы? У сыщиков есть версии?

Мари испытывала двойственное чувство, размышляя о преступлении. Она хотела, чтобы убийцу поскорее поймали. Однако понимала, как только это случится, придется вернуться во Дворец под злобные очи Королевы-матери. Сразу возникало желание превратиться в черепаху и спрятаться под панцирь.

— С нами сыщики не делятся. Ни версиями, ни подозреваемыми.

Расспрашивать учителя о его выводах Мари не рискнула. Вряд ли он обсуждал версии с кем-то, кроме Короля, и, наверняка, эти двое не спешили делиться с сыщиками.

В конце концов, всеобщее праздничное настроение передалось и Мари. В день гуляний, глядя на Далилу, вплетающую разноцветные ленты в волосы, она не выдержала и выразила готовность обзавестись парадным одеянием. Подруга хитро улыбнулась. Она заранее приготовила наряд: белую свободную блузку с каймой цветной вышивки и длинную коричневую юбку — легкую и воздушную.

— Это Весенний цвет, но я подумала, тебе он понравится больше Летнего, — довольная собой Далила извлекала из большой деревянной шкатулки украшения. — Бабушкины, — пояснила она, прикладывая к Мари россыпь из ягодных бус. — Она носила их до того, как сбежала с дедом из Дворца Лета на срединную территорию. Нет, это слишком броско. Примерь другие, — Далила протянула тоненькую нить бледно-красной смородины. — То, что надо! Теперь голова!

Взглянув на себя в зеркало полчаса спустя, Мари засияла от удовольствия. В распущенных волосах весело играли цветные ленты, среди которых не обнаружилось ни одной белой. Она выглядела подданной какого угодно Дворца, только не Зимнего. Даже бело-голубые глаза с задорными искорками больше не принадлежали ненавистному Времени Года.

Погода идеально подходила для гуляний. Жара прекратилась, но земля оставалась теплой. Весьма кстати, учитывая, что обычай требовал приходить на праздник босиком. Говорили, Король Агуст расщедрился по настоятельной просьбе совета. Народ собрался погулять на славу. На нескольких сценах с обеда выступали певцы и музыканты, дети и кое-кто из молодежи, громко хохоча, кружили на каруселях. Всюду сновали официанты с едой и напитками — ягодными и фруктовыми морсами для детей, медовыми и виноградными винами для взрослых.

— Главное веселье начнется вечером, — сообщил присоединившийся к подругам Ной, сунув им в руки бокалы с напитками, источавшими кисло-сладкий яблочный аромат. — Будут танцы. И костры.

— Пойдем на карусели, — предложила Далила, оглядывая Летний камзол Ноя с аппликацией, надетый поверх рубахи с расстегнутыми верхними пуговицами.

Мари сочла предложение заманчивым и собралась поддержать подругу, но перед троицей нарисовался Ян Дондрэ в окружении свиты. Заводила успел прочистить приятелям мозги, желание задиаться на лицах больше не читалось. Кристоф смотрел на выпускников Академии непривычно кротко, а рыжие братья Лен и Тем глазели под ноги.

— Что надо? Мало от тебя проблем? — встал в стойку Ной. И куда делось извечное добродушие, украшающее румяное лицо?

— Не горячись, — посоветовал Ян. Он сдобрил светскую вежливость нотками высокомерия, чтобы не разочаровать друзей. — Я хотел сказать Мари, что за школой начинается спектакль Соджа Иллари. Он приехал на праздник с трупой.

Карусели вмиг забылись. Мари с горящими от предвкушения глазами ринулась смотреть новое творение Мастера, таща за руки Далилу и Ноя. Импровизированную сцену и зрительный зал с

рядами скамеек развернули под открытым небом. Большую часть мест успели занять гости, многие из которых, к неодобрению Мари, надели маски.

— Мы сидим во втором ряду с краю, — крикнул Ян. Он вел за собой остальных, умело лавируя в толпе.

Перед сценой Мари разглядела пару свободных скамеек.

— Где вас носит? Еще чуть-чуть, и остались бы без мест! — сердито высказала Яну Роксэль Норлок, сидящая по соседству. Советница нарядилась в легкое медовое платье с ромашками, вышитыми на подоле, и все же принадлежность угадывалась без труда. Ледяной взгляд не спрячешь.

— Простите, — Ян почтительно склонился перед подругой Короля Зимы, не смея оправдываться и объяснять причину задержки. Помахал кому-то рукой и занял место рядом с Роксэль.

Мари, устроившись между Яном и Далилой, принялась с любопытством глазеть по сторонам. В середине третьего ряда расположился Грэм Иллара с черноволосой женщиной, привлекающей внимание яркостью наряда. Красный сарафан и в тон ей лента, вплетенная в густую шевелюру, бросались в глаза издали. Светло-бежевая блузка с широкими рукавами, стянутыми на запястьях, и маска в виде белой бабочки слегка сглаживали кричащую броскость. Незнакомка что-то шептала Грэму на ухо, он в ответ широко улыбался.

— Кто это? — Мари наклонилась к Яну. Наверняка, учитель явился на праздник с дамой сердца. Раз она в маске, прибыла из Дворца. Причем, не из Зимнего, судя по шевелюре.

— Гостья! — прошептала Роксэль, не дав мальчишке открыть рот. — Ситэрра, воспитанным дочерям Зимы не к лицу задавать бестактные вопросы!

Мари залилась краской. К счастью, возле сцены заиграл оркестр, и занавес поехал в стороны. Новый спектакль Содж Иллара посвятил Лету. В честь праздника обошелся без провокационных разоблачений и поучений, что не сделало творение менее увлекательным. Главный герой — богатый лу — надумал выдать замуж дочь и устроил настоящий турнир для кандидатов в зятья.

Зрители полтора часа держались за животы, глядя, как женихи укрощают диких жеребцов, соревнуются в игре на флейте — любимом инструменте будущего тестя, и пытаются придумать способ сделать тещу менее болтливой. У Мари сводило скулы, на Ноя из-за долгого смеха напала икота.

После представления Ян потащил новую подругу знакомиться с режиссером. Иллара-старший, получив изрядную порцию аплодисментов и криков «Браво!», скрылся в здании школы.

— Не трусь, я знаком с Соджем, он не станет возражать, — заверил мальчишка.

По дороге Мари размышляла: спросить ли Мастера о романах сыновей Зимы с человеческими женщинами. Вдруг ему ведома тайна Вирту? Но уместен ли вопрос?

Режиссер нашелся в библиотеке с книжкой в одной руке и бокалом медового напитка в другой. На вторжение, как и предсказывал Ян, отреагировал благодушно.

— А, сын Зимы! — поприветствовал он, освобождая руки, чтобы потрепать мальчишку по белокурым вихрам. — Давненько я не слышал о твоих проделках.

Пока Ян уверял, что ничем грандиозным не отличился (о полете в ров он скромно умолчал), Мари разглядывала Мастера. Фигурой Содж напоминал сына. Такой же высокий, широкоплечий, подтянутый, только седой. В чертах лица тоже прослеживалось фамильное сходство, но они были мягче, спокойнее, чем у Грэма.

— А это кто у нас? Подружка? — Мастер игриво подмигнул.

— Что вы! — лицо Яна приобрело цвет редиса. — Это Мари Ситэрра. Зу. Она на срединной территории в гостях.

— Ситэрра? — приподнял брови Содж. — Однако! Я слышан о тебе, дочь Зимы. Ребенок, пробивший осаду Короля Лета! — он подошел к Мари вплотную и внимательно осмотрел лицо, после чего задумчиво сузил глаза. — Рад знакомству, девочка. Тебе понравился спектакль?

— Конечно! И сегодняшний, и тот, что я видела в Орэне. О Короле Буране и Эзре.

— О! Это мое любимое творение, — обрадовался Мастер. — Очень грустная тема, но поучительная, задевающая души.

Содж жестом предложил подросткам сесть. Мари устроилась в кресле напротив пожилого

стихийника. Ян взобрался на подоконник.

— Страшно представить, что творилось в городе в те дни, — проговорила стихийница, рисуя в уме улицы, покрытые толстым слоем льда, и объятые пламенем дома.

— Эзра — яркий пример, что стихийники забывают об отведенном небом месте, — припечатал Мастер сурово. — Столько бессмысленных жертв! И почему? Всею виной дурной нрав жадной до власти женщины, — Содж отхлебнул вина. — Да-да, я не оговорился, Мари Ситэрра. Эзра на совести не только Короля, но и Королевы. Северина подначивала мужа, требовала наказать город. Пилила Бурана до бесконечности, пока Его Величество не попался на уловки. Страшная женщина. Инэю памятник нужно ставить при жизни за терпение. Другой на его месте давно бы запер ядовитую гадюку в самую глубокую темницу, а ключ выбросил в море.

— Хорошая идея, — одобрила Мари под залиvistый смех Соджа.

— Ой! — пискнул Ян на подоконнике. — Зу Норлок машет. Хочет, чтобы я спустился.

Мари набрала в грудь побольше воздуха. Сейчас или никогда.

— Зу Иллара, — проговорила она. — Я хотела задать один вопрос, если это не бестактно с моей стороны.

Губы Мастера тронула лукавая улыбка. Его не удивила просьба.

— Я тебя слушаю, — он помахал скисшему Яну и подбадривающе улыбнулся Мари.

— Я... — дочь Зимы дождалась, пока за мальчишкой закроется дверь. — Я видела ваши спектакли, читала книгу и подумала... Вы знаете столько тайн Зимнего Дворца. Может, и мне сможете кое-что подсказать.

— Вопрос о твоём происхождении, верно? — не стал ходить вокруг да около Содж. — Спрашивай. Однако я не уверен, что смогу помочь.

Мари тяжело вздохнула.

— Кто-нибудь из стихийников, приближенных к клану Дората, встречался с человеческими женщинами? Вы слышали о подобных историях?

— Только об одной, но она не касается тебя. Твоя мать — Вирту — встречалась с Рофусом, но он — не твой отец.

— Откуда вы... — Мари изумило, что Содж легко угадал ее страхи.

— Девять лет назад с тем же вопросом ко мне приходил Лукас Горшуа из объединенной сыскной канцелярии. Академия поручила ему установить твои корни. Юноша зашел в тупик. Я ничего ему не рассказал, но сам кое-что проверил. Я знал о романе Рофуса Сильваны с внучкой покойного предсказателя Эрнуса. Установив, что мать чудо-ребенка из Орэна — Вирту, я тоже заподозрил Рофуса. Но сегодня, глядя на тебя, понял, что ошибся. У некоторых семей есть отличительные черты, которые веками передаются из поколения в поколение. Неважно, с кем породнятся представители клана Сильвана, дети рождаются с близко посаженными глазами и горбинкой на носу. В этом семействе никто не отличается стройностью. Перечисленные черты к тебе не относятся, стало быть, ты — не дочь Рофуса.

— Надеюсь, вы правы, — прошептала Мари облегченно.

— Позволь встречный вопрос. Почему тебя интересуют стихийники из ближнего круга Королевской семьи? Из-за высшей степени силы?

Мари поняла: если сейчас она солжет Мастеру, ничего больше от него не узнает. Никогда.

— Пообещайте, что не выдадите меня.

— Понимаю, — Содж с грустью поглядел на остатки вина на дне бокала, — книги и спектакли меня не красят, однако я рассказываю лишь то, что многим известно. Пусть и на уровне сплетен. Но я умею хранить настоящие тайны.

Мари подумала с минуту под пронизывающим взглядом Мастера и выдохнула скороговоркой:

— Я не чувствую боли, когда хожу сквозь Зеркала.

— Ого! — Иллара-старший подавился вином. — Это значительно сужает круг подозреваемых. Только... — он подпер подбородок широкой ладонью. — Я не представляю, чтобы хоть один из них

мог обратить внимание на Вирту.

— Я тоже.

Содж снова задумался.

— Взять нашу семью, — Мастер принялся загибать пальцы. — Я не встречался с Вирту, клянусь небом, а мой дорогой сын в то время путешествовал по стране. Рейм Норда до женитьбы разбил немало сердец, но он слишком кичится первой степенью, чтобы завязать отношения с шу. Он и вельмож-бу считает низшими созданиями. Отец Рейма почил до твоего рождения, средний брат тоже, а старший перебрался на срединную территорию и был счастлив в браке. Я говорю об отце нашей очаровательной Роксэль Норлок. Джеб Лоэ — сухарь и зануда — не интересовался женщинами, удивительно, что вообще женился и завел дочерей. Иган Эрсла сох по девушке из другого Дворца и не обращал внимания на остальных представительниц прекрасного пола. Что касается Дората... да-да, — улыбнулся Содж, — вижу, ты и Королевский клан включила в список подозреваемых. Но и тут мимо. Буран ненавидел людей, считал грязью. Инэя, как и Грэма, не было во Дворце. Его интересовала одна единственная девушка — стихийница. А Снежан... Нет, исключено. Юноша был влюблен. Это была тайная любовь, негодная Зимнему Дворцу. Но младший Принц был счастлив, ему отвечали взаимностью. Я не могу назвать имя избранницы, но поверь мне на слово, Снежан был опьянен любовью и не отличил бы Вирту от дерева. Мне жаль, Мари Ситэрра, но я не могу помочь разгадать твою загадку....

Когда Мари вышла из здания школы, на улице смеркалось. Гости праздника стягивались на площадку возле самой большой сцены, где музыканты в Летних костюмах играли быстрые мелодии. Наемники разжигали костры — еще один символ отмечаемого Времени Года. Заключительная часть гуляний с танцами и хороводами вот-вот грозила грянуть фейерверком веселья.

Кое-кто преступил к пляскам, не дожидаясь официального объявления. Несколько пар в центре площадки лихо кружились под аплодисменты остальных гостей, не решающихся к ним присоединиться. Среди танцующих Мари увидела Грэма с брюнеткой в красном сарафане и маске. Они солировали. Невзирая на сумасшедший ритм, пара умудрялась выглядеть элегантно, с легкостью выделявая всевозможные па.

Музыка смолкла, Грэм с незнакомкой заразительно расхохотались и похлопали друг другу. К их приветствию мгновенно присоединились крики толпы.

— Bravo! Bravo! — понеслось со всех сторон.

— Красавица! — выкрикнул седой дед и залихватски погладил длинные усы.

Брюнетка рассмеялась и послала старичку воздушный поцелуй. Тот, весело хохоча, погрозил пальцем.

Музыканты заиграли медленную мелодию. В толпе пронесся вздох предвкушения. Дамы потупили взгляды, кавалеры осматривались в поисках подходящих партнерш. Грэм галантно поклонился и протянул руку спутнице. Она, слегка кивнув головой, изящно вложила в его ладонь ухоженные длинные пальцы. Медленный танец в исполнении пары обещал стать зрелищем незабываемым.

— Вот ты где! — за спиной Мари появился растрепанный Ян. — Друзья тебя ищут, переполошились, что ты опять пропала из-за меня. А я что? Ничего! С трудом от зу Норлок сбежал. Опять надела с нравоучениями. Мол, плохо выполняю задания Грэма, не стараюсь. Ей-то какое дело?

— Она и меня отругала, — вспомнила Мари выговор Роксэль перед спектаклем.

— В твоём вопросе не было ничего неприличного, — сделал большие глаза Ян. — Все знают, кто она такая, — мальчишка кивнул на спутницу учителя. — Она часто сюда приезжает. В гости к советнице Майе.

— Почему?

— Советница — ее тетка, — перешел на заговорщицкий шепот Ян.

— И что? — Мари с трудом оторвала взгляд от элегантной пары.

— Ну, ты даешь, — протянул мальчишка, назидательно качая головой. — Такие вещи надо знать. Майя Верга приходилась старшей сестрой покойной Королеве Весны — Сирении. Близнецы — ее племянники!

— Ты хочешь сказать, что... — Мари накрыл восторг.

— Именно! Женщина с Грэмом — Принцесса Веста!

Глава 16. Опасный долг

Мари взяла у официанта бокал с клюквенным морсом. Уселась за столик в свободной беседке, овитой диким виноградом, и продолжила глазеть на колоритную пару. На танцевальной площадке стало заметно теснее, но Грэм с Принцессой выделялись, без усталости исполняя один резвый танец за другим.

Сейчас Веста не походила на особу Королевских кровей. В простой одежде, легкая, как лань, она больше напоминала человека, нежели стихийницу. Распущенные черные волосы пружинили по плечам и спине, босые ноги двигались по земле ловко, будто никогда не знали обуви. Рядом с Принцессой преобразился и партнер. С лица исчезла Зимняя суровость, уступив место мальчишескому задору. Такого Грэма Мари запросто передвинула бы в верхнюю строчку «списка отцов».

— Красивая пара, правда? — спросила она присевшего рядом Ноя, не заметив кислого выражения лица.

— Ничего подобного! — выпалил паренек, ударив кулаком по коленке. — Он же старше ее! Крутит со всеми местными девчонками, а ему слова никто не говорит! Конечно, он же сын главного советника!

— Кто? Грэм? — Мари едва морс не пролила, изумившись, с чего друг приписал новую должность Соджу Илларе.

— Нет, Лелим! Посмотри, как он к ней прилип, — с мукой простонал Ной, и Мари сообразила, о ком он говорит.

Неподалеку от Грэма с Вестой в обнимку с незнакомым блондином кружилась Далила. Высоченному широкоплечему парню было не меньше восемнадцати лет. На его фоне рыжая фигурка выглядела миниатюрной и хрупкой.

— Раздавит ручищами! — Ной вонзил ногти в ладони.

Мари с грустью посмотрела на страдальческий профиль друга. Она почти не удивилась. Наверное, в глубине души сама все поняла по участвовавшим ссорам друзей. Но как же это все непросто! Недавно они четверо были единым целым, смеялись и печалились над одним и тем же. И вдруг в маленьком, обособленном мирке вспыхнули новые страсти, доселе неведомые никому из них и грозящие разрушить то, что создавалось на века.

— Поговори с Далилой, — шепотом посоветовала Мари, теребя ниточку смородиновых бус.

— Я ей не нянька! — изобразил непонимание Ной, но заалевшие щеки выдали его с потрохами.

— Скажи, что она тебе нравится, — Мари проигнорировала протестующее мотание головой.

— Не буду, — промышчал Ной через силу. — Пусть делает, что хочет, а я... я... — он всплеснул руками и затараторил. — Далила считает, все просто! Попробовала бы сама, посмотрел бы я на нее! — и не дожидаясь расспросов, он кинулся наутек, чуть не перевернув скамейку вместе с Мари.

Дочь Зимы проводила друга ошалевшим взглядом, посмотрела на Далилу с сыном советника и сильно расстроилась. Ситуация складывалась невеселая. Их общая дружба не будет прежней при любом раскладе. Если же Далила не посчитает Ноя подходящей кандидатурой, тогда совсем беда. Оба станут ждать, что Мари примет чью-то сторону. Придется выбирать. Или все-таки возможен компромисс?

Мари поморщилась, глядя, как подруга пытается справиться с незнакомым танцем и смеется над собственными ошибками. Ощувив волну раздражения, дочь Зимы поискала Грэма с Вестой, но те исчезли с площадки в неизвестном направлении. С расстройства Мари дернула бусы, и они красным дождем брызнули под стол.

— Растяпа! — наградила она себя и скрылась под зеленой скатертью, почти достающей до земли. Поди теперь найти крохотные шарики в траве, да еще в сумерках!

Задача потребовала времени и не дюжего терпения. По самым скромным подсчетам, на нити умещалось не меньше пятидесяти бусинок. Однако Мари успела излазить беседку на четвереньках вдоль и поперек, дважды приложиться головой о столешницу, испачкать юбку, а в ладошке не набралось и тридцати шариков.

Устав, она решила выбраться из-под стола и озаботиться поисками оставшихся бусинок утром. Но не успела. В беседку, сочтя ее пустой, зашли новые посетители.

— Пора присесть, мои ноги не созданы для долгой ходьбы, — сказал хриплый женский голос, и воображение Мари нарисовало пожилую даму с лютиками на шляпке.

Юная стихийница собралась обозначить присутствие, чтобы не оказаться в двусмысленном положении, как вдруг:

— Как мы любим притворяться! Но я знаю о твоих грибных моционах ни свет ни заря, — задорно прозвенел еще один знакомый голос. Тот самый, который (как утверждали все вокруг) Мари померещился во время болезни.

Зажав рот рукой, дочь Зимы наблюдала, как спутница Майи присаживается за стол, чуть приподняв ярко-алый подол, и закидывает одну босую ногу на другую.

— Постеснялась бы врать! В твоём-то возрасте!

— Веста! — Майя постучала ладонью по столу. — Игривое у тебя, однако, настроение.

— Имею право, — парировала Принцесса Весны. — Когда жизнь состоит из обязательств и игры на публику, нужно уметь пользоваться моментом.

— Что произошло у вас с Грэмом? Танцевали-танцевали и разбежались в разные стороны.

— Ничего достойного внимания. Он обещал меня развлекать и не справился с обязанностями. Эй! — крикнула Веста официанта и поинтересовалась, есть ли у него на подносе белое вино. Получив утвердительный ответ, взяла два бокала. — Грэм увлекся лишними разговорами, — пояснила Принцесса, когда юноша удалился. — А я пришла развлекаться.

— Ты не ответила, как дела дома? — голос Майи зазвучал жестко. Советница давала понять, что не потерпит молчания и уверток.

— Боюсь, скоро Дворец перестанет быть моим домом, — ответила Веста нарочито монотонно. — Мой брат и его... — она назвала неприличное слово, услышать которое из уст благородной дамы Мари не ожидала, — об этом позаботятся.

— Глупец! — выплюнула Майя с отвращением. — Весь в отца! Встает на те же грабли. Надеюсь, хоть Мартэн получит по заслугам, раз ваш батюшка почил, не испытав заслуженной кары.

— О, небо! — вскричала Принцесса гневно. — Майя, ты до сих пор ждешь справедливости от жизни? После всего через что тебе пришлось пройти?! Знаешь, — она заговорила тише, — иногда мне кажется, женщины в нашей семье прокляты и обречены на страдание. Может, намекнуть Элле? — Веста истерически засмеялась. — Вдруг испугается?

— Эта? — презрительно усмехнулась советница. — К ней никакое проклятье не прицепится. Отскочит, как от прокаженной.

— Ты придешь на свадьбу? — Веста поставила на стол бокал. Судя по звуку — пустой.

— Твой брат не соизволил прислать мне приглашение. Догадывается негодный мальчишка, что задам ему хорошую трепку. Не посмотрю, что разменял четвертый десяток.

— Значит, мне придется терпеть муку в одиночестве, — Принцесса тяжело вздохнула. — Источать благодушие и поздравлять новобрачную. Небо, дай мне сил не свернуть ей шею!

— Многим не по душе этот брак, — холодно заметила Майя. — Народ во Дворце стонет, а дальше будет хуже. От тебя ждут действий. До того, как Мартэн и Элла прикоснуться к Шару Стихий.

— Думаешь, я сижу, сложа руки?! — взвилась Принцесса и перешла на ядовитое шипение — Чего я только не перепробовала за последние месяцы. Все зря! Осталось убить Эллу. Или Мартэна. Но я — не убийца.

— Нет, — в интонации советницы появилась сталь. — Ты — женщина из рода Верга, представительницы которого всегда славились тонкостью ума и умением поворачивать ситуацию в собственную пользу. Тебе досталось гораздо больше черт от клана матери, нежели от семьи Флорана. Подумай над этим, дорогая, вместо того, чтобы объединяться с врагом.

— Эту новость тебе сорока на хвосте принесла, не иначе, — съязвила Веста в попытке отшутиться, но Майю было не остановить.

— Король Зимы ничего не делает просто так. Рано или поздно потребует вернуть должок.

— Это не твоя проблема, — Ее Высочество грохнула о стол вторым пустым бокалом и закончила неприятный разговор. — Извини, тетушка, но я собираюсь вернуться к танцам. А ты сиди, коли

силы остались лишь на необоснованные упреки. Увидимся.

Мари под столом старалась унять обезумевшее сердце. Голова превратилась в карусель, на которую они с друзьями не попали. Подумать только! Ее лечила Веста Флорана! Представительница чужого Дворца, к которой, кажется, неровно дышал Грэм Иллара! Принцесса Весны, объединившаяся с Королем Зимы против собственного брата!

Мир сошел с ума?

— Взорная девчонка, — проворчала оставшаяся в одиночестве советницам Майя. Отряхнула цветной подол и, к облегчению задыхающейся от переизбытка чувств Мари, удалилась, ругая дурную кровь семьи Флорана.

Мари выждала несколько минут, вынырнула из-под стола и мышкой юркнула прочь, с ужасом думая, как нехорошо все сложилось. Подслушать Королевский разговор! Узнает кто, головы не сносить! Оглядываясь в поисках Ноя или Далилы, она сложила найденные бусинки в карман коричневой юбки. Обвела взглядом танцующие пары. Подруга и ее новоиспеченный ухажер Лелим исчезли.

Стихийники устали и предпочли танцам посиделки в уютных беседках или неспешные прогулки по окрестностям в свете ярко полыхающих костров. Лишь брюнетка в красном сарафане демонстрировала чудеса стойкости, вновь задавая тон на площадке. Без Грэма. Его место занял круглолицый мужичок с куцей бородкой. Обалдев от собственного везения, он старался не уступать Принцессе в прыти. Раскраснелся от напряжения, но светился от счастья.

Мари полюбовалась Вестой и собралась покинуть праздник, но заметила на площадке еще одного знакомого — сыщика Лукаса Горшуа, к которому накопилось немало претензий из-за вранья и украденной шкатулки Вирту. Руки зачесались задать наглецу, чтобы впредь не смел присваивать чужое добро. Мари увлеклась продумыванием подходящего узора и почти забыла, что лишилась силы.

Сыщик поймал взгляд дочери Зимы и оставил миловидную белокурую партнершу посреди танца, чтобы засвидетельствовать почтение.

— Абу Горшуа, какая встреча, — проговорила Мари холодно.

— Я слышу сарказм, дорогая зу? — Лукас галантно поклонился. — Чем же я его заслужил?

— Вы солгали мне в Орэне, — стихийница перешла в наступление. Успела понять в Замке Крона — сыщик может долго ходить вокруг да около. — Рассуждали о бремени рода и пути, с которого не свернуть.

— Я и сейчас не отказываюсь от своих слов, — удивился Горшуа. — Что-то случилось?

— Случилось. Но не сегодня. И не вчера.

Мари вновь остановила взгляд на Весте. Та обзавелась новым партнером. Круглолицего мужичка сменил Ян Дондрэ. Мальчишка галантно держал Принцессу за талию, но нервничал, опасаясь наступить Королевской особе на босые ноги.

— Где шкатулка? — Мари сбавила обороты, разглядывая пару, и вопрос прозвучал не тем тоном, который напрашивался.

— Какая шкатулка? — Горшуа проследил за взглядом стихийницы и тоже с любопытством принялся наблюдать за Вестой и Яном.

— Шкатулка моей матери, — Мари повернулась к площадке спиной и гневно посмотрела в глаза сыщику. — Та, которую вы забрали у шарманщика в Орэне! Где она? Что в ней было?

По лицу Лукаса пробежала тень грусти.

— Откуда у юной девушки страсть к самоуничтожению? — пробормотал он задумчиво. — Я искренне желаю тебе добра, Мари Ситэрра.

— Не понимаю...

— Девять лет назад Академия Стихий обратилась к объединенной канцелярии с поручением установить твою родословную. Всем хотелось знать, кому из сыновей Зимы, страна обязана появлением сильной стихийницы. Начальство поручило дело мне. Я потратил на поиски не один месяц, но вынужден был признать поражение. Позже за расследования брались и другие сыщики, но тоже безрезультатно. Я хорошо замел следы. Решил, некоторые тайны не стоит раскрывать.

— Вы знаете, кто мой отец?! — вскричала Мари, не веря ушам.

Горшуа выяснил правду! Выяснил и солгал руководству!

— Допустим, знаю, — протянул сыщик, пристально наблюдая за реакцией собеседницы.

— Но почему...

— Не хочу, чтобы твоя смерть была на моей совести, — Лукас ловко схватил Мари за локоть и притянул ее к себе. — Тыгодишься стихийникам живая.

— Что происходит?! — разрезал ночь гневный окрик вынырнувшего из темноты Грэма. Ему не понравилось, как сыщик обошелся с ученицей. — Горшуа, отпусти ее немедленно!

— Расслабься, Грэм, — Лукас показательно поднял ладони и покрутил ими. — Я не причиню вреда юной прелестнице.

— Мы просто разговаривали, — поддержала его Мари, судорожно придумывая, как избавиться от учителя, чтобы снова насесть на сыщика. Но последнего вторжение обрадовало.

— Мне пора, дела сыские ждут, — Лукас натянул вежливую улыбку и раскланялся перед Мари.

— Горшуа! — угрожающе прикрикнула она, желая добавить, что теперь знает о его лжи руководству, и с ней лучше не шутить. Сыщик это понял, показательно вздохнул и быстро наклонился к уху Мари, пока Грэм снова не вмешался.

— Подснежник, — вкрадчиво прошептал он. — В шкатулке лежал подснежник.

Потрясенная Мари не воспрепятствовала уходу Лукаса. Стояла, не шевелясь, и глядела в пустоту, пока учитель осторожно не коснулся плеча.

— Что происходит, Ситэрра? Что за история у тебя с Горшуа?

— Это личное, — прошептала она дрожащими губами, в голове ухал огромный молот. — Мое дело. И только мое.

— Ты лжешь.

— Вы тоже! — в поле зрения вновь попали Веста с Яном, и старая обида вернулась. — Было весело убеждать меня в сумасшествии, да? В том, что мне мерещатся голоса? Я знаю, кто меня лечил! Она! — Мари кивнула на странный дуэт, в котором юный партнер был на голову ниже партнерши.

— Та-а-ак, — протянул Грэм, провожая Ее Высочество и любимчика взглядом, в котором сквозило неприкрытое разочарование. — Этот мальчишка не учится даже на собственных ошибках. Как и ты, Ситэрра! Никогда не приходило в голову, что все твои беды из-за любопытства?

— Точно! — разозлилась Мари и топнула в сердцах. — Именно любопытство заставило меня таскаться по этажам клана Дората с подолом Королевы Хлады в руках!

— Я не говорю, что не бывает исключений, — согласился Грэм. — Но ты снова вляпалась.

— Подумаешь, тайна! — возмутилась Мари, глядя на учителя исподлобья.

— Еще какая! — парировал он и понизил голос. — Веста носит Королевскую фамилию Флорана, но по линии матери происходит из древнего Весеннего рода Верга, подарившего Дворцу не одно поколение целительниц. Последние сто лет, правда, их родилось всего две — бабка близнецов и, к изумлению многих, Принцесса. Веста помогает подданным, когда лекари бессильны. Она и за тебя взялась, потому что лу Тоби не справлялся. Другая причина в Дондрэ. Веста часто посещает владения совета, хорошо знает местную детвору, а негодному мальчишке симпатизирует. Она расстроилась, что ты пострадала из-за его глупости. Однако по закону, целительница должна лечить лишь детей своего Времени Года. Если она делает исключение, выздоровевший пациент превращается в должника. Он обязан исполнить любое желание целительницы без вопросов.

— Вы солгали, чтобы...

— Пока ты не ведала о помощи Весты, была свободна от долга, — мрачно подытожил Грэм.

— Вы всерьез думаете, что Ее Высочество попросит меня сделать что-то ужасное? — Мари не разделяла тревог учителя, не веря в злые намерения Принцессы.

— Все возможно, — философски заметил Грэм. — Веста сама предложила скрыть от тебя правду, чтобы не обременять. Но кто знает, как сложатся обстоятельства спустя год или десять лет. У вас

опасный расклад. Ты — высшая стихийница Зимы, она — Принцесса Весны, готовая на многое ради защиты интересов своего Дворца. Я не могу поручиться за ее благородство. Соблазн может оказаться велик.

— Не можете поручиться? — не сдержалась Мари, потеряв осторожность. — Мне показалось, вы хорошо друг друга знаете.

— О! — широко улыбнулся Грэм и попытался взлохматить ученице волосы, но помешали ленты. — Ты решила, у меня роман с Ее Высочеством. Вынужден тебя разочаровать, Ситэрра. Мы с Вестой старые добрые друзья. Она училась в Академии на два курса младше меня. Я тепло отношусь к Принцессе, но между нами нет романтики. Извини, что не оправдал ожиданий.

Насмевавшись вволю и отпустив пару шуток о сыскных способностях Мари, Грэм снова стал серьезным. Достал из кармана конверт, печать на котором ученица узнала и в темноте.

— Не хотел я портить тебе праздник, но выбора нет. В ближайшие дни я не смогу сюда навестись. Держи, — учитель протянул конверт. — Как говорит мой свободолюбивый отец: из любой ямы виден кусочек неба. Ищи положительные моменты.

Мари вяло попрощалась с Грэмом. Разорвала белоснежный конверт и, встав под фонарем, прочла послание, выведенное аккуратным почерком секретаря паучихи.

«Зу Ситэрра», — писала Уна Эрнэ. — «Вы включены в свиту Королевы Северины для поездки во Дворец Весны на бракосочетание Короля Мартэна. Подробности вам сообщат дополнительно».

Глаза Мари полезли на лоб. Правду говорят, бойтесь желаний! Они всене непременно сбудутся! Но в извращенном виде! Дочь Зимы мечтала попасть на Весеннюю Королевскую свадьбу. Однако о довеске в виде Северины речи не велось!

Придавленная грузом перенасыщенного событиями дня, Мари покинула праздник Лета. Она жаждала забраться в постель и уснуть, чтобы больше не думать ни о долге перед Вестой, ни об отце, вычислить которого не сумел даже Мастер, ни о подснежнике Горшуа, едва не лишившем рассудка.

Однако об отдыхе пришлось забыть. Далила вернулась домой раньше и сгорала от желания поделиться последними новостями и выпустить пар.

— Это самая настоящая трусость! — горячо уверяла она, бегая туда-сюда по комнате. — У меня в голове помутнение случилось, если я сочла его подходящей парой! Другого объяснения нет!

— Ты про Лелима? — попробовала разобраться в истерическом монологе Мари. Она с ногами забралась на диван и смиренно терпела причитания подруги.

— Лелима? — Далила остановилась, наморщив лоб. — А-а-а, ты про сына главного советника. Конечно, нет. Он как раз ничего. Только занят.

— Точно, — скривилась Мари. — Всеми девушками в округе.

— Глупости, — отмахнулась подруга. — Это игра на публику. У Лелима есть невеста. Только тс-с-с! — она запрыгнула на диван к Мари и зажала ей рот ладонью. — Слушай внимательно, я все случайно узнала. Это тайна.

— Может, лучше мне уши зажмешь, — прыснула та, оттолкнув руку подруги.

— Не смешно! Узнает кто, свадьба сорвется! — зашипела Далила. — Невеста Лелима живет во Дворце. В каком, не знаю. Она собирается сбежать, чтобы выйти замуж и остаться на срединной территории. Но пока им приходится ждать и хранить тайну. Невеста несовершеннолетняя.

— А как же остальные девушки?

— Это не по-настоящему. Для отвода глаз. Романтично, правда? Не то, что у некоторых!

— Ты о ком? — глаза Мари слипались, но она стойко пыталась разобраться в перипетиях взаимоотношений подруги с противоположным полом.

— О Ное! Ты что совсем ничего не замечаешь? — Далила обиженно надула губы. — Я думала, ты молчишь, потому что считаешь меня глупой. Из-за того, что я... Что Ной... В общем, неважно. Я напридумывала небылиц и сама в них поверила. А ему наплевать!

— Неправда, — пробормотала ошарашенная Мари. Ну и дела! Оказывается, не один Ной страдает «безответно». — Он глаз с тебя не сводит.

— Я и поверила этим глазам! Но для Ноя все не всерьез. Он не хочет ничего менять. Скоро вернется

к ненаглядному петуху Агусту и обожаемой мамочке! — Далила уперла подбородок в колени, глаза стали грустные-грустные. — Я сказала ему: нужно откровенно поговорить с родными. Объяснить, что он не хочет служить Лету. Ной накричал на меня. Мамочка с петухом ему дороже!

— Это не так...

— Так! — Далила снова зажала Мари рот. — Забудем об этом. Пусть едет домой. А я... я найду себе другое применение...

Мари долго не могла заснуть. Но думала не о собственных проблемах. Интересно, когда ее саму угораздит влюбиться, она тоже внезапно поглупеет?

Глава 17. Свадебный договор

Доставить Мари во Дворец Весны любезно согласился Содж Иллара, гостивший на территории совета. Грэм, как и предсказывал, больше не появлялся. Ной, семью которого пригласили на свадьбу, накануне отбыл в Летний Дворец, чтобы отправиться на торжество из родного дома. Злющая-презлющая Далила не пошла его провожать, о чем потом жалела, огрызаясь на каждого, кто попадался под руку.

Мари села в карету Соджа в мрачном настроении. Мастер, напротив, улыбался и шутил всю дорогу. Ему предстояло стать на свадьбе почетным гостем. Он сменил простую человеческую одежду на белоснежный наряд стихийника Зимы, гармонично сочетающийся с серебристыми волосами. Супруга Грета сопровождать Соджа права не имела, но наставлений надавала уйму, главный из которых — не подначивать обитателей Дворцов, особенно Зимнего.

— Лишили главного развлечения, — шутливо пожаловался Иллара-старший по дороге в параллель Торы, где находился единственный на срединной территории «Путь Королей».

Мари напряженно засмеялась. Избавиться от нервозности не получалось. Не прибавляло радости и белое платье, доставленное два дня назад. В отличие от наряда, подаренного ко дню Летнего Солнцестояния, очередное пополнение гардероба выглядело строго — прямая юбка ниже колен, рукава по локоть, высокий ворот-стойка. Во Дворце считали: детям Зимы не следуют блистать на чужом празднике.

Хорошо хоть с попутчиком повезло. Особенно Мари оценила компанию Мастера, когда они миновали охрану «Пути» в вычурном каменном строении и неожиданно застряли внутри зеркального коридора. Выход преградило толстое стекло.

— Без паники, — Содж сжал задрожавшие пальцы Мари. — Нас пропустят в порядке очереди. Гости перемещаются в Весенний Дворец сразу через несколько Зеркал. Тебе ведь ожидание не должно доставить неудобств?

— Все в порядке, — пробормотала стихийница, радуясь осведомленности Мастера о ее «маленькой» особенности.

— Замечательно, — улыбнулся он. — Покорно подождем. Спешить некуда. Главное действие трагикомедии мы точно не пропустим.

— Вы о свадьбе? — Мари озадаченно посмотрела на Соджа. Она полагала, тот насмеялся исключительно над детьми Зимы.

— Да. Если оное мероприятие можно назвать столь благородным словом.

— Вам не по душе невеста? Или жених?

Стихийница чувствовала: в разговоре с Мастером можно называть вещи своими именами.

— Уважения не заслужили оба, — лаконично ответил Иллара-старший.

— Почему Короли берут в жены слабых стихийниц? — любопытствовала Мари. — Сила Эллы Монтрэ и Хлады Лоэ заведомо ниже, чем у Мартэна и Инэя. Их Величества не боятся, что неравенство скажется на следующем поколении?

— Ничуть. Принцы и Принцессы рождаются высшими стихийниками, даже если матери обладают четвертой степенью силы, — охотно просветил спутницу Содж. — Способности деток завязаны на Шаре Стихий. Он дает им массу дополнительных возможностей. Но лишь тем, кто появился на свет в браке. Незаконные Королевские отпрыски могут претендовать на престол — в отсутствии других наследников. Но Шар их, увы, не признает. Зато в будущем подчинится потомкам: детям или внукам. Да, дорогая Мари, у погодного дара много особенностей. Но любые его загадочные, на первый взгляд, проявления легко объяснимы. Кроме твоего случая.

— О, да! — юная стихийница закатила глаза. — Я ужасно таинственная.

Мастер одобрительно подмигнул.

— Зато жить не скучно. Гляди-ка, вот и наш черед!

За разговором Мари не заметила, как стекло растворилось, открывая вход во Дворец Весны — в зал, встретивший нежным сочетанием зеленого и голубого. Но она недолго любовалась стенами, разрисованными листвой. Внимание сосредоточилось на женщине, поджидающей по ту сторону Зеркала.

— Ваше Высочество, — почтительно поклонился Содж, коснувшись левой рукой правого плеча — приветствуя представительницу чужого Королевского клана (своим Повелителям выражали почтение правой рукой). — Выглядишь чудесно!

Мари, отвечающая Принцессе поклон, мысленно согласилась с Мастером. Веста, облачившаяся в официальный наряд — закрытое платье орехового цвета с вышитой по краю юбки зеленой веточкой, излучала свежесть и хорошее настроение. Кто поверит, глядя на эту любезную улыбку, что Ее Высочество проклинает сегодняшний день.

— Приветствую тебя в моем доме, Мастер, — Веста позволила Соджу поцеловать руку. — Надеюсь, ты не сочтешь наше премилое семейное торжество слишком пафосным. Я хочу сказать, — Принцесса, погрозила пожилому мужчине пальцем, — надеюсь, не увидеть эту историю в твоём следующем спектакле.

— Даю слово, дорогая, — Мастер покорно вздохнул и отвесил Весте еще один поклон. — Ради тебя я готов наступить на горло вдохновению и написать очередную пьесу о злобредной Северине.

— Буду ждать с нетерпением, — заверила Принцесса весело. — Если пообещаешь, как следует ее припечатать. Не представляешь, какую сцену она закатила, не досчитавшись свиты, — Веста многозначительно посмотрела на Мари. — Пора удовлетворить прихоть Ее вздорного Величества. Содж, ты не проводишь юную зу к Зимним гостевым покоям?

— Провожу, — с легкостью согласился Мастер. — Хотя по мне, пусть Северина еще побеснуется. Меньше яда останется на вечер.

Иллара-старший хорошо знал «географию» Весеннего Дворца. Мари не успела толком осмотреться, как ее доставили в снежно-белый коридор. У широкой двери с кислым видом топтался Дронан Лили. Стихийница попрощалась с Мастером, искренне пожелавшим ей терпения, и, улыбаясь, шагнула к бывшему сокурснику. Приятно встретить хоть одно Зимнее лицо, не вызывавшее отвращение.

— Рано радуешься, — огорошил Дронан вместо приветствия. — Внутри Дайра с отцом и сестрой. Норда не сомневаются: как кончится траур, Король женится на Кире. Ходят, задрав носы. Тьфу!

— Король не против? Он там? — вытаращила глаза Мари, не зная чему удивляться больше — очередному браку Инэя или презрению Дронана к семье Дайры.

— Конечно, нет! Его Величество от старшенькой Норды шарахается, едва увидит. Королеве-матери придется очень постараться, чтобы устроить эту свадьбу.

— Она своего не упустит, — скривилась Мари, раздумывая, хватит ли Королю стойкости снова отвертеться от навязанной невесты?

— Дайра тоже в свите, — буркнул Дронан.

— А Верна?

— Нет, только мы трое. Клан Лоэ в опале.

Дронан принялся пересказывать последние Дворцовые сплетни. Официально траур по Королеве Хладе продлится до следующего Лета, однако в Замке о нем почти не вспоминают. Перестала стихийников волновать и личность убийцы. Все решили, что это Северина избавилась от неугодной невестки.

— Расследование, конечно, не закончилось, — объяснил парень на ухо Мари. — Все ждут, кого обвинят на этот раз. Кто повторит судьбу поваренка, который якобы отравил Королеву Лирану. Ставки делают.

Разъяснилось и фыркание Дронана в адрес клана Норда. В отсутствии Мари ему пришлось тренироваться в компании одной Дайры. Однажды парень перестарался и отморозил вредной девчонке нос. Семейству Лили пришлось держать ответ перед паучихой, взбешенной «травмой» родственницы.

— Родители трясутся, — пожаловался Дронан. — Требуют, чтобы я на занятиях не применял силу. Королева-мать пригрозила отправить отца в подземелье, если я опять «что-нибудь выкину». Представляешь? Ты ведь после свадьбы вернешься во Дворец, да?

Мари закусила губу. В письме Уны Эрнэ не было ни слова о ее дальней судьбе. Вдруг, правда, придется возвращаться в Замок?! От этой мысли в животе что-то перевернулось.

— Ой! — пискнул Дронан.

Тяжелая дверь покоев распахнулась, едва не задев юных стихийников, и на пороге появился Рейм

Норда под руку с Кирой. Старшая дочка любимчика паучихи совсем не походила на младшую. В отличие от коренастой и пухлощекой Дайры, Кира слыла красавицей. Высокая, стройная, с белыми, как свежий снег, волосами, она никогда не морщилась и не смотрела с презрением. Ее лицо вообще не выражало эмоций. Словно старшей Норде не было дела ни до чего на свете.

Следом выглянула и ненавистная Дайра с кокетливым бантиком на светлых кудрях.

— Заходи, — высокомерно бросила она Дронану и заметила Мари. — Ваше Величество! — завопила Дайра радостно. — Беглянка объявилась!

— Пусть заходит, — послышался каркающий голос из глубины покоев.

Мари шагнула внутрь, не глядя на победную ухмылку Дайры, чувствующей себя хозяйкой положения. Мерзость! Будто сама вот-вот станет Королевой!

Настоящая Величество, разодетая в кружевное платье, устроилась в белом кресле, сложив ноги на мягкую подставку. На столике соседствовали привычная тарелка с фруктами и бокал красного вина. Лишь болонка на полу отсутствовала.

— Подойди! — велела старуха, постукивая о ладонь хлесткой палочкой, точь-в-точь как в кошмарах Мари. — Долго же ты собиралась почтить вниманием свою Королеву, Ситэрра.

— Ваше Величество, — колени предательски задрожали. — Я...я...

— Да-да, я в курсе, что этому идиоту, кто бы он там ни был, понадобилось нападать на тебя в замке Крона. Однако не до срединной же территории он за тобой гнался!

— Нет, но я...

— Мне не нравится, когда подданные шатаются неизвестно где! У меня для тебя масса заданий, Ситэрра. Как раз для твоих замечательных способностей.

Мари изумленно открыла рот. Королеву-мать не сочли нужным просвещать о недавней болезни ученицы. Случайно или намеренно? Долго раздумывать над загадкой не пришлось. Двери открылись и с грохотом ударились о стены. В гостевые покои влетел Король Инэй. Никто другой не посмел бы врваться к Северине без приглашения.

Однако и ему паучиха не собиралась спускать вольность.

— Да как ты... — завопила она, стуча кулаками по подлокотникам.

— Почему ты до сих пор здесь? — перебил Инэй мать, взмахом руки давая понять, что не потерпит криков. — Все гости собираются в главном зале. Поторопись! И еще: мне придется сократить твою свиту.

— Что-о-о?! — взвизгнула паучиха

Но сын ее не услышал. Мрачно оглядел троих юных подданных. Откровенно поморщился, посмотрев на Дайру. Призадумался, остановив взгляд на Дронане. Прищурился, заметив Мари.

— Ты. Как тебя там? — он щелкнул пальцами. — Ситэрра! Иди за мной!

— Это еще что за новости?! — воспротивилась Северина.

— Ситэрра! — Инэй снова не обратил на паучиху внимания. — Не надо оглядываться на мою мать. Я — Король, а не она! Живо!

Мари повиновалась. Спина ощущая яростный взгляд Северины, засеменила за Королем, вылетевшим из покоев матери с такой скоростью, словно вслед послали проклятье. Пока шли по лабиринту коридоров, стихийница пыталась угадать, что задумал Его Величество. Ничего безобидного в голову не приходило. Слишком злым выглядел Повелитель Зимы, громко стучащий каблуками белых сапог по вычищенному до блеска полу.

Путь завершился у высокой зеленой двери, в которую Инэй — о, чудо! — соизволил постучать. Но тут же резко распахнул ее и втолкнул подданную внутрь помещения. Но случился казус. Мари поскользнулась и неловко завалилась на левый бок.

— Растяпа! — прорычал Его Величество, рывком поднимая ее на ноги. — Немедленно поклонись Принцессе!

— Это ни к чему, — услышала изумленная стихийница голос Весты. — Инэй, обязательно быть грубым? Ты не ушиблась, Мари?

— Что за нежности?! — вспыхнул Король. — И с кем? Без силы она — простая шу. Не понимаю, почему Грэм с ней возится. Зря время тратит. Чужое время!

Оказавшись между Инэем и Вестой, Мари почувствовала себя маленькой и ничтожной. Букашкой, которую могли с легкостью прихлопнуть. Захотелось прикрыть голову руками. Слишком разгоряченными выглядели Король и Принцесса.

— Сколько яда, однако, — презрительно процедила Веста. — Не забывай, ты находишься в чужом доме. Советую вести себя соответственно.

— Тебя саму выставят из этого дома, едва дочь Иоланты займет трон. Твоему глупому братику никогда не нравилась конкуренция.

— Спасибо, что выполнил мою просьбу, Инэй, — Принцесса положила конец препирательствам, не заостряя внимания на обидных словах Короля Зимы. — Мне бы не доставило удовольствия просить об одолжение твою матушку.

— Нам всем не повезло с родителями, — согласился Инэй, правда, совершенно не примирительно. Наигранно отвесил полупоклон и громко хлопнул за собой дверью.

Веста проводила его печальным взглядом, став похожей на раненную птицу. Но быстро опомнилась, на красивое лицо вернулась приветливая улыбка гостеприимной хозяйки.

— Не обращай внимания, — посоветовала она Мари. — Мы с Инэем старые «друзья». Учились в одно время в Академии. Полагаю, ты знакома с остальными?

Весело подмигнув, Принцесса развернула юную стихийницу лицом к другим гостям.

Мари ахнула от восторга. Ей на шею бросилась худенькая Тисса Саттер в непривычном зелено-коричневом наряде.

— Ты не ударилась? — заботливо поинтересовался Ной Ури. — Твой Король — безумец. Не возвращайся в Зимний Дворец. Найти способ!

— Что вы тут делаете? — пролепетала Мари, освобождаясь от объятий подруги и с завистью разглядывая Весенние украшения в волосах — листву и бутоны василькового цвета.

Тисса вопросительно глянула на Принцессу.

— Я хотела объяснить, когда все соберутся, но раз последний участник задерживается... — махнула рукой Веста. — Главный советник Камир Арта, которому предстоит проводить обряд бракосочетания, наткнулся на одну древнюю книгу. В старые времена Королевские свадьбы благословляли четыре свидетеля — несовершеннолетние стихийники разных Времен Года. Советник решил возродить традицию, а мне в срочном порядке приходится уговаривать троих Величеств поделиться юными подданными.

— Что нам придется делать? — растерялся Ной, не любивший выступать на праздниках. — Произносить речи?

— Нет, стоять возле жениха и невесты, — успокоила Веста порозовевшего сына Лета. — Но где же Осенний ребенок?

В ответ в зал вбежал взволнованный до крайности полноватый мужчина: волосы растрепались, щеки покрыли красные пятна. Он так нервничал, что Мари не сразу признала Ролина Саттера — отца Тиссы. Навещая дочку в Академии, он всегда выглядел непробиваемым.

— Так неловко, Ваше Высочество, — простонал мужчина.

— Сентябрина посмела отказать? — удивилась Веста.

— Нет. Но сообщила, что пойдет навстречу, если только...только... — Саттер переживал, будто сам был виновен в вздорном характере Королевы Осени.

— Если что, Ролин? — ласково спросила Принцесса.

— Если вы лично ее попросите, — страдальчески выдохнул тот.

— О! И как я могла подумать, что все пройдет легко? Но не волнуйся, дорогой, — Ее Высочество погладила подданного по руке. — Я разберусь с вредной старухой. Но пусть не надеется на мою уступчивость, когда она ей потребует. Идем!

Друзья воспользовались уходом Принцессы и забросали Мари вопросами. Особенно старалась Тисса

— все-таки три месяца не виделись! Ной ругал Инэя, а спросить хотел явно другое, однако в присутствии юной дочери Весны не решался. Хотя появись у него такая возможность, Мари все равно не знала бы, что ответить. На словах Далила костерил Ноя с утра до вечера, однако, что творилось у подруги в душе, было не ясно. Наверняка, та сама не понимала.

— Я в порядке. В порядке! — рассердилась Мари, устав от неуклюжей заботы друзей. — Я же не кукла из фарфора. Не разобьюсь. Лучше расскажите, почему Король так странно назвал Эллу Монтрэ? Дочерью Иоланты.

Тисса стыдливо отвела взгляд.

— Об этом не принято говорить, хотя некрасивую историю знают все. В общем, — решила девочка на откровенность, предварительно оглядев все углы, будто там сидели шпионы, — взрослые рассказывают, что у Короля Цвета — отца Весты и Мартэна — было две жены: законная — Сирения Флорана и тайная — Иоланта Монтрэ.

— Сразу надо было жениться на второй, — пробурчал Ной осуждающе.

— Он хотел, но не дали, — грустно вздохнула Тисса. — Все из-за родителей Цвета, — продолжила девочка нараспев, и друзья сделали вывод, что та слово в слово пересказывает разговоры взрослых. — Они нашли Цвету невесту, когда он был ребенком. Заключили свадебный договор с близкими друзьями — кланом Верга. Нарушить такое соглашение невозможно, оно обладает магической силой. Цвет с детства знал, что ему придется жениться на Майе.

— На Сирении, — поправила Мари.

— Нет. На Майе. Следующей Королевой Весны должна была стать старшая дочь Верга. Но Цвет... — Тисса покосилась на дверь, не ровен час вернется Принцесса. — Цвет влюбился в Иоланту. Родители выдали ее замуж за отца Эллы. Понимали, у Короля свадебный договор. Но Майя была своенравной и умной, а Цвет не хотел такую жену. Его Величество пошел на уловку — женился на младшей сестре Сирении. Он не нарушил договор, Королевой стала Верга. Сирения была кроткой, тени своей боялась.

— Майя стерпела обман? — Мари плохо знала пожилую советницу, но не сомневалась: та отплатила бы за унижение. Даже Королю.

— Говорят, она сама не хотела выходить за Цвета, — пожала плечами Тисса.

— А Мартэн? Почему он женится на дочери Иоланты? Разве не понимает, как страдала его мать?

— Ему нет дела, — осуждающе покачала головой маленькая подружка и цветы в волосах затрепетали. — Родители разделили близнецов. Мартэна воспитывал Цвет, Весту — Сирения. Отсюда их вечное противостояние.

Когда Принцесса вернулась, ведя за руку девочку лет семи в красно-оранжевом платье, Мари с грустью подумала, что у Весты вряд ли было счастливое детство рядом со слабой, несчастной женщиной. Похоже, жизнь в любом Дворце — не сахар.

— Познакомьтесь, это Де-Вин Орса, младшая внучка Королевы Сентябрины, — представила девочку Веста.

Мари, Ной и Тисса в унисон поклонились особе Королевских кровей.

— Ты все поняла? — спросила Принцесса Весны, опускаясь перед малышкой на корточки.

— Да, Ваше Высочество, — ответила девочка. — Я буду стоять вместе с ними, — она показала рукой на троих подростков, — пока мне не разрешат уйти.

— Хорошо, — в голосе Весты прозвучало облегчение. Она ненавидела невесту брата, но не хотела, чтобы на свадьбе происходили заминки.

Дверь в зал снова открылась без стука.

— Веста, все собрались. Гости нервничают.

Мари зажала рот обеими руками, чтобы сдержать удивленный возглас. Кого-кого, а тайную жену своего Короля она не ожидала увидеть. Однако Роксэль Норлок определенно не чувствовала себя лишней. Сегодня она облачилась в традиционное для Зимы белое платье. Принадлежность к независимому совету выдавал четырехцветный пояс, подчеркивающий тонкую талию.

— Мы готовы, — отозвалась Веста, поднимаясь. — Рада видеть тебя в добром здравии, Роксэль, — поприветствовала она гостью, правда, не слишком радушно. — Значит, ты будешь помогать Камиру

во время обряда?

— Да. Он попросил меня об одолжении, раз Майя не почтит торжество присутствием.

Принцесса поджала губы, но на колкость не ответила. Веста обладала даром обходить острые углы, пусть для этого приходилось проглатывать наглость окружающих. Роксэль усмехнулась и пропустила Ее Высочество с Де-Вин вперед. Указала на выход Тиссе, подтолкнула замешкавшегося Ноя и вцепилась мертвой хваткой в локоть Мари.

— У меня для тебя послание, Ситэрра, — прошептала она на ухо. — Когда закончится церемония, держись Грэма. Поверь, вздорная девчонка, это для твоего блага, — и, не дав открыть рта, бесцеремонно выставила Мари в коридор.

Глава 18. Лед для Осени

В главный праздничный зал Весеннего Дворца Мари заходила, как во сне. Не верила, что буйство нежно-васильковых и бежевых цветов не мерещится. Они были везде — живыми лентами окаймляли тяжелые зеленые портьеры. Россыпью звездочек лежали по бокам ковровой дорожки. Украшали наряды детей Весны, уютно расположившись на шляпках дам и в петлицах кавалеров.

— Смотри под ноги, Ситэрра, — прошипела Роксэль. Мари чуть не споткнулась, засмотревшись на особо затейливый головной убор, с которого при каждом движении владелицы сыпались лепестки.

— Живее, к тронам. И поклонись всем, кому положено.

— Злюка, — пробурчала Мари под нос, чтобы советница не услышала.

Королевские троны в Весеннем Дворце, как и в Зимнем, располагались на возвышении. Отличались цветом обивки, порадовав Мари обожасмой зеленью — нежной, ненавязчивой, совсем непохожей на болотный оттенок оформления Замка Луда Крона в Орэне. Немного удручали коричневые ступени, усыпанные лепестками алых роз. Сочетание показалось кричащим и зловещим.

Внизу перед тронами в креслах с высокими спинками расположились остальные особы Королевских кровей. Справа сидели представители Весеннего Дворца: Принцесса с немолодой тощей дамой. Судя по высокомерному выражению лица, это была родственница, привыкшая командовать. Соседство не вдохновляло Весту. Ее Высочество отодвинулась, насколько позволяло пространство. Слева от тронов расположилась семья Дората: надутая индюком мать и постукивающий по подлокотнику сын. Гнев Его Величества испарился, уступив место грусти.

Кресла по соседству с Зимними гостями занял клан Орса, во главе с Сентябриной. Королева Осени напомнила хищную птицу. Властная натура особенно чувствовалась на фоне напряженных лиц сыновей. Повелители Лета — Агуст и Росанна, восседавшие напротив, источали благодущие. Король вальяжно закинул ногу на ногу и что-то игриво нашепывал супруге, отчего природный румянец на ее пухлых щеках становился ярче.

Юные подданные, выделенные Их Величествами для «благословения» молодоженов, остановились у кресел своих Повелителей. Повернулись лицом к главе независимого совета, поднявшемуся на нижнюю из трех ступеней к тронам. В честь Весеннего праздника отец мнимого ловеласа Лелима — Камир Арта — облачился в расшитый золотом зелено-коричневый камзол поверх собственных Зимних одежд. Прежде Мари видела пожилого советника издаека. Вблизи он выглядел старше. Лицо вдоль и поперек изрезали морщины, волосы и аккуратная бородка совсем белые.

Арта сделал знак, призывая гостей к тишине. Его послушались беспрекословно. Всем не терпелось увидеть церемонию, а дамам — платье невесты, которое, по слухам, представляло собой нечто умопомрачительное.

— Братья и сестры, — пафосно начал советник. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы соединить нерушимыми узами брака этого мужчину, — Арта указал рукой в сторону тронов, откуда (не иначе, как из потайной двери) вышел Мартэн Флорана. — И эту женщину, — взгляды гостей приковались к главному входу в зал, откуда, не заставив себя ждать, появилась невеста.

Платье Эллы вызвало восхищенные вздохи. Воздушное, цвета молодой листвы, оно излучало свежесть раннего Весеннего утра. Пояс из живых белых цветов, обхвативший тонкую талию и убегающий шлейфом по пышному подолу, дарил наряду особенное очарование. Мари перевела взгляд на лицо невесты и брови поползли вверх от удивления. Элла Монтрэ была копией тощей дамы рядом с Вестой. Но значительно моложе. Значит, Иоланта! Неудивительно, что Принцесса сторонилась будущей родственницы. Мари с уважением посмотрела на Ее Высочество. Вот это выдержка!

Мартэн и Элла подошли к советнику. Король в коричневых одеждах, украшенных листвой, встал к Мари спиной, невеста — лицом. Получив возможность рассмотреть дочь Королевской фаворитки, Мари разочаровалась. Ной прав: девушка не первой свежести. Далеко не юная, очень худая — того гляди сдует ветром. Черты лица приятные, особенно большие серые глаза, но кожа бледная, отдающая болезненной зеленью. Волосы будущей Королевы, как у истинной дочери Весны, отливали чернотой, но не слишком насыщенной. У Мари шевелюра побогаче.

Куда Мартэн смотрел? Не нашел избранницу симпатичней? Он, как и сестра, не без оснований слыл во Дворце первым красавцем.

Камир Арта, тем временем, продолжал церемонию.

— Готов ли ты, сын Весны, связать судьбу с этой женщиной и разделить с ней предначертанное небом?

— Готов, — не раздумывая, ответил Мартэн и выпятил грудь.

Тот же вопрос Арта адресовал Элле, и Мари почудилось, благодушия в его голосе поубавилось. Услышав положительный ответ, советник хлопнул в ладоши. С золотым подносом в руках появилась Роксэль. Невеста, не дожидаясь приглашения, подмигнула Мартэну и протянула руку Камиру. Тот дежурно улыбнулся, взял с подноса зеленый побег, напоминающий дикий виноград из беседок на срединной территории, несколько раз обмотал податливым растением кисть Эллы и предоставил жениху завязать концы.

Мари не доводилось присутствовать на свадьбах, однако гораздо больше церемонии ее интересовала реакция окружающих. Особенно представительниц Весеннего Дворца. Веста не сумела скрыть истинных чувств. Побледнев и вонзив ногти в ладони, с мукой смотрела на брата. В изумрудных глазах читалась боль, причиняемая невидимым ножом, вонзенным в сердце. Ее соседка победно сжимала кулаки, не сдерживая ликования. Сегодня дочь заткнула рты сплетникам, которые годами перемывали Иоланте кости. Элла совершила то, чего не мог Цвет — сделала ее членом Королевской семьи.

— Шар! — приказал глава совета.

Мартэн тоже обзавелся зеленым «браслетом», и внимание гостей сосредоточилось на Мастере, гордо несшем через зал Шар Стихий — зеленый, в отличие от белого собрата из Зимнего Дворца.

— Дети Весны, — обратился Арта к жениху и невесте, приняв символ Королевской власти из рук Соджа, — вы готовы разделить дар, ниспосланный Повелителям погоды, чтобы применять его во благо стихийников и людей?

— Готовы, — прозвучало в унисон в полной тишине.

Советник положил Шар в протянутые ладони Короля и его будущей жены так, чтобы он равномерно касался обоих. Магический предмет не стал задерживать церемонию, однако преподнес неприятный сюрприз, вызвав недоуменный шепоток. Шар ожил, почувствовав руку Мартэна. Принялся весело переливаться зеленым и коричневым. Но лишь наполовину. Та часть, что лежала на ладони Эллы, осталась мертвой.

— Каких еще доказательств тебе нужно?! — не выдержала Веста. Вскочила, яростно глядя брату в лицо. — Шар не желает видеть ее на троне!

— Зато я желаю! — Мартэн не взглянул на сестру. Грозно бросил помрачневшему советнику. — Делай то, что должен, Арта! Немедленно!

— Воля ваша, — покорно развел руками глава совета. — Мартэн Флорана и Элла Монтрэ! Перед лицом детей четырех Времен Года, отныне и до последнего мига под небом, я разрешаю вам называться мужем и женой.

Под аплодисменты гостей (не слишком громкие из-за странного поведения Шара) Король поцеловал новоиспеченную супругу. Молодожены начали принимать поздравления. Первой Эллу обняла мать, что-то торопливо нашептывая на ухо. Следующими пожелания новобрачным высказали Короли из других Дворцов. Даже паучиха соизволила деловито пожать Мартэну руку. Веста не подошла к брату и невестке. Как упала в кресло после заключительной речи главы совета, так больше не поднималась, сминая в руке окровавленный платок. Принцесса поранилась собственными ногтями.

— Терпение, друзья мои! — прокричал Мартэн, перекрывая гул в зале. Они с женой поднялись по ступеням к тронам. — Официальная часть заканчивается. Мы будем гулять, пить и веселиться до утра. Вы готовы к первому тосту? Свадебные бокалы сюда!

Они давно ждали очереди на подносе слуги: праздничные — с лентами и колокольчиками. Один наполнили красным вином, другой — белым.

Под возгласы гостей Король высоко поднял свой бокал.

— Предлагаю выпить за... — Его Величество примолк на полуслове и театрально вытаращил глаза. — Сначала следует проверить, не перепутали ли слуги вино. Сегодняшний повод достоин моего любимого сорта. Ты согласна, дорогая? — он хищно обхватил талию Эллы, крепко прижал жену к себе и сделал небольшой глоток из звенящего бокала. Задумчиво посмаковал вино и объявил притихшей толпе: — Оно! Предлагаю выпить за счастливую и долгую...

Король замолчал и схватился за горло. Все решили, он снова дурачится. По залу пронеслось несколько одобрительных смешков. Но внезапно Его Величество рухнул на коричневый пол, усыпанный кроваво-красными лепестками. Бокал с недопитым вином прокатился по ступеням, звеня и оставляя бордовый след.

— Помогите! — взвизгнула Элла, склоняясь над супругом. — Лекаря! Скорее!

Первым рядом с Мартэном оказался Камир Арта.

— О, небо! Он не дышит!

Советник вскочил, словно его ужалили, и попятился. Не устоял на ногах и неловко завалился на спину, больно ударившись о ступени. Испуганные гости вскочили с мест. Одни ринулись ближе к трону. Другие замерли, не зная, что предпринять. Третьи, чтобы лучше видеть происходящее, взобрались на кресла.

— Расступитесь! — прорезал наполненный ужасом воздух голос Принцессы. Она растолкала толпу, успевшую за считанные секунды собраться у тронов. — Мартэн! — Веста упала на колени и обхватила лицо близнеца тонкими ладонями. — Мартэн, посмотри на меня! Ты слышишь?!

— Ваше Высочество! — зазвучал еще один знакомый голос. — Ваш дар не поможет. Смотрите! — Содж Иллара поднял вверх Шар Стихий.

Символ Королевской власти, недавно покорно откликавшийся на прикосновения Мартэна, изменился до неузнаваемости. Почернел, первым почувствовав утрату. В зале повисла гнетущая тишина. Не веря в случившееся, подданные Весны и гости из других Дворцов не отрывали глаз от преобразившегося Шара. Одна Принцесса больше на него не смотрела. Перевела наполненный яростью взгляд на новобрачную, превратившуюся у всех на глазах во вдову.

— Ты заплатишь, — процедила Веста, тяжело дыша. — И ты тоже! — она повернулась к Иоланте, взирая на нее с ненавистью.

Последним, кто удостоился внимания Принцессы, неожиданно для всех стал Король Зимы. Ее Высочество отыскала белую фигуру в толпе. Ничего не сказала, но на перекошенном от гнева и боли лице читался упрек, словно это Инэй Дората был главным виновником ее потери.

— Веста, — Содж хотел взять Принцессу за руку, но она отстранилась и скрылась за ширмой позади тронов. Выбрала тот же путь, через который явился на бракосочетание брат.

— Как это понимать, Инэй? — прокаркала Северина, удивленная поведением Весты.

Но сын привычно ее не услышал. Он тоже искал кого-то среди шокированных гостей. В глазах Его Величества вместо ожидаемого гнева Мари разглядела растерянность. Смерть старого недруга стала для Инэя громом среди ясного неба и отчего-то личной проблемой. Король встретился взглядом с той, которую жаждал увидеть. Роксэль Норлок на немой вопрос едва заметно покачала головой. Впервые за время знакомства с ней Мари почувствовала, что советница испугана. Причиной страха была не гибель Короля Весны, а недовольство Повелителя Зимы.

Причитания вокруг усиливались. Мари с радостью бы покинула праздничный зал. Сбежала б от кошмара, в который превратилась свадьба. Но куда? Стихийница не знала, имеет ли право сдвигаться с места. Не хватало навлечь на себя гнев паучихи. Вон бушует! Красная от злости. Еще чуть-чуть, и пар повалит. И откуда такое невезение? Второй раз оказаться на месте преступления против Королевской особы!

Внезапно внимание Мари привлек странный звук. Едва слышный в общем гвалте. Что-то тревожное звучало в нем, навевая нехорошие ассоциации. Мари понадобилось с полминуты, чтобы опознать источник звука. Колокольчики с бокала Короля! Того самого, из которого Мартэн пил перед смертью!

— Нет, — выдохнула стихийница.

Бокал держала в руках маленькая Де-Вин Орса — внучка Королевы Осени. Девочку привлекло его праздничное оформление. Она потрясла хрустальный сосуд, слушая звон колокольчика. Поднесла ко рту, заметив остатки вина на самом дне. Страсть как захотелось попить из такой красоты.

— Не смей! — заорала Мари отчаянно. — Не надо!

Никто бы не сумел добраться до Де-Вин быстро. Всем вокруг понадобилось время, чтобы разобраться в причине криков дочери Зимы. Ей и самой не добежать. Слишком близко отравленный напиток к губам ребенка. Не успеть. Не выбить из рук.

На помощь пришли рефлексy. Мари создала узор, вычитанный в учебнике Грэма, прежде чем сообразила, какую глупость делает. Единственное, что она могла сотворить — пара позорных искр. Увидев их, Северина сильнее взбесится.

Но вышло иначе. Маленькая Принцесса Осени взвизгнула, роняя заледеневший за долю секунды

бокал.

— Ты его испортила! Испортила! — заревела она, тыча пальцем в потрясенную Мари.

— Я не... Я... — пролепетала стихийница, глядя, как суетятся вокруг девочки родственники. Особенно отец — старший сын Сентябрины Злат. Разглядев предмет на полу, члены Королевского семейства схватились за головы.

— Отличный точечный удар, — рядом с Мари появился Грэм с круглыми от изумления глазами. — Я, кажется, запретил тебе использовать силу, Ситэрра, — пробормотал он, разворачивая стихийницу к себе. — Откуда она вообще взялась? Как ты восстановилась так быстро? В чем твой секрет, девочка?

Град вопросов учителя остановил его отец. Содж первый сообразил, что пора увести гостей с места преступления.

— Друзья мои! — громко прокричал он. — Прошу минуту тишины!

Стихийники притихли, Мастера здесь уважали.

— Все выйдите из зала. Медленно, друг за другом. Без суеты. Покидать пределы Дворца запретить я вам не имею права, однако советую остаться до приезда сыщиков из объединенной канцелярии. Никому не нужны дополнительные проблемы, не так ли?

Просьбу Мастера выполнили, но по душе она пришлась не всем. По дороге к гостевым Зимним покоям Северина ругала всех, кто приходил на ум. Особенно досталось сыну, исчезнувшему в неизвестном направлении. Бредущую следом свиту Королева-мать и то поливала грязью меньше. Дронана била крупная дрожь. Дайра оборачивалась в надежде увидеть родных, но семья Норда, как и все остальные гости, осталась у входа в праздничный зал. Мари проглотили собственные страхи. Она отлично помнила совет Роксэль, но Грэм растворился вместе с Королем Инэем.

Паучиха оставила свиту в белом коридоре. Дронан свысока глянул на Дайру, но от гадостей удержался. Задираться всерьез никого не тянуло.

— Шары Стихий стали такими избирательными, — протянул парень, чтобы отвлечься от мыслей о покойном Короле Мартэне. Заметил недоумение на лице Мари и пояснил. — Зимний Шар не признал ни Хладу, ни Лирану. Ты не знала?

— Они были неправильными женами! — фыркнула Дайра. Смолчать, когда обсуждается любимая тема семейства Норда, было выше сил.

— Точно, — скорчил гримасу Дронан. — Шар ждет, когда его положат в руки Киры.

— Так и есть, тупица! Она же состоит в родстве с Королями!

Мари устало съехала по стене и уселась на пол, не заботясь о чистоте наряда.

— Может, из-за придирчивости Шара клан Дората не дожидается наследника, — предположила она, чтобы избавить уши от перечисления других достоинств Киры.

— Не из-за Шара! — Дайра задрала подбородок. — Король противится судьбе. А ведь знает о предсказании.

— Каком предсказании? — сердце Мари екнуло. Не ее ли прадед в очередной раз облапошил почтенное Королевское семейство?

— Было предсказано, что у Инэя появится наследник, если он женится на особе Королевских кровей, — Дайра надулась от важности, сообразив, что и Дронан не слышал эту историю. — Выбор, согласитесь, не велик.

— Вы родня Королеве Северине, — припечатала Мари ядовито. — Это не Королевская кровь.

Дайра смирла ее взглядом, полным отвращения.

— Мы состоим в родстве и с кланом Дората. Пусть и в дальнем.

— Родственники в десятом колене? — прыснул Дронан, с радостью воспользовавшись возможностью отплатить сокурнице за ябедничество.

— Вообще-то в шестом! — Дайра сама была не рада, что завела этот разговор, и не придумала ничего лучше, как в отместку пройти по родословной Мари. — Это гораздо приятнее, чем находиться в близком родстве с шу.

От расправы вредную девчонку спасло появление Короля. Невзирая на вопли и проклятия матушки, он велел ей немедленно отправляться домой. Северина сама жаждала вернуться в Зимний Дворец, но с высоко поднятой головой, а не по приказу сына. И, конечно же, Ее Величество предполагала проществовать через «Путь Королей», а не трястись в карете.

— Я же сказал: Зеркало закрыто! Скажи спасибо, что тебе выделили карету! Иначе пошла бы пешком! — рывкнул Инэй, пока старуха требовала вызвать того, кто посмел отдать подобный приказ и обещала оторвать «умнику» ту часть тела, до которой сумеет дотянуться.

Мари плелась к подъемному устройству следом за переругивающимися Величествами, понимая, что свободе конец. Теперь не вернуться к ворчунье Далиле. Впереди беспросветное уныние, сиротский дом, придирки Юты Дейли и роль игрушки Королевы-матери. А еще убийца Хлады, жаждущий встретиться с беглянкой. Жестокое воображение нарисовало собственное безжизненное тело с Зимним ножом в боку, и Мари чуть не взывала от безысходности.

Внезапно, словно в насмешку, сильная рука зажала рот, и кто-то дернул хрупкую фигурку в сторону. Сердце почти остановилось. Ну, все! Преступнику хватило наглости настичь долгожданную жертву под носом у клана Дората!

— Без паники, Ситэрра, — отрывисто прошептал голос Грэма. — Тебе нечего делать в Зимнем Дворце.

Хватка ослабла. Мари вытерла рукавом взмокший со страху лоб.

— Обязательно пугать? — спросила она, едва стоя на ногах. Колени подгибались со страху.

— Я не мог медлить. Переступишь порог Дворца, назад пути не будет. Идем к Зеркалу, пока там не началось столпотворение. Гостей с минуты на минуту распустят по домам.

— Разве «Путь» не... — Мари осеклась.

В серых глазах учителя сверкнули озонные искорки.

— Король любит развлечься, — протянул Грэм, сдерживая смех. — Ее Величество взбесится, узнав, как вернулись во Дворец все ее подданные, но Инэя это мало тревожит.

Мари мысленно возблагодарила небо, что не увидит реакцию паучихи на издевательскую выходку сына.

— Значит, на срединную территорию?

— Да. С завтрашнего дня начнем занятия. Надо разобраться, какие еще сюрпризы способна преподнести твоя сила. Кстати, — Грэм потрепал ученицу по щеке, — Королева Сентябрина передает тебе благодарность за спасение внучки.

— Подумаешь, — Мари думать забыла о маленькой Де-Вин.

— Бестолочь ты не проходима, — проворчал учитель. — Осеннее Королевское семейство теперь перед тобой в долгу. Если в будущем потребуется помощь, Орса не посмеют отказать.

Но Мари отмахнулась. От Осеннего Дворца ей вряд ли что-то понадобится. Она спасала девочку бескорыстно, не рассчитывая на ответные жесты. Интересно, Грэм тоже помогает ей из добрых побуждений? Или видит в необычной ученице интересный экземпляр для исследований? От второго предположения накрыла тоска. Сегодня Мари хотела верить Грэму.

Глава 19. Надежда рода

Грэм не сдержал обещания. Ждать его пришлось неделю. Впервые за долгое время Мари огорчало отсутствие учителя. Руки чесались поэкспериментировать, но, опасаясь последствий, она не смела плести узоры. Грэм прав — слишком быстро сила восстановилась, слишком легко, будто не расходовалась подчистую. Это было странно. И пугающе.

Приступить к занятиям Мари жаждала и по другой причине. Мечтала спрятаться от любопытных глаз. Из-за гибели Мартэна она чувствовала себя точь-в-точь, как после нападения на Хладу в Зимнем Дворце. Окружающие мечтали услышать о трагическом завершении свадьбы из первых уст. Лезть с расспросами к советнику Камиру или Роксэль было опасно для здоровья. Мишенью стала юная дочь Зимы.

— Поговаривают, убийца — Принцесса Веста, — делилась Далила слухами, гулявшими по округе. Она была единственной, с кем Мари обсуждала смерть Короля Весны.

— Глупости! Умри Его Величество раньше, Принцесса стала бы главной подозреваемой. Но мертвый и женатый Мартэн выгоден точно не Весте. Это Элла. Или ее мамаша Иоланта. И еще один сообщник вне Дворца.

После трагической свадьбы Мари вспомнила подслушанный разговор Роксэль с сыщиком на постоялом дворе. Сделала вывод, что загадочный наниматель советницы — Веста. Принцесса говорила Майе (в еще одной не предназначенной для чужих ушей беседе), что сделала все возможное, чтобы расстроить бракосочетание. Сходилось и с Зеркалами. Наверняка, Цвет Флорана открыл «Путь Королей» для второй жены Иоланты. Способность перешла к ее дочери, Элла легко могла связываться с сообщником через осколок.

Другая тревожная тема — Ной — больше не обсуждалась. Далила ясно дала понять, что не желает слышать о «трусливом сыне Лета». Мари догадывалась, что это ложь, но не бредила кровоточащую рану. Она отлично знала закаленный и упрямый характер рыжей подруги. Когда страсти в душе улягутся, она сама заговорит о больном. Допытываться раньше бессмысленно.

Последний день Лета или, как его называли — третий свадебный день, стихийницы проводили дома. Мари опасалась налета сплетников, Далила не хотела в собственный выходной наткнуться на счастливых женихов и невест. Местные рассказывали, что главе совета приходилось отбиваться от желающих пожениться Летом. К вечеру он зверел от проявления пылких чувств молодоженами и готов был объявлять пары супругами, едва те переступали порог.

Однако Мари пришлось посетить одно бракосочетание. Не простое, а тайное. Новостью огорошила Роксэль Норлок, без приглашения явившаяся к дом Далилы.

— Собирайся, — велела она дочери Зимы, валяющейся в постели с книгой. — Будешь свидетельницей. Белое платье обязательно.

— Почему я? — возмутилась Мари. — Мне одной свадьбы хватило. Если вы не заметили, у меня не сложилось с благословением.

— На тайной церемонии обязаны присутствовать юные представители Времен Года невесты и жениха, — Роксэль не услышала возражение и сдернула с Мари одеяло. — Парень и девушка. Невеста настаивает на твоей кандидатуре.

В дом совета вошли через черный вход, чтобы не нервировать пары на парадном крыльце, планирующие зарегистрировать отношения открыто. Внутри вместо ожидаемой роскоши, свойственной стихийникам любого Времени Года, встретила простота. Добротная деревянная мебель, обычная краска на стенах. Никаких картин и других украшений. Мечта отшельника-аккуратиста.

В зале для тайных свадеб, спрятавшемся в глубине здания, все было готово к церемонии. Горели свечи, треща и оживляя тени. За стеной нежно пела скрипка. Находиться на самом бракосочетании музыкант права не имел. В середине комнаты стояли трое: свидетель Ян Дондрэ, глава совета Камир Арта, облаченный в зелено-белый наряд, и жених, в котором Мари с удивлением узнала Лелима. Надо же! Значит, его тайная невеста достигла совершеннолетия. Интересно, почему девушка выбрала в свидетельницы именно ее? В поселке не нашлось других дочерей Зимы?

Ответ не заставил ждать. В комнату в белоснежном платье вошла бывшая соседка по приютской комнате Элия Норлок. О вкраплении Весенней крови свидетельствовали зеленые листья, вплетенные вместе с белыми цветами в волосы. Лелим издал восхищенный возглас и приложил ладони в груди, не отрывая горящих глаз от невесты. Потерял дар речи и Ян, а глава совета (и по совместительству — будущий свекор) одобрительно крикнул. Обычно уступающая по красоте сестре, сегодня Элия затмила Роксэль благодаря простой, но искренней и светлой радости.

Если б не торжественный момент, Мари хлопнула бы себя по лбу. Все правильно! Соседка же обещала к Осени покинуть Зимний Дворец! Говорила, никто не посмеет вернуть ее назад. Конечно, раз она станет законной супругой жителя срединной территории!

— Братья и сестры, — начал советник без намека на пафос. Губы тронула блаженная улыбка. Глава совета одобрял выбор сына. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы соединить нерушимыми узами брака этого мужчину и эту женщину. Сын Зимы, — обратился он к Лелиму, одетому в белый костюм с зелеными манжетами и воротом. — Готов ли ты связать судьбу с этой женщиной и разделить с ней предначертанное небом?

— Готов, — широко улыбнулся тот.

Мари почти не слышала, что говорил советник Камир, зачарованно рассматривала одухотворенные лица жениха и невесты. Поэтому удивилась, когда в завершении церемонии сомкнутые ладони молодых на мгновение сковало льдом. Но быстро сообразила, что для рук детей Зимы не подходят стебли, которые использовались на Весенней свадьбе.

— Лелим и Элия! — провозгласил советник, пока с пальцев молодоженов падали капли. — Перед лицом свидетелей, отныне и до последнего мига под небом, я разрешаю вам называться мужем и женой. Благословляю, дети мои!

Мари подошла к Элии, дождавшись, пока с поздравлениями закончит Роксэль.

— Не ожидала? — лукаво подмигнула новобрачная.

— Мне и в голову не приходило, что твой способ побега — свадьба, — призналась Мари, обнимая бывшую соседку.

— Это не способ, а судьба, — засмеялась та. — Мы с Лелимом начали встречаться в Академии. Вместе собирались вернуться домой — на срединную территорию. Но вмешалась Королева Северина. Зато, — Элия с нежностью посмотрела на мужа, вежливо слушающего наставления Роксэль, — мы проверили наши чувства. Кстати, ты знаешь, что старая перечница подыскивает тебе жениха?

— Что-о-о? — Мари чуть не рухнула к ногам Элии. Новость была страшнее удара молнии. Какого еще жениха?! Ей всего четырнадцать!

— Брак с сыном Зимы — лучший способ привязать тебя к Зимнему Дворцу. Замуж тебя выдадут после совершеннолетия, но свадебный договор могут состряпать хоть завтра. Не возвращайся в Замок. Прячься в людских городах, если придется. Соглашение могут заключить лишь в твоём присутствии.

— Паучиха имеет на это право? — на глаза навернулись слезы ужаса. — А мое мнение?

— Королева-мать его не спросит, — Элия ласково погладила Мари по щеке. — Ты сирота.

— Но я наполовину человек!

— Твое происхождение не станет помехой. Ты — высшая стихийница. Для кланов с четвертой степенью породниться с тобой — отличный шанс повысить уровень силы следующего поколения.

— Но я не хочу, — всхлипнула Мари, прикрывая дрожащие губы ладонью.

— Не паникуй, — посоветовала бывшая соседка. — Ты можешь избежать свадьбы двумя способами: постоянно прятаться от Северины или заключить договор первой. На своих условиях. Здесь на срединной территории. Попроси Камира. Он не откажется. Мой свекор терпеть не может навязанные браки. Но придется найти жениха. И поскорее...

Мари потребовалась вся выдержка и умение не выставлять чувства напоказ, чтобы успокоиться. Получилось отменно. Камир Арта, подошедший через пару минут, не заметил бури, бушующей в душе.

— Ты не поможешь мне? Нужно принести дополнительные бланки и свечи в свадебный зал, пока женихи и невесты не пошли в атаку.

— Конечно, зу Арта, — согласилась Мари. Сейчас ей было необходимо какое-нибудь занятие. Любое. Чтобы не закричать, не произнести вслух проклятья в адрес мерзкой старухи.

Мари не запоминала дорогу в полутемных коридорах. Мысли занимало неожиданное известие. Впервые в жизни она желала смерти другому живому существу. Не сгоряча. Всерьез. Ясно представила, как паучиха лежит в белоснежной постели с посеревшим лицом. Мерзкая. Ничтожная. Потерявшая жизнь. И власть. Мари ненавидела эту женщину! До судорог. До боли в

груди. За то, что смела играть ее судьбой.

Прежде Мари не думала о замужестве. С малых лет понимала, что отправится на службу в Зимний Дворец, и не питала иллюзий. Еще в Академии, глядя на сыновей Зимы, понимала, что не с одним из них не захочет связать жизнь. Теперь ей не оставляли выбора. Отбирали последнее, что у нее осталось. Право принадлежать себе.

— Пришли, — оповестил Арта. Остановился у массивной деревянной двери и принялся хлопать себя по карманам камзола и брюк. — Вот я растяпа! Оставил ключ в «тайном» зале! Найдешь туда дорогу? Нет? Тогда стой здесь. Я быстро! — и, продолжая себя ругать, глава совета растворился в полумраке.

Мари чуть не закричала вслед, чтобы не оставял одну. Слишком неприятны с некоторых пор стали незнакомые коридоры. Но она заставила себя сдержаться. Глупо бояться убийцы в доме совета. Сюда он не посмеет пробраться. Стихийница вздохнула, прислонилась к стене и прикрыла веки. Поборов искушение сползти на пол, принялась представлять всевозможные козни, обрушивающиеся на дурную голову Королевы Северины.

Занятие оказалось увлекательным. Мари и не думала, что способна придумать столько способов поквитаться с обидчицей. Когда воображение утопило паучиху, предварительно зажарив до хрустящей корочки, и предложило развеять по ветру, дочь Зимы услышала голос Грэма. «Почудилось», — решила она и подумала, что стоит посоветоваться с учителем. Вдруг подскажет способ отвертеться от свадебного соглашения.

— Ты потеряешь больше, чем выиграешь! Но разве я тебе указ? Все равно поступишь, как считаешь нужным!

Мари вздрогнула. Нет, не померещилось. Грэм находился рядом. Вел с кем-то беседу. На повышенных тонах. Стихийница пошла на голос учителя, стараясь ступать бесшумно. Врожденное любопытство перевесило осторожность.

— Ты нарочно меня подначиваешь? — собеседник Грэма сопровождал фразу смешком.

Мари от страха впечаталась стену, узнав властный голос. Он принадлежал Королю Зимы.

— Ошибаешься, — не согласился Грэм. — Я призываю к благоразумию. У твоей матери много союзников. Избавишься от нее, наживешь дополнительных врагов.

— Но так продолжаться не может! — вскричал Инэй отчаянно. — Она перешла все границы! Участвовать в убийстве Мартэна! Это доказательство безумия!

Мари вытаращила глаза. Северина? Убийство Мартэна?!

— Иногда мне самому хочется свернуть матери шею, — признался Король.

Юная подданная его прекрасно понимала. Сама успела придумать массу способов расправы над Севериной. Она дошла до нужной комнаты. Дверь, как по заказу, оказалась приоткрыта. Чуть-чуть, но этого хватило, чтобы глянуть одним глазком. Зал освещали десятки свечей, Короля и его лучшего друга было отлично видно, а заодно важный предмет рядом с ними. Зеркало. Точь-в-точь, как в Зимнем Дворце и Академии. «Путь Королей», без сомнения. Один из трех *потерянных*. Следовало раньше догадаться, что он спрятан во владениях совета. У стихийников, руководивших срединной территорией.

— Тебе не доказать причастность матери к убийству, пока не поймешь, что у Северины есть на Эллу, — ввернул Грэм. — Сыщики ничего не обнаружили, а Веста платила им немало. Конечно, можно обвинить Королеву в другом преступлении, в котором ее подозревают все вокруг.

— Исключено, — отрезал Король. Он стоял, скрестив руки на груди. Смотрел на друга непривычно мягко. — Мы оба знаем, моя мать не имеет отношения к смерти Хлады. Мне нужен настоящий убийца. Наглец должен быть найден и казнен.

— А Элла?

— Будет править в Весеннее Время Года. Ничего не попишешь. Она успела стать законной женой Мартэна. Теперь она — Королева.

— Что будет с Вестой? Ты не думаешь, что ее жизнь в опасности?

— Ни в коем случае, — улыбнулся Инэй. — Шар не признал Эллу. Веста теперь единственная, кому он подчиняется. Новоиспеченная правительница и ее мамаша прекрасно понимают, что без Принцессы им не обойтись.

Грэм помолчал, выжидая, последует ли продолжение, и задал новый вопрос.

— Инэй, почему последовал за мной? Ты ведь не гибель Мартэна хотел обсудить?

— Нет. Кое-что поважнее. Во Дворце не осталось ни одного помещения, где можно говорить свободно. Возможно, я заражаюсь матушкиным безумием, но мне везде мерещатся шпионы.

— Догадываюсь, о чем пойдет речь, — тяжело вздохнул Грэм. — Ты мной недоволен.

— Не тобой. Ситуацией. Время идет, но ничего не происходит. Пора менять тактику.

— Боюсь, станет хуже, — протестующе замотал головой Грэм. — Я знаю мальчика, Инэй. Он сильнее замкнется, если надавить.

— Мы этого не выясним, пока не попробуем, — возразил Король непререкаемым тоном. — Довольно с ним нянчиться. Нужно закрепить силу. Если не на первой степени, то на второй. Найти способ заставить его перестать быть слабаком.

— Он ребенок.

— Ему четырнадцать, Грэм.

— Он не готов взрослеть.

— Мне наплевать! — рассердился Его Величество. — Когда придет время раскрыть Яну правду о его происхождении, никто не будет спрашивать, к чему он готов! Шакалов, кормящихся у трона, обрадует его безволие!

— Ты не хочешь замечать очевидного, — не сдавался Грэм. — Ян — не храбрец. И не боец.

— Но он — Дората.

— Кровь не делает стихийника Королем.

— Ты прав, — Инэй поморщился. — Но у Яна нет выбора. Он — наследник престола. Пусть и незаконный. Мы оба знаем, других претендентов не будет. Нужно работать с тем, что есть. Я понимаю, мальчик не получил необходимых качеств при рождении. Но, по-прежнему, верю, что ты способен исправить ситуацию, мой друг.

— Рад, что хоть один из нас не потерял веру, — проворчал Грэм с толикой иронии. — Но чем дальше, тем больше мне кажется, что я готовлю ребенка на заклятие. Мне не безразлично его будущее.

— Понимаю. Ты его нареченный наставник. Ты всю жизнь рядом с ним. Но судьбу Яна решаю я. По праву крови.

В голосе Его Величества прозвучала такая сталь, что Грэм не посмел спорить. Отвесил другу поклон, признавая поражение. Мари сообразила, что беседа заканчивается, и бесшумно отступила от двери. Сделать это пришлось на четвереньках. Новое потрясение почти обездвижило ноги.

Как ее угораздило подслушать та-а-акой разговор?! Опять?!

— Ничему тебя жизнь не учит, — шепотом прошипела она, когда достигла запертого кабинета советника Камира. — Сколько можно греть уши, где не просят?

Мари села, прижавшись спиной к стене, и обняла себя руками. Ей бил озноб, хотя температура в коридоре не изменилась. Последняя новость не желала укладываться в голове, а она и так гудела после известия о свадебном договоре.

Ян Дондрэ — сын Короля! Наследник престола Зимы!

Великое небо! Узнать такую тайну! За это головы лишиться недолго! Прав учитель, тысячу раз прав! Все ее беды из-за любопытства!

Неподалеку хлопнула дверь, послышались удаляющие шаги. Грэм покинул Его Величество и отправился разыскивать учеников. Ну и ладно! Пусть возится с драгоценным Яном. А она пока тут посидит...

Но постепенно вместе со страхом, опутывающим щупальцами душу, в голове юной стихийницы зрел и интерес. Спрятанный наследник — это так увлекательно! Значит, у Инэя был роман с матерью Яна. Точно! Мальчишка рассказывал в овраге, что она принадлежала Зиме. А еще, что отец его не любит.

Стоп! Мальчишка говорил еще кое-что важное. На празднике Лета!

«С трудом от зу Норлок сбежал. Опять насела с нравоучениями. Мол, плохо выполняю задания Грэма, не стараюсь. Ей-то какое дело?!»

О, небо! Неужели?!

Но мозаика складывалась. Идеально складывалась! Супруги Дондрэ оба могли быть не родными Яну, а лишь воспитывать его. Настоящие родственники спрятали ребенка, пока не вырастет. Сына Короля, рожденного тайной женой, без сомнения пришлось бы скрывать. Для его же безопасности.

Стала понятна и привязанность к мальчишке Грэма. Нареченный наставник, значит. Мари слышала о такой «должности». В древности наставники были у всех стихийников, но постепенно традиция себя изжила. В одной из библиотечных книг Академии Мари читала, что для закрепления уз между ребенком и взрослым, выбранным родителями, проводился особый обряд. Делалось это в течение суток после появления младенца на свет. Нареченный наставник становился для юного подопечного вторым отцом.

— Все в порядке, девочка? Ты бледная.

Поглощенная круговоротом опасных мыслей, Мари пропустила возвращение советника, и теперь Камир Арта возвышался над ней, подозрительно сузив глаза.

— Простите, — пролепетала она, поднимаясь. Благо ноги «оправились» от шока. — Сегодняшняя свадьба... Напомнила ту — другую, — не моргнув глазом, соврала Мари.

— Ох-ох-ох, — озабоченно закудахтал Арта. — А я с поручениями полез! Старый дурак!

— Нет-нет, я помогу. Мне нетрудно. Голова кружилась, но все прошло! — испуганно затараторила стихийница. Не хватало, чтобы Грэму доложили, что ей стало плохо в том самом здании, где он откровенничал с Королем!

Советника объяснение устроило. Ему не улыбалось тащить свадебные атрибуты одному. Пар на парадном крыльце собралось несколько десятков.

Далила встретила дома, изобразив равнодушие к тайному бракосочетанию.

— Как все прошло? — показательно вяло поинтересовалась она. — Приторно или уныло?

— Ни то, ни другое.

Мари плюхнулась на диван и яростно замолотила по нему кулаками. Но вдруг вспомнила важную вещь и остановилась.

— Твои родители заключали свадебное соглашение с семьей старосты?

— Нет, обошлись устной договоренностью, но это не меняет сути, — Далила глянула с осуждением, посчитав вопрос ударом ниже пояса. Но забыла обиду, едва узнала причину интереса. — Сестренка Норлок права! — объявила она, прервав подругу, красочно описывающую способы расправы над Королевой—матерью. — Тебе надо срочно найти жениха!

Мари фыркнула

— У тебя заваялась парочка? — спросила она ехидно.

— У меня — нет. А у тебя... Как насчет Дронана Лили? В Академии он вечно ошивался неподалеку. Ты не обращала внимания, но мы поняли, каким ветром подул. Он к тебе неровно дышит. Или... — задумалась Далила в поисках другой кандидатуры. — О! Ян Дондрэ! После оврага круги нарекает. Официально он — сын Зимы, но у него есть и Весенняя кровь. Тебе подойдет. Ты чего?! — возмутилась Далила, когда в нее полетела подушка.

— Ты бредишь, — объявила Мари. — К Яну я близко не подойду.

— Парень, как парень, — пожала плечами подруга. — Задается. Но это пройдет.

— Зато не пройдет кое-что другое. Давай лучше придумаем способ, как избежать возвращения в Зимний Дворец. Не нужен мне жених.

Но чем больше Мари размышляла, тем отчетливее понимала, что свадебного соглашения не избежать. Вопрос в том, кем оно будет навязано — Королевой-матерью или обстоятельствами. При

мысли о женихе хотелось быть. Договор — это всерьез, а брак — навсегда. Какая нелепость — решать вопрос о замужестве в четырнадцать лет!

Глава 20. Первый снег

— Попробуй одновременно создать вьюгу и... — Грэм прищурился, размышляя, как еще усложнить ученице задачу, — и легкий снежок. Нет-нет, снег из правой руки! Думаешь, не знаю, что пальцы на левой плохо гнутся, а вьюга — не твой конек!

Мари скорчила гримасу, но задание выполнила. Сосредоточилась на силе, позволяя ей легко течь к ладоням, собрала нужное количество и сплела узоры. Не так быстро, как хотел Грэм, но гораздо лучше, чем удавалось на тренировках в Зимнем Дворце. Вьюга вышла не грозной. Белые мухи вырвались на волю фейерверком, но не показали ничего выдающегося и с позором капитулировали на пол. Зато снежок удался на славу: пушистыми хлопьями закружил по залу, игриво пританцовывая и зазывая составить компанию.

— Курам на смех! — припечатал Грэм, наблюдая, как Ян с восторгом подставляет ладони снежинкам. — Будешь работать только левой рукой, Ситэрра! Дондрэ, разве я не велел тебе тренировать узор северного ветра? Покажи умения! Спорим, создашь Летний бриз?

— Ничего подобного! — обиделся Ян, с готовностью скидывая руки. — Вот, смотрите! Смотрите, как я... Ой!

Мальчишка сконфуженно примолк. На полу образовался коврик из мокрого снега, на глазах превращающийся в лужу. Ян покорно выслушал несколько отборных ругательств и поплелся в угол за тряпкой и ведром, приготовленных для таких случаев.

Теперь учитель приходил на занятия каждый день. Появлялся рано утром, а после обеда возвращался во Дворец — «терзать» Дронана и Дайру. Настроение демонстрировал боевое, а работоспособность неумную. На Мари почти не кричал. Хотя и заставлял трудиться в поте лица, ставя эксперимент за экспериментом над восстановившимися способностями. Зато Яну доставалось по полной. Грэм учел пожелания Короля и карал любимчика за любую ошибку. На мальчишку такой подход действовал удручающе. Он сильнее путался, запарывал даже те узоры, которые раньше создавал без усилий.

После практики Мари спешила на работу. Ее она получила, потребовав от главы совета, чтобы озадачили полезным делом и не платили за это, раз боятся гнева Повелителя Зимы. Просить советника Камира дважды не пришлось. Он искал помощника, чтобы привести в порядок опросные листы, собранные за Лето переписчиками. Раз в десять лет на срединной территории проводился пересчет обитателей всех параллелей. Собирались сведения о возрасте, происхождении и месте работы каждого жителя, а также его родственниках здесь и во Дворцах.

Увидев бумажные горы, жаждущие, чтобы к ним приложили руку, Мари пожалела, что связалась с хитрецом-советником. Однако начав работу, увлеклась процессом. Особенно любопытно было разбираться в родственных связях местных обитателей с «истинными» стихийниками. Подчас один житель срединной территории состоял в кровном родстве с несколькими кланами из каждого Дворца.

Иногда добавлял развлечений и Камир Арта, заглядывающий проведать помощницу. Рассказывал истории о семьях, которые знал лично. Очередное повествование начиналось со слов: «А вот его дед, помнится...» или «Как сейчас вижу ее бабу, оригинальная была особа...» Мари слушала с искренним интересом, что несказанно радовало старика.

За тренировками и работой, стихийница не заметила, как закончился сентябрь, и миновала половина октября. Деревья недолго красовались в огненно-красных нарядах и почти распрощались с листвой. Погода стояла не дождливая. Поговаривали, Королева Сентябрина пребывала в хорошем настроении, радуясь помолвке внука с девушкой из приближенной к клану Орса семьи.

Как обычно, все вокруг сплетничали о будущем браке. В том числе, Далила. Мари слушала подругу вяло. Ее больше волновало собственное свадебное будущее. Она так и не поговорила о планах паучихи с Грэмом, и получила за это похвалу от его отца Соджа, зачистившего в гости к советникам.

— У моего сына много достоинств, — сказал он Мари за чашкой чая. — Но есть и существенный недостаток — он служит Королю Зимы. Не надейся на помощь Грэма, если на кону интересы клана Дората.

— Но замуж меня хочет выдать Королева Северина.

— Почему? — Мастер подарил многозначительный взгляд и сам ответил. — Чтобы оставить тебя в Зимнем Дворце. Инэю тоже выгодно держать на привязи сильную подданную. Грэм тренирует тебя не для жизни на срединной территории.

Видя, как расстроена Мари, Иллара-старший предложил свои услуги по устройству ее судьбы. Лично обговорил ситуацию с главой совета Каиром, заручился его поддержкой и принялся искать «приличного юношу из хорошей семьи».

— Не у всех есть возможность жениться по любви, — изрек он накануне отъезда. — Но это не означает, что браки по договоренности не могут быть удачными. Мать Грэма подарила мне немало счастья, хотя родители все решили без нашего участия.

Зато личная жизнь Далилы была ключом и стала излюбленной темой для сплетен. Желая насолить Ною, девушка за полтора месяца успела сменить четвертого кавалера и прослыла нахалкой, вытирающей об парней ноги. Это сделало ее еще популярней у противоположного пола, и теперь вокруг дома подростки (а иногда и юноши постарше) ходили табунами, чтобы поглазеть на «рыжую бестию».

Приходящую дважды в неделю корреспонденцию из Летнего Дворца Далила не вскрывала и отапливала ею печь. Ной догадался, что его письма не читают, и стал отправлять их на имя Мари. Послания насквозь пропитывали уныние и горечь. Несчастный парень разрывался между трепетными чувствами к Далиле и нежеланием предавать мать.

«Тебя, наверное, тошнит от моего нытья», — писал Ной Мари. — «Но я не знаю, как быть. Каждое утро встаю с твердым решением поговорить с родителями. Но вижу маму и понимаю, что не сделаю этого. А потом полночи ругаю себя за слабость...»

Мари, рано потерявшая мать и никогда не знавшая отца, отлично понимала друга. Лишиться семьи — страшно. А сделать это по собственной воле — глупо. Какой бы суровой ни была Морта Ури, единственного сына она обожала. Как можно пойти против женщины, для которой ты — свет в окошке? Ответные послания Мари писала втайне от Далилы. Не хотела ссориться с подругой, но и от друга отворачиваться не желала. Но как ему помочь, не представляла.

Послания из Академии читали вместе. Заунывное настроение и здесь угадывалось в каждой строчке. С тех пор как Элла Монтрэ взойшла на престол, Тисса получала из дома тревожные вести. Ролина Саттера с позором прогнали со службы, запретив приближаться к Королевским покоям.

«Эта мерзкая женщина рассмеялась папе в лицо», — жаловалась девочка. — «Сказала, он должен благодарить, что позволяют остаться во Дворце. Наш дом теперь обходят стороной, в коридорах никто с родителями не здоровается. Мама предложила переехать на срединную территорию. Папу на работу брать боятся, а сбережения рано или поздно закончатся. Но он против. Накричал на маму. Твердит, что не бросит Весту. Но мама говорит, Принцессу совсем не видно. А я заперта тут, даже на выходные домой попасть не могу. Помните наказание Ловерты...»

Мари заерзала на диване. Это ее глупая затея с кражей жемчужины привела к печальным последствиям. И Корделия хороша! Даже в непростой для Саттеров момент не желает наступить на горло принципам!

— Ну Ловерта, ну вредина! — прочитала мысли подруги Далила. — Могла бы уступить! В конце концов, мы понесли наказание. По полной!

Дочь Зимы горестно вздохнула. Как же нехорошо все складывалось для каждого из четырех друзей. Неприятности сговорились и наносили удар за ударом. Жалела Мари Принцессу Весту. Ужасно стать чужой в родном доме.

К концу октября Мари почти закончила раскладывать опросные листы по нужным папкам. В один из дней работы Камир Арта принес радостную новость.

— Угадай, проказница, что случилось! — глава совета подскакивал, как мячик.

— Дворцы перестали существовать, а их жители переезжают на срединную территорию, — пошутила Мари, вопросительно глядя на светящегося от восторга стихийника.

— Лучше! — советник ликующе потряс кулаками. — Я стану дедушкой! Лелим и Элия сегодня сообщили. Такая радость для старика! Такое счастье!

— Поздравляю, — улыбнулась Мари, искренне радуясь за все семейство. Хоть у кого-то в жизни осталось место для счастливых событий.

С приходом старика работа остановилась. Ошалевший от радости советник Камир не закрывал рта и не давал сосредоточиться. Пришлось отложить опросные листы и слушать, а заодно вдыхать запах медовой настойки, витающей в воздухе. Сначала о том, как он поздно женился и всерьез опасался не дожить до появления внуков. Затем о везении с невесткой. Ведь таких милейших созданий, как Элия, сейчас не сыщешь. А, главное, она не унаследовала дурной нрав клана Норда. В отличие от

старшей сестры.

— Не подумай лишнего, — опомнился глава совета. — Я ценю Роксэль, но характер не сахар, что душой кривить. Папенька девочек правильно поступил, что изменил поганую фамилию Норда на Норлок. Хороший он парень — Эльн. Не то, что младшие братья Дирт и Рейм. Столько жизней поломали забавы ради. Хочешь спросить, о чем я? — нахмурился советник. — Расскажу, так и быть. Тебе полезно послушать, чтобы ухо держала остро, когда какой-нибудь белокурый красавец начнет глазками стрелять.

Старик с чувством шарахнул кулаком по столу. Две дюжины папок дружно съехали на пол, и советнику пришлось прервать рассказ, чтобы помочь вернуть их на место. Щеки запылали сильнее. Теперь не только от гнева и медовой настойки, но и смущения.

— Соревнования братья устраивали, — пояснил советник, когда они с Мари снова уселись за стол напротив друг друга. — Выбирали девушку и голову морочили. Побеждал тот, кто добивался ее любви. Столько стихийниц на их уловки попало! Внешностью-то братьев небо не обидело. Красиво говорить тоже умели. Они и из-за Риды Россы сцепились — матушки Киры и Дайры. Главы кланов заговорили о сватовстве, и оба брата захотели жениться. Еще бы! Высшая стихийница, красавица и племянница Северины! Брак выгодный, с какой стороны ни глянь. Родители решили, жениться должен Дирт — на правах старшего брата. О существовании Эльна к тому времени не вспоминали. Но не сложилось. Дирт вскоре погиб. Смертью не геройской. Угодил под копыта собственному коню. Красавица Рида досталась в жены Рейму.

Мари заподозрила неладное, отлично зная взрывной характер главы клана Норда.

— Думаете, гибель Дирта — не случайность?

— Кто ж теперь разберет, — пожал плечами Арта. — Рейм отлично устроился. Многие годы обласкан Королевой-матерью. А скоро станет полноценным членом клана Дората.

— Не верю, что Инэй женится на Кире. Он ее терпеть не может.

— К Лиране и Хладе Король тоже не питал нежных чувств, — усмехнулся советник. — Свадьба состоится, поверь опыту старика. Этот брак на время заткнет рот Ее Величеству, а Инэй, как и раньше, будет делать, что хочет. Когда Северина и Рейм поймут, что общего внука не дождутся, будет поздно. Ой! — испуганно крикнул Арта, сообразив, что спьяну сболтнул лишнего. — Девочка, ты забудь, что я сказал. Опасная это тема для разговоров. А у тебя и своих проблем хватает, верно?

Мари послушно закивала, скрыв удивление. Она не понимала, что заставило главу совета сомневаться в плодовитости Инэя. Впрочем, Король и сам уверял Грэма, что кроме Яна наследников не будет. А ведь молодой еще! Мог бы с десятков Принцев и Принцесс завести с женами-красавицами.

На следующий день приехал Содж Иллара с новостью, которая, по его мнению, должна была воодушевить юную приятельницу.

— Я нашел тебе жениха! — объявил он, перехватив Мари по дороге в дом совета. — Премилый юноша пятнадцати лет. Сын Зимы, но родословная насчитывает четыре Времени Года. Не блондин, — добавил Мастер полупешотом, будучи уверенным, что эта деталь больше всего обрадует стихийницу. — Зовут Риам. Через две недели он приедет с родителями. Они не станут афишировать настоящую причину визита. Официальная версия — подать в суд на соседа.

— Как вам удалось убедить их? — Мари вдруг поняла, что не готова подписывать свадебный договор так скоро. В глубине души она надеялась, что поиски Соджа затянутся, а Северина никогда не вспомнит о ее существовании.

— Они мечтали найти сыну невесту с Зимним происхождением, — охотно поведал Мастер. — Но на высшую стихийницу не смели рассчитывать. Их не тревожит, что в тебе течет человеческая кровь, — предвосхитил Мастер новый вопрос. — Они хорошие стихийники. И родители, и мальчик, — добавил Иллара-старший, угадав тревоги Мари. — Поверь, мой выбор лучше того, что сделает Северина Дората. Она позаботится не о твоём благополучии, а о собственной выгоде.

Мастер говорил дело, однако у Мари весь день все валилось из рук. Она почти не продвинулась в разборе оставшихся бумаг. Трижды перепутав папки, бросила работу. Устроилась с ногами в потрепанном кресле и принялась думать. Точнее, уговаривать себя стать невестой не блондина Риамы.

Постаралась представить, как парень выглядит. Воображение живо нарисовало чистый лоб, четко вычерченные скулы, зеленые Весенние глаза, а затем лихо добавило к портрету дополнительный

штрих — свиной пяточек вместо носа.

— Гадость! — обиделась Мари на буйную фантазию. Та в ответ наградила жениха пороссячими ушками и веселенькой пружинкой хвоста.

Посмеявшись вдоволь над Риамом, забавно шевелящим придуманными частями тела, Мари издала тяжелый вздох и попыталась настроиться на серьезный лад. В конце концов, внешность будущего супруга ерунда. Взять Короля Зимы. Красавец, каких поискать. И на лицо пригож, и фигурой статен. Инэю досталась не приторная красота, а настоящая мужская, волевая. Но рядом с ним не могла обрести счастья ни одна женщина. Мари отлично помнила, как чахла Хлада, как привлекала внимание мужа и не находила ответа в ледяном сердце.

Не выглядела счастливой и Роксэль. Только и делала, что источала яд. Негодяй Король даже сына не захотел приветить. Ян страдал из-за равнодушия мужчины, которого считал отцом, пока настоящий родитель ждал подвига. Интересно, как поведет себя незаконный Принц, когда Инэй соизволит рассказать ему правду? Мари бы на месте мальчишки плюнула Королю в лицо. Назвала бы трусом и покинула навсегда. Пускай Королевский род прерывается. Заслужили!

Вечером появился новый повод для расстройства, перекрывший предыдущие. Пришло письмо от Тиссы. Как предупреждала малышка Саттер — последнее.

«Если вы читаете эти строки, значит, хитрость удалась, и письмо отправлено однокурсниками из Академии после выходных. Я во Дворце. Но это не радость, а катастрофа. Папу арестовали, мама заболела, а меня вызвала Элла. Ловерта не смогла отказать Ее поганому Величеству! Жабба включила меня в свиту для забавы. Насмехается над каждым движением. Грозит казнить папу, если я что-нибудь сделаю не так. В Академию я больше не вернусь. Моя семья в ловушке, я не знаю, что с нами будет. Я не прошу помощи. Даже Принцесса ничего не может сделать. Я лишь хочу попрощаться. Вспоминайте иногда обо мне...»

— Она не просит помощи! — рассердилась Мари, сминая в руке неповинный лист бумаги.

— А что ты предлагаешь? — Далила нервно ходила туда-сюда по комнате. — Атаковать Весенний Дворец? Тисса прекрасно понимает — мы ни на что не влияем.

— Значит, нужно найти того, кто влияет, — раздраженно бросила Мари.

— О! У тебя есть кто-то на примете? — от волнения ухмылка Далилы вышла высокомерной.

— Да! Мастер. Он вхож во все Дворцы и ставит себя выше Королей. Даже Северина не может вредить. Пойду к нему. Поговорю.

— Сейчас? — подруга преградила путь к двери. — Почти ночь!

— Подумаешь! — Мари оттолкнула Далилу и вырвалась наружу.

Но, добежав до соседнего ряда домов, перешла на шаг. Следовало подумать. Она выскочила из дома слишком поспешно и не успела решить, вправе ли говорить с Соджем о семье Тиссы. Мастер помог с поиском жениха, не требуя ничего взамен. Новая просьба станет перебором. Значит, нужно просить не помощи, а совета. Это ведь не наглость, правда?

Мастер всегда был желанным и почетным гостем во владениях совета. Камир Арта выделил ему дом в поселке в долгосрочное пользование. Несмотря на поздний час, в жилище Соджа горел свет. Обрадованная Мари смело шагнула к крыльцу. Но, занеся ногу на ступеньку, заметила в окне две фигуры. Она не единственная явилась к свободолюбивому стихийнику, на ночь глядя.

Дочь Зимы осторожно приподнялась на цыпочки, чтобы выяснить, стоит ждать ухода позднего визитера или отложить разговор до утра. В свете дюжины свечей она без труда узнала фигуру учителя. Совместное застолье отца и сына не походило на семейный ужин. Содж, нахмутив брови, что-то эмоционально выговаривал Грэму. Тот в ответ сердито стукнул кулаком по столу. Залпом осушил бокал красного вина и налил новую порцию из почти пустой бутылки.

Возвращаться домой с пустыми руками не к лицу, и Мари решила подождать. Вдруг Грэму надоест выслушивать нелицеприятные речи отца? Она шагнула под крону векового дуба, чтобы хорошо видеть, что происходит в доме, а самой оставаться в крошечной тьме. Жаль, теплее одеться не догадалась. Накинула плащ поверх платья, а впору облачаться в пальто. Сегодняшний вечер выдался особенно холодным, в воздухе пахло снегом. Наверняка, сотрудники Погодной канцелярии под руководством Игана Эрслы сейчас трудятся, готовя Зимние осадки.

Первый снег считался мероприятием ответственным. Испытанием для Зимнего Дворца. Любой, даже самый незначительный промах, называли провалом, а виновных жестоко карали. Этой Осенью снег запаздывал. Обычно белыми мухами жители страны любовались в середине октября. Но, зная

непростой характер Королевы Сентябрины, сильно удивляться не приходилось. Отмашку первому снегопаду давала именно она — на правах сезонной правительницы. Наверняка, на радостях от помолвки внука Ее Величество хотела продлить Осеннюю погоду.

У Мари стучали зубы, а Грэм не торопился подниматься из-за стола. Смиренно слушал Соджа и потягивал вино. Но стихийница не сдавалась. Хотела быстрее решить проблему Тиссы, хорошо понимая положение подруги. На себе испытала, каково это — находиться в услужении вздорной Королевы и не знать, какую гадость та придумает в следующий миг. Тиссе приходилось еще тяжелее. К бесконечным переживаниям за собственную судьбу примешивался страх за родных. Кто знает, как в темнице обращаются с отцом. Могут в любой момент покалечить. Если не хуже...

Мари смирилась с поражением, когда Грэм откупорил третью по счету бутылку, а с неба посыпались пушистые хлопья. Легкие, белые-белые. Тяжело вздохнув, стихийница направилась к жилищу Далилы. Бросила прощальный взгляд на дом Соджа и вздрогнула. Почудилось, учитель, повернувшийся на секунду к окну, заметил ее. Но это была игра воображения, в темноте не разглядеть фигурку в черном плаще. Грэм снова заговорил с отцом, а Мари на всякий случай ускорила шаг. Ни к чему лишние неприятности.

Она прошагала вдоль двух рядов жилых домов, держась освещенной дороги. Темень нервировала, за каждым строением мерещились недружелюбные тени. Возможно, виной тому стала испортившаяся погода и дурные мысли, но Мари почти поверила, что на нее вот-вот выскочит зубастое чудовище из детских страшилок. С десятью руками или щупальцами вместо ног.

До дома Далилы осталось минуты три. Следовало пройти до конца ряда, затем направо, вперед и налево. Желая поскорее оказаться в теплом помещении, где нет места придуманным кошмарам и пронизывающему ветру, Мари перешла на бег. Быстро миновала улочку. Повернула за угол и...

Голова не успела осознать, что именно предстало глазам, но рефлексы включились, и стихийница шарахнулась в сторону. На полшага, но этого оказалось достаточно. Блестящий предмет, яростно разрезав морозный воздух, просвистел рядом с ухом, не задев плоть.

Мари вскрикнула и бросилась наутек. Прочь от закутанной в плащ фигуры.

Увы, на этот раз инстинкты подвели. Перепуганная дочь Зимы ошиблась в темноте и свернула к рабочим зданиям, отрезав себе путь к жилому сектору.

— Помогите! — закричала она, понимая, что рассчитывать на подмогу бессмысленно. В этом квартале в столь поздний час никто не появлялся.

Нога зацепилась за корешок. Из груди вырвался отчаянный вопль, сопровождаемый горьким всхлипом. Мари упала на влажную листву, покрытую тонким слоем снега. Попыталась сложить узор заморозки, но враг оказался проворнее. Сильные ладони в черных перчатках обхватили горло. В опустевшей голове Мари промелькнула последняя мысль: умирать в ночь первого снегопада — позор для высшей стихийницы Зимы.

Глава 21. Дорога назад

Мари почти потеряла сознание и простилась с жизнью. В голове не осталось ничего, кроме горечи и обиды на несправедливость судьбы. Но случилось чудо. Убийца издал громкое рычание и отпустил шею. Хрипя и сотрясаясь от кашля, стихийница перекадилась на живот, пытаясь сообразить, что за странные звуки слышны рядом — кажется, кого-то били о землю. Неужели, ей пришли на помощь в пустом квартале?

В голове стучало, перед глазами плыла кровавая пелена. Мари закашлялась, желудок вывернуло наизнанку, и стало чуточку легче. Затуманенный рассудок с трудом зафиксировал, как черная тень скользнула прочь, а другая фигура, скрючившаяся на земле, несколько раз дернулась и затихла.

— Помогите, — прохрипела Мари и на четвереньках добралась до неподвижного спасителя. Руки и ноги скользили по влажной листве. — Кто-нибудь. Пожалуйста. О, небо! — она узнала в поверженной фигуре Грэма. — Зу Иллара! Вы слышите? Очнитесь, прошу!

Но учитель не шевелился. Не откликнулся. Собравшись с духом, Мари перевернула его на спину и в ужасе отпрянула. Из груди торчал нож со снежинкой на рукояти.

К горлу снова подступила тошнота, и стихийница закрыла лицо ладонями, чтобы не видеть мертвого Грэма. Погибшего по ее вине. Послушайся она Далилу и останься дома, ничего бы не случилось! Ничего!

Мари сидела и сидела на сырой листве, не в силах до конца осознать случившееся. Может, сон? Всего лишь дурной сон, который растает поутру? Дочь Зимы не знала, сколько прошло времени. Несколько секунд или минут. А, может, целая вечность. Не чувствовала, как ноги заledenели от пронизывающего холода, а волосы намокли от первого снега и прилипли к лицу.

— Ситэрра...

Сердце ученицы сделать кувырок.

— Я здесь!

Мари заплакала от радости. Жив! На душе потеплело, будто не Зимние осадки сыпались сверху, а Летнее солнце палило.

— Послушай, — Грэм тяжело дышал и, произнося каждое слово, морщился от боли. — Ты должна кое-что сделать...

— Я позову лекаря Тоби! — бесцеремонно перебила Мари, видя только один способ помочь учителю.

— Нет! — он одной рукой схватил ее за плечо и, издав громкий стон, притянул к себе. — Мне нужен Королевский лекарь — Хорт Греди. Но сначала ты применишь свою замечательную силу, Ситэрра. Помнишь точечный удар в бокал Короля Мартэна? Нанеси такой же в рану. Заморозь ее вместе с ножом. Нужно не дать яду распространиться.

— Яду?! — взвыла Мари.

— Да, Ситэрра, яду, — Грэм перешел на едва слышный шепот, но не смог удержаться от колкости. — Когда поправлюсь, непременно займусь пробелом в твоём образовании. Видишь, как нож неестественно блестит? Это из-за реакции серебра с одним мерзким веществом. Этот яд распространяется медленно, но если вовремя не остановить, убивает беспощадно.

— Я не уверена, что... — руки Мари затряслись сильнее. От возобновившегося страха за жизнь Грэма. От понимания, что стоит на кону.

— Ты сможешь, Ситэрра, — заверил тот. — У меня не было ученика способнее тебя. Учти, это единственный раз, когда ты слышишь из моих уст подобную похвалу.

Душу царапнули коготки обиды. Ох уж, этот Грэм!

Однако легкий сарказм возымел успех. Мари чуть успокоилась, и мозг нарисовал нужный узор, как на тренировках. Пальцам лишь осталось его повторить.

— Сейчас, — шепнула дочь Зимы, подбадривая саму себя.

Вокруг лезвия образовалась внушительная корочка льда.

— Проклятье! — проревел Грэм. — Я не подумал, что это настолько больно.

— Что дальше? — спросила Мари, по реакции учителя догадавшись, что все сделала правильно.

— Помоги подняться и добраться до дома совета. Там... там... — Грэм смутился.

— «Путь Королей», — подсказала стихийница, перекидывая руку учителя через плечо. — Не спрашивайте, откуда я знаю.

Грэм смерил ученицу удивленно-уважительным взглядом.

— Это все упрощает, — проговорил он на ходу. — Доведешь меня до Зеркала и останешься ждать. Из Дворца я свяжусь с Роксэль. Пусть проводит тебя до дома Далилы. Скорее всего, мерзавец далеко, но лучше перестраховаться.

Вести взрослого мужчину по припорошенной снегом листве оказалось не просто, но юная стихийница сжала зубы и упорно делала шаг за шагом, надеясь не поскользнуться. Повезло еще, что до нужного здания пришлось идти пять минут.

— Почему вы не хотите принять помощь лу Тоби? — спросила Мари, открывая дверь дома совета. Главный вход никогда не запирался. Камир Арта не сомневался, что никто не посмеет переступить порог без разрешения.

— Тоби — хороший лекарь, но не специалист по ядам, в отличие от Хорта Греди.

Петляющие коридоры в темном здании преодолели с трудом. Силы Грэма заканчивались, он старался сильно не наваливаться на Мари, но она все равно едва стояла на ногах под тяжестью его веса. Держался учитель мужественно, хотя лицо покрылось мертвецкой бледностью.

Возле двери в нужный зал, учитель насторожился.

— Тихо, — скомандовал он шепотом. — Кто-то идет.

Мари и сама услышала шаги, которые некто, шедший следом, не пытался скрыть.

— Убийца, — застонала она.

Поступь этого стихийника Мари распознала бы из тысячи. Вот, настойчивый! Не трусил, не убежал, а выждал и, убедившись, что защитник не в форме, возобновил преследование. Но почему он не отступает?! Почему уверен, что юная стихийница способна его опознать?!

В темный зал Мари с Грэмом в буквальном смысле ввалились. Поскользнулись на мраморном полу и с грохотом рухнули. Понимая, что убийца вот-вот ворвется следом, стихийница решила испытать очередной узор из Королевских книг. С яростным воплем вскинула руки, быстро сгибая и разгибая пальцы. На успех надеялась мало, понимая, что наглым образом посягает на высшую погодную магию.

— Умница, — прошептал Грэм.

Он улыбался через боль, глядя на ледяную стену от потолка до пола. Мари сама залюбовалась результатом, но быстро опомнилась. По ту сторону прозрачной преграды показался преследователь в черном закрытом одеянии и маске.

— Скорее, — Мари помогла учителю подняться и на себе потащила к Зеркалу, излучающему золотистое мерцание. Она и не знала, что «Пути» светятся в темноте. — Что дальше?

— Я сам, — Грэм неуклюже повалился на колени, коснулся ладонью гладкой поверхности и прошептал. — Зимний Дворец.

Одновременно с тихим приказом позади загрохотало. Неугомонный преследователь остервенело бил ножом по ледяной стене.

— Зимний Дворец! — повторил учитель громче.

Оторвав взгляд от убийцы, Мари уставилась на «Путь Королей». Он не подчинялся требованию.

— Что происходит?

— Яд повредил силу, — прорычал Грэм, утыкаясь лбом в зеркальную гладь — «Путь» не признает меня и... Проклятье! Ситэрра, готовься к обороне! Мерзавец плетет узор исправления! Тебе самой придется дать отпор. Я сейчас не помощник.

— Исправления?! — Мари дернулась и впечаталась затылком в резную огранку «Пути».

Убийца ловко работал пальцами, стянув перчатки, чтобы не мешали использовать погодный дар. Ледяная преграда начала истончаться. Медленно, но верно. Неприятель почуял, что победа близка, и удвоил усилия.

— Готовься! — скомандовал Грэм.

Но Мари приняла иное решение. Невероятно трудное, но единственное правильное в данных обстоятельствах. Коснулось рукой «Пути Королей».

— Зимний Дворец! — прорезал ночь грозный приказ.

— Что ты творишь глу... — Грэм осекся на полуслове.

Зеркало откликнулось рябью и показало полумрак белого зала в их общем «доме».

— Конечно, глупая, раз выдаю себя с потрохами, — Мари с трудом втянула учителя в зеркальный коридор. Ноги подкашивались, в ушах гудело.

Грэм поднялся, но снова рухнул. Стихийница просунула руки ему подмышки и рывками потащила к выходу.

— Осторожно, не задень нож. Поранишься...

Мари сама не понимала, откуда взялось столько физических сил, однако умудрилась миновать коридор за считанные секунды. Добралась до выхода, прежде чем убийца справился с ледяной стеной и приблизился к Зеркалу.

— Еще чуть-чуть, — подбодрила она себя, вытаскивая учителя в белый зал Зимнего Дворца. Пошатнулась и неуклюже приземлилась на пятую точку.

Преследователь и теперь не отступил. Звериными прыжками неся внутри «Пути Королей» с ножом в правой руке, готовясь выскочить за жертвами.

Мари не придумала ничего лучше, как выплеснуть морозную атаку в Зеркало. Мощную и яростную. Сила высшей стихийницы не заставила себя ждать. «Путь Королей» покрылся слоем векового льда. Намека не осталось, что за предмет находился тут ранее

— Ничего себе, — пробормотала Мари, не ожидавшая столь грандиозного эффекта. — Надеюсь, это исправляется.

— Я тоже надеюсь, — насмешливо протянул новый голос, от звука которого захотелось обратно к убийце. — Иначе придется отвоевывать новый «Путь» у городовиков.

— Ва-ва-ваше Ве-ве-ве... — принялась заикаться Мари, обнаружив в дальнем углу огромного зала Короля Инэя в черном плаще поверх традиционных белых одежд.

— Грэм, — будничным тоном обратился Его Величество к поверженному другу. — Клянусь небом, если ты нарочно напился, чтобы не идти со мной, я с тебя три шкуры сдеру. Грэм, встань, когда я с тобой разговариваю! Выигранный спор не означает, что можно плевать на приличия!

— Извини, дружище, — Грэм заговорил с трудом. — Но, боюсь, сегодня мне не до прогулок, — он со стоном повернулся набок, и Его Величество увидел «украшение» в груди.

— Что за... Это яд?! Стража! — взревел Король, бросаясь к дверям. — Хорта сюда! Живо!

Мари изумленно посмотрела ему вслед. Невнимательность Его Величества объяснялась полумраком. Предположение о пьянстве — запахом вина. До нападения Грэм хорошо приложился к горячительному в гостях у отца. Но, святые небеса, почему Инэя ни капли не смутило, как она обошлась с Зеркалом?! Из дальнего угла он не мог видеть убийцу в зеркальном коридоре, и не знал причины заморозки.

— Это был убийца Хлады? — Король вернулся и склонился над другом. — Ты его разглядел?

— Нет, прости, — прохрипел тот. — Но он силен. Очень силен.

Лицо Инэя сделалось каменным.

— Грэм, ты сейчас же закроешь рот и перестанешь расходовать силы, а ты, — Король повернулся к Мари, смерив снежным взглядом, — сделаешь так, чтобы я о тебе в ближайшее время не слышал.

Мари взобралась на воздушную белую постель в одной из гостевых комнат клана Дората, куда ее сопроводили два молчаливых стражника. Она думала, что пролежит без сна вечность, пугаясь каждого шороха и, возможно, заплачет. Но не прошло и пяти минут, как усталость взяла свое. Глаза закрылись, ладони юркнули под подушку, и дочь Зимы отправилась в королевство грез, где не предусматривалось места тревогам.

Проснувшись, Мари не помнила ни одного сновидения и чувствовала себя отдохнувшей. Прошла не только ночь, но и почти весь следующий день. Солнце клонилось к закату, даря красному Летнему Дворцу и лиловой Академии дополнительные сочные оттенки. Стихийница застыла у окна, не в силах оторвать взгляда от бывшего дома. Она ни разу не видела здание с такой высоты. С четвертого этажа сиротского дома оно казалось мощным, но из окон владений Королевской семьи выглядело скромнее, склонившись в почтении.

Небесное светило добралось до линии горизонта и укатилось прочь, а Мари все смотрела и смотрела на милый сердцу Замок. Сейчас там заканчивался ужин. Ученики в лиловых формах допивали фруктовый чай с печеньями. Из лихой четверки медленнее всех ел Ной, а Мари, наоборот, управлялась с трапезой первая. Сказывалась привычка, заложенная нищим детством, от которой не получалось избавиться. Далила всегда твердила, что питаться надо размеренно, а не запихивать в рот все подряд. Зато Тисса ела, как настоящая аристократка — медленно и мало.

Тисса! Маленькая подружка, которую Мари отправилась вызывать из беды! Стихийница издала громкий возглас, похожий на звериный рык и ударилась лбом о стекло. А потом еще раз — больнее. Почему ей так не везет? И девочку не спасла, и сама попала в клетку. Будь проклят убийца Хлады! Жизнь не отнял, зато превратил ее в новый кошмар.

Мари прижалась лбом к стеклу, с тоской глядя на родные башни. «Каникулы» закончились, и теперь не отвертеться ни от прихотей паучихи, ни от навязанного свадебного договора с высокомерным сыном Зимы вроде Рофуса Сильваны. Захотелось распахнуть окно и упасть вниз, чтобы навсегда покончить с пыткой обитания в Зимнем Дворце. Но вспомнилось, как отчаянно она цеплялась за жизнь в последние месяцы — то в схватках с любителем ножей, то в противостоянии с тяжелой болезнью. Желание прыгать сразу исчезло, и Мари отвернулась от окна.

Вскоре щелкнул замок, и стражник в голубой одежде пропустил внутрь сидящую полную женщину с кувшином, от которого валил густой пар.

— Приведите себя в порядок, зу, — распорядилась она, проходя в ванную. — Вас желает видеть Его Величество.

Вернувшись после умывания и обтирания, Мари обнаружила на кровати новое платье. Чистое, строгое и, разумеется, белое. Пришлось облачаться в одежду ненавистного цвета и настраиваться на встречу с Королем. Наверняка, устроит головомойку. Ну и пусть! Это не страшнее регулярных «встреч» с убийцей.

Мари полагала, стражники отведут ее в один из приемных залов, и ошиблась. Путь закончился у спальни, временно выделенной раненному учителю. Мари поклонилась, соблюдая этикет. Мрачный, как туча, Инэй на нее не взглянул. Грэм был бледен, однако дышал ровно и пытался шутить.

— Ситэрра, тебе пора ставить памятник при жизни, — объявил он весело. — В третий раз оставляешь убийцу с носом.

— Еще один повод для гордости? — протянула Мари в тон и потупила взгляд, как и полагается скромной юной подданной.

— Перейдем к делу, — Его Величество вальяжно расположился в кресле у постели друга. — Ты, — указал он пальцем на Мари, не считая нужным обратиться к ней иначе. — На твоём присутствии настоял зу Иллара. Вздумаешь болтать о нашей беседе, я лично облегчу задачу убийце. Поняла?

Синие глаза прищурились в ожидании ответа, и Мари поспешно закивала.

— Грэм считает, ты помогла ему прошлой ночью, — продолжил Король холодно. — Однако я не разделяю его мнения. Моего друга ранили по твоей вине.

— Инэй! — возмутился Грэм.

— Не вмешивайся, — стальным тоном приказал тот. — Чудо, что Зеркало впустило тебя во Дворец.

— Да, чудо, — Грэм многозначительно посмотрел на ученицу, но не выдал тайну. — Инэй, просвети нас, кто из подозреваемых отсутствовал ночью в Замке.

— Не поверишь, — вздохнул Его Величество, закидывая ногу на ногу. — Все четверо.

Грэм разочарованно застонал.

— Не говори, что у каждого есть веское основание.

— Именно, — Король невесело усмехнулся. — Норда со старшей дочерью отбыл с поручением моей матушки к городовику Эль-Хаира. Сильвана по той же причине ночевал в Замке Луда Крона в Орэне. Лоз с семьей отправился зализывать раны в путешествии по стране на прошлой неделе. Сейчас они в Шеруме. Эрсла в гостях у главы Юнитры. По личным делам.

Грэм удивленно приподнял брови.

— Какие личные дела у главного погодника Дворца могут быть с человеком?

— Городовик Ордис Шаам наполовину стихийник. Грешок молодости отца Игана. Правда, погодный дар не унаследовал абсолютно. Не смотри на меня так, друг мой, — развеселился Инэй. — Если покопаться, у каждого уважаемого семейства найдется скелет в шкафу. И не один.

— Разве я спорю? — Грэм, забывшись, развел руками и охнул от боли. — Я удивлен, как пикантная история не попала в книги моего отца, — сдавленно закончил он мысль.

— Кроме клана Эрсла, о ней знали лишь мои родители. Я в детстве подслушал под дверью.

— О, да! — Иллара закатил глаза. — В этом ты был мастер.

— Непревзойденный! — засмеялся Король, но быстро принял степенный вид. — Ближе к делу. Итого у нас, по-прежнему, четверо подозреваемых.

— Но разве зу Сильвана не исключен из списка? Он ведь находился с вами, когда убийца гнался за мной по лестнице...

Мари сама не поняла, как так получилось, что она открыла рот. Наверное, из-за Короля, на мгновение ставшего непохожим на себя.

— Простите. Я лишь хотела... хотела...

— Поделиться наблюдением, — закончил фразу Грэм. — Я разделяю твоё мнение. Однако Его Величеству нравится подозревать Рофуса во всех грехах.

— Перестань паясничать, Грэм, — посоветовал Инэй, потирая переносицу. — Мы это обсуждали.

— Я хочу объяснить суть Мари, раз она приглашена на наше «совещание». Ситэрра, ты и сама поняла, что в списке сыновья Зимы, которые ходят сквозь Зеркала. В том числе, Рофус. Для профилактики, — Грэм с трудом подавил смешок и получил от Короля красноречивый взгляд. — Ладно-ладно, — примирительно вздохнул он. — Рассказывай дальше. Я весь во внимании.

Король фыркнул, но предпочел не упрекать больного Грэма в непочтительности.

— На срединную территорию убийца попал через Зеркало параллели Торы. Утром там нашли четверых охранников замороженных насмерть. Мерзавец не пытается скрыть принадлежность. Назад он вернулся через «Путь» советников, существование которого некстати обнаружил.

— Удалось проследить его движение?

— Нет. Он мастерски запутал следы. Переместился шесть или семь раз подряд. Я потерял «нить» в Эзре на пятом переходе.

— Королям по силам отслеживать чужие путешествия через Зеркала, — ответил Грэм на вопрос в глазах ученицы.

— Значит, у него развязаны руки? — печально подытожила Мари, рисуя в уме очередные сцены расправы над собой.

— Верно, — Его Величество странно посмотрел на подданную, прощупывая взглядом.

— Что ты задумал, Инэй? — Грэму не понравилось выражение лица друга.

— Разве не очевидно? Сделать из девчонки приманку.

— Исключено! Ты не станешь подвергать ее опасности!

— Еще как стану. Если ты не забыл, здесь я Король.

— Я против! — Грэм подался вперед и взвыл от боли.

— Хватит! — взорвался Инэй, устав от возражений. — Что за кудахтанье?! Опекун сирот! — Его Величество ударил кулаками по подлокотникам, выпустив пар, и немного сбавил обороты. — Девчонка и так в опасности. Убийца идет на любой риск, чтобы сжить ее со свету, и не остановится, пока не достигнет цели. В ее же интересах находиться под присмотром. Я вызову всех подозреваемых во Дворец. Стража будет следить за каждым их шагом и охранять твою ученицу. Рано или поздно он проколется.

— Хладу тоже охраняли, — напомнил Грэм хмуро.

— Тогда мы не подозревали, с каким настойчивым и беспринципным врагом имеем дело. Я принял решение, — Король поднялся и похлопал друга по здоровой руке. — Из тех, что не обсуждаются, а выполняются.

— Упрямец! — прорычал Грэм ему вслед, но Король не обернулся.

Мари покачнулась. Учитель прав. Подумаешь, охрана! Преступник не побоялся отравить стражников, чтобы добраться до Хлады. Заморозил стихийников, стороживших «Путь» в параллели Торы. Ему наплевать, сколько жизней придется загубить!

— Ситэрра, прекращай дрожать и садись, — Грэм кивнул на кресло, которое недавно занимал Король. — Сожалею, что из-за меня ты снова оказалась во Дворце. Обещаю, ты не пострадаешь вопреки «гениальному» плану Короля. Ясно?

— Да, — пролепетала Мари, едва сдерживая слезы.

— Есть вопросы?

— О каком споре вчера говорил Его Величество? — спросила она первое, что пришло на ум — глупость, отвлекающую от основной темы разговора.

— Спор? — опешил Грэм. — Э-э-э... Раз для тебя это важно. В детстве Инэй заморозил «Путь Королей» в отместку родителям. Мы заключили пари. Принц уверял, что «подвиг» никто никогда не повторит. Я утверждал обратное, и, как видишь, оказался прав.

— Что вы выиграли?

— О! Мы были юнцами и условия выбрали соответствующие возрасту. Проигравшему полагалось совершить противозаконный поступок, который, кстати, кое-кому с блеском удался. Дважды. Вызвать крупный снегопад в Летний зной.

Мари нервно засмеялась.

— Надеюсь, Король не собирается выполнять обещанное.

— Узнаем следующим Летом, — улыбнулся Грэм.

— Если я до него доживу, — сникла Мари.

Недавняя безумная идея — прыгнуть с верхнего этажа Дворца — вновь показалась заманчивой.

Глава 22. Друг на кону

— Посмотри, сколько пятен осталось, неумеха! Иди и вымой пол заново! И скажи сторожевым псам, чтоб не смели следить сапожищами в *моем* доме!

У Мари чесался язык напомнить, что сиротский приют — не личные владения Юты, но она решила не гневить багровую хозяйку. Сняла с веревки тряпку, повешенную сушиться.

— Накачать воды, зу Ситэрра? — услужливо предложил старшина ее личной охраны Бо Орфи — высоченный, бородатый стражник лет пятидесяти — и скомандовал, получив кивок стихийницы. — Вперед, парни! И, кстати, зу Дейли, наша песья обувь почище вашей будет. Ребята у меня аккуратисты. Лично слежу!

В ответ Юта процедила что-то о больших головах без мозгов и, морща нос, будто от неприятного запаха, прошагала мимо.

— У-у-у злыдня! — пробурчал Бо ей вслед, подмигивая Мари.

Два широкоплечих парня поставили перед стихийницей четыре ведра воды, не разлив ни капли, и отвесили клоунские поклоны.

— Мне бы и одного ведра хватило, — заметила Мари, подбирая длинный подол, чтобы приступить к повторной уборке кухни.

— А вдруг зу «большое пятно» очередную соринку меж половиц отыщет, — гнусаво отрапортовал самый младший охранник — Эрм Туи.

— Скорее, сама ее туда подбросит, — пробурчала Мари и брызнула водой в стражника-шутника.

Охрана сопровождала ее с утра до позднего вечера на протяжении трех с половиной недель. По ночам паслась у двери в спальню, которую Мари прежде делила с Элией Норлок. Всего стражников было двенадцать, считая начальника. Вахту они несли по трое-четверо. Юту Дейли присутствие чужаков раздражало жутко, но выставить их хозяйка не могла. Отыгрывалась, как умела.

С Бо Орфи Мари поладила с первой же встречи. Стражник, которому юная дочь Зимы едва доставала до локтей, заявил, что по виду она — настоящий сорванец, а, значит, идеально подходит ему в приятели. Мари не возражала. Бо оказался весельчаком и ловко ставил на место любого зазнайку во Дворце, даже знатного. Однажды поздним вечером, когда стихийница подкармливала «свиту», стражник признался, что сам происходит из древнего Зимнего клана. Но в отличие от родичей (колена этак до двадцатого) предпочел великосветскому образу жизни мужскую работу.

— Все их дела — пустая болтовня, — объяснял он, уминая внушительный кусок рыбного пирога. — У нас задача важнее — порядок блюсти. Защищать Дворец, коли потребуется.

Бо поведал, что к Мари его приставил зу Иллара, пообещав содрать три шкуры, если не доглядит. Матушка Грэма приходилась стражнику родной теткой, однако к кузену он относился с большим почтением. Как-никак, лучший друг Короля.

Время шло, а исполнять прямые обязанности охране не доводилось. Помощь по хозяйству, разумеется, была не в счет. Таинственный преступник затаился до лучших времен.

— Убийца — не робкого десятка, но и не безумец, — сказал Грэм на одной из тренировок. — Понимает, Король уничтожит его, если доберется. Он не станет самолично укладывать голову на плаху.

— Угу, дождется, когда все потеряют бдительность и тогда... — Мари не договорила, выпустила знатную вьюгу из левой руки. Правую учитель на занятиях теперь привязывал к спине, чтобы Мари не забылась и не использовала «запрещенную» конечность. — К чему вообще столько сложностей? Главный подозреваемый Его Величества — Рейм Норда. Не так ли?

— Возможно, — проворчал Грэм, поправляя пальцы ученицы. — Но у него на лбу не написано: «Я убил Королеву».

— Нет. Зато там есть признание: «Хочу выдать замуж дочь!»

— Вместо того, чтобы сплетничать, за узором бы внимательнее следила, — попенял учитель, но смехок скрывать не стал.

Грэм снова насел на Мари с бесконечными тренировками, едва поднялся на ноги после ранения. Ему казалось недостаточным гонять ее в компании Дайры и Дронана, поэтому ежедневно оставлял поупражняться еще на пару часов. Несмотря на упреки учителя, Мари не раз замечала его

довольную улыбку. Она здорово прибавила в мастерстве. Какими бы сложными ни были задаваемые Грэмом плетения, постепенно ей удавалось разучивать любые. Пусть и не без досадных ошибок в процессе.

Чувствуя вину за возвращение Мари во Дворец, Грэм стал дружелюбнее, хотя панибратства не допускал. Согласился передать письмо Далиле, предупредив, что сделает исключение из правил один раз. Зато накричал, когда ученица, не имея возможности посоветоваться с Соджем, заговорила о Тиссе.

— Ситэрра, ты в своем уме? Не покалечилась головой, когда от убийцы убегала? — верный себе Грэм не мог обойтись без язвительности. — Лезть в дела других Дворцов — глупость несусветная!

— Но Тисса — моя подруга, — спокойно возразила Мари. Ее больше не пугали крики Грэма. — А раз вы с Принцессой «добрые друзья», могли бы и помочь.

— И не подумаю, — от голоса учителя повеяло холодом. — Если Ее Высочество не считает нужным вызволять Ролина Саттера и его семью из лап Эллы, значит, так тому и быть. Тебе пора уяснить, что Королевские решения и поступки — не забота малолетних нахалок.

Мари примолкла, хотя душа жаждала громкой ссоры. На языке вертелись гадости в адрес Весты. Семья Тиссы страдала из-за дружбы с ней. Но многолетнее почитание победило сиюминутную злость. Наверное, у Принцессы есть причины не вмешиваться. Вдруг, вопреки уверениям Короля Зимы, ее собственная жизнь на волоске?

Каждый вечер, ложась в постель, Мари благодарила небо. Проходил очередной день, а паучиха не предпринимала попыток покуситься на ее свободу. Дочь Зимы понимала, что ситуация может измениться на следующее же утро. Однако вера в чудо не спешила умирать. Все чаще голову посещала смелая мысль, что Королева-мать забыла о свадебном договоре для любимой игрушки.

Увидев однажды под вечер на пороге сиротского дома секретаря Уну Эрнэ, Мари не заподозрила подвоха. Не насторожил даже ужас, в который коротко стриженная пожилая стихийница пришла от ее внешнего вида. Подумаешь, Северина всегда требовала, чтобы свита выглядела так, словно собралась на коронацию.

— Посмотри на себя! — секретарша схватила Мари за шиворот и потащила к зеркалу в умывальной комнате. — Щеки красные! Волосы нечесаные! А платье! О, небо! Испортить совершенство! — причитала она, будто надругались над ее собственным нарядом. — Немедленно приведи себя в порядок, неряха! — потребовала Уна Эрнэ и, стеная, отправилась за чистой одеждой.

Мари проводила секретаршу полным ненависти взглядом и оглядела отражение. Да, волосы растрепаны, щеки алеют. Ну и что? Могло быть и хуже после сегодняшней тренировки. Ух, а веселье получилось отменное! Клан Норда неделю будет скрипеть зубами! Мари злорадно хихикнула, вспомнив перекошенное лицо Рейма.

Тренировка для его младшей дочери сегодня не задалась с самого начала. Дайра ошиблась на первом же узоре, вызвав вспышку гнев Грэма.

— Норди, ты непроходимая бестолочь! Что ты вообще делаешь в моей группе?! Куб в Академии ошибся, определив у тебя второй уровень силы. Ты и на четвертый тянешь с трудом! Это, по-твоему, снег, Норди?! Нет! Это нечто, смахивающее на ледяной дождь! Может, куб и с твоим Временем Года ошибся?!

Перекошенное лицо учителя и грубость едва не вызвали у Дайры истерику. Лишь угроза отправить за слезы на уборку первого этажа заставила девчонку сдержаться. Но губы долго дрожали от обиды. Под конец занятия взвинченное состояние аукнулось небывалым сюрпризом. Дайра, сердито сведя светлые брови, ловко сплела сложный узор, и зал послушно покрылся коркой льда, под которой что-то подозрительно плескалось.

— Это река? — Дронан попятился, поскользнулся, неуклюже взмахнул руками и плюхнулся набок. — Ой, мокро!

— Быстро вставай! — приказал Грэм. — Если не хочешь окунуться целиком.

— Ну и дела, — протянула Мари, оглядываясь.

На поверхность льда сквозь трещинки, булькая, просачивалась вода. Потолок приблизился почти на человеческий рост. Непостижимым образом Дайре удалось создать настоящую реку под ногами!

— Норди, — Грэм повернулся к ошалевшей ученице. — Может, объяснишь, как ты *это* сотворила?!

— Я... я... — принялась мямлить та.

Увы, новая «неприятность» готовилась переступить порог. За дверью раздался недовольный голос главы стихийного правопорядка Дворца.

— Почему в коридоре лужи?! — яростно возмутилась Фальда Сильвана. — Что у вас там происходит, негодные дети?!

— Фальда, нет! — предостерегающе крикнул Грэм.

Но близкая подруга Королевы предпочитала все делать по-своему. Наплевав на предостережение, она рывком отворила дверь. Дальнейшее показалось Мари сном. Разве в реальности матушку Рофуса могло смыть бурным потоком ледяной воды, пронести по длинному коридору на балкон и ударить о перила? Не слишком ли огромное счастье для сироты, жаждущей отплатить обидчикам и их родне? Или иногда случается справедливость в этом проклятом небом Дворце?

Они вчетвером не отправились следом за Фальдой благодаря мастерству Грэма. Лед под ногами накренился, выпуская из плена «реку», но учитель создал у двери большущий сугроб, в который они благополучно врезались, избежав встречи с водой. После мягкого удара Мари отбросило назад. Упав на спину, она уткнулась макушкой в бок учителя.

— Не смешно, — объявил тот, легко отодвигая ученицу по льду.

Мари и не заметила, что смеется. По притворно-суровому тону Грэма было ясно: он тоже не прочь расхохотаться, но статус не позволяет.

— Ненавижу, — процедил Дронан, выплевывая снег.

— Сам виноват, — припечатал Грэм. — Никто не заставлял вопить.

— Тебе же сказали, прекрати смеяться! — Дайра с визгом вскочила на ноги. — Получай! — она в сердцах выпустила в Мари выюгу. Но не сумела сфокусироваться на ней одной.

— Ну, Норди, этого я тебе никогда не забуду, — пробормотал Грэм, вытирая с лица мокрое темное месиво. Дайра опять умудрилась напортачить и наколдовать грязный снег, словно тот не выпал только что, а пролежал вдоль тракта с неделю...

Часы спустя, обрабатывая перед зеркалом настойкой из трав шевелюру для предания ей блеска, Мари широко улыбалась. В голове рождались образы один ярче другого. Бросающая угрозы Фальда, которую на носилках пронесли мимо. Круглые глаза Дайры от осознания, что чуть не убила лучшую подругу Королевы-матери. И, конечно же, глава семейства Норда, на лице которого не осталось и следа от привычной напыщенности.

— Готова? — в умывальную вошла Уна Эрнэ с белым платьем в руках — тем самым, в котором Мари ходила на праздник Летнего Солнцестояния. Побывав в умелых руках Элии, оно стало, как новое. Исчезли все повреждения, нанесенные шелковой ткани разъяренным Королем.

— Почему оно? — удивилась Мари. Нехороший холодок пронесся по телу.

— Ты должна сегодня выглядеть, как приличная стихийница, а не поганая шу, — прошипела секретарша, бросая наряд. — Одевайся! Живо! Ее Величество не любит ждать.

В зал паучихи Мари шла мрачнее тучи. Подозрения, закравшиеся при виде наряда, крепили с каждой минутой. Тревога не укрылась от Бо Орфи.

— Все в порядке? — озабоченно поинтересовался он, заслужив презрительный взгляд Уны.

— Спросите меня на обратном пути, — лоб Мари покрылся испариной. Они подошли не к залу, в котором обычно обитала паучиха, а к тому, где стояло Зеркало.

Северина ждала любимую игрушку, окружив себя привычным антуражем — болонкой, ягодами и вином. Хлесткая палочка снова подрагивала в старушечьих пальцах, в любой момент готовая нанести удар.

— Ближе, Ситэрра. Что замерла? — прокаркала Ее Величество и пнула собаку. Та взвизгнула и, поджав хвост, спряталась за троном. — Отчего похоронный вид? — губы Королевы-матери изуродовала кривая усмешка, палочка убрала с лица юной подданной черные пряди. — Сегодня ты обязана улыбаться.

— Да, Ваше Величество, — пролепетала Мари.

Сбывались худшие опасения!

— Я облегчу тебе задачу. Идем, — в глазах паучихи зажглись злобные огни.

На заплетающих ногах дочь Зимы прошагала к Зеркалу за Севериной, передвигающейся в развалку. Мари не видела «Путь Королей» с ночи, когда спасаясь с Грэмом от убийцы, превратила его в ледяную глыбу. Глубокая заморозка не навредила волшебной вещице. Выглядело Зеркало величественно, как и раньше.

— Орэн, — прошамкала Королева-мать, касаясь ладонью поверхности, показывающей их с Мари отражения. На фоне юной стихийницы паучиха выглядела еще уродливее. Не помогал и внешний лоск. — Погляди-ка, что у нас там, — ухмыльнулась Северина, едва их фигуры растворились, и Зеркало показало болотный зал Замка Луда Крона.

— Нет! — задыхнулась Мари от ужаса и возмущения. — Вы! Вы!

— Спокойно, Ситэрра, — посоветовала Королева, угрожающе постукивая палкой о ладонь, — иначе прикажу отрубить ему голову.

Мари затихла в немом отчаянье, не в силах оторвать взгляда от ледящей кровь картины. Городовик Луд Крон, как всегда мрачный и высокомерный, расположился на троне, закинув ногу на ногу. Посреди зала стоял толстяк Гарт Доввин и победно ухмылялся. Весь его вид говорил: теперь не дотянешься. У ног армейца связанный, с разбитым лицом лежал старик Еллу. Шарманщик не шевелился, лишь глаза затравленно смотрели на Мари.

— Отпустите его! — стихийница повернулась к Королеве. — Я сделаю, что вы хотите.

— Разумеется, сделаешь, дорогая, — паучиха расплылась в довольной улыбке. — И оставишь сегодняшнее мероприятие в секрете. До тех пор, пока не придет день официально объявить о нем. Поняла?

Юная подданная кивнула, плотно сжав губы. Крон, эу и шарманщик исчезли. Им на смену вернулось отражение белого зала. Мари смотрела в Зеркало, пытаясь взять себя в руки и не кинуться душиТЬ паучиху. Разорвать бы старуху в клочья, чтобы не осталось и намека на грузную противную фигуру!

Очнуться заставило появление коротконогого, похожего на лягушонка мужчины. Он отвесил Королеве-матери поклон и выразил готовность оказывать всяческое содействие, как истинный представитель службы стихийного правопорядка.

— Где Рофус? — скривилась Ее Величество. — Я велела ему самому быть здесь!

— Зу Сильвана просил передать, что не может покинуть больную матушку, — стихийник снова согнул спину. — Он просит прощения и обещает отработать сегодняшнее отсутствие позже.

— Рофус — хороший сын, — вздохнула Северина с толикой печали и махнула рукой. — Пора. Приведи гостей.

Глядя вслед удаляющемуся стихийнику, Мари вспомнила, что ни разу не сталкивалась с Рофусом после возвращения во Дворец. Видела его издали дважды, но оба раза тот срочно менял направление. Может, и сегодня он ослушался Северину из-за нее, а покалеченная Фальда — предлог? Предполагаемый отец избегает встреч?

Появились упомянутые гости. Впереди шел самый молодой подчиненный советника Камира — рыжеволосый Горан Сурама. Он приходился дальним родственником учителю из Академии, поведавшему однажды классу историю о доверии. Следом, высоко задрав одинаковые длинные носы, вышагивали тощая пожилая дама с серебристыми локонами, совершенно неподходящими ее возрасту, и парень лет двадцати с такого же цвета волосами, собранными в хвост.

— Оруза, дорогая, — Северина заключила даму в показательно-приторные объятия. — А это наш очаровательный Эльмар? Как возмужал! Остепенился! Подойди, я разрешаю поцеловать мне руку.

Мари едва не лишилась чувств при виде жениха. Очаровательный? Возмужал? Ладно, нос. У Корделии похожий. Даже дурацкий девчачий хвост и хлипкое телосложение — не беда. Но что делать с презрительным взглядом, которым Эльмар скользнул по невесте? С отвращением, исказившим далеко не прекрасные черты?

— Знакомьтесь, — лицо Ее Величества светилось, как у кошки, обвевшейся сметаной. — Моя давняя подруга — высшая стихийница Оруза Герта и ее внук Эльмар Герт. Он унаследовал уровень силы деда. А это — наша юная, но весьма талантливая Ситэрра. Уверена, — обратилась Королева к подруге, — она подарит вашему клану поколение сильных стихийников.

— Хотелось бы, — отозвалась Оруза Герта скрипучим голосом. — Но надеюсь, мои правнуки не унаследуют этот ужасный цвет волос, — она схватила костлявыми пальцами прядь Мари и, морщась, процедила. — Грязь! Ты уверена, моя дорогая подруга, что в девчонке не течет Весенняя кровь? Уж больно цвет похож.

— Она человек, Оруза. Наполовину, — лицо Королевы-матери помрачнело. — Но, если ты мне не доверяешь, можешь отказаться прямо сейчас. Я найду другую семью, желающую породниться с высшей стихийницей.

Оруза отвесила почтительный поклон, показывая, что больше не смеет сомневаться в словах Ее Величества. Та довольно хмыкнула, упиваясь собственной значимостью.

— Преступим, — Северина хлопнула в ладоши. — Осу Сурама, прошу.

Советник деловито кашлянул, прочищая горло. Мари скривилась, глядя, как он высоко задирает подбородок, чтобы скрыть нервозность.

— Встаньте передо мной, — шепнул он Мари и Эльмару, открывая четырехцветную папку, и воскликнул звенящим от волнения голосом. — Друзья мои! Сегодня мы собрались здесь, чтобы заключить свадебное соглашение между этими молодыми стихийниками.

Мари не слышала и половины пафосной речи. В висках стучало от ярости и безысходности. Она угодила в липкие сети паучихи и барахталась в них, как глупая муха, не оценившая опасности хитрого плетения. Может, это и есть судьба? Мари не суждено было встретиться с юношей, найденным Мастером. Не случайно безумная цепь событий вернула ее в Зимний Дворец накануне приезда Риама во владения совета.

— Ситэрра, поставь подписи. Ты слышишь? — Сурама обиделся, что она пропустила речь.

Мари с отвращением посмотрела на советника, держащего папку с вложенным листом, и протянула руку за пером. Плохо понимая, что делает, обмакнула кончик в чернильницу, стоящую на ладони сменщика Рофуса.

— Где подписывать? — Мари чувствовала: еще чуть-чуть, и она упадет.

— Где написано, что ты согласна по достижению восемнадцати лет стать женой зу Эльмара Герта, — Сурама ткнул в лист пальцем. — И внизу, как свидетельство, что заключаешь соглашение по доброй воле.

Мари нервно засмеялась — по доброй воле?! Но подписи в указанных местах поставила.

— Это все?

— Полагаю, да. Ваше Величество? — Сурама склонил голову. Он не понимал, что советники никогда не лебезили перед Повелителями Времен Года.

— Вы свободны, осу — паучиха хищно улыбнулась. — Оруза, дорогая, стоит отметить заключенный договор.

Старуха с девчачьими локонами поспешила принять приглашение и отправилась за Севериной в помещение за тронем. Мари проводила их взглядом полным ненависти, не замечая, что за ней пристально наблюдают.

— Как ты смеешь кривиться, ничтожество?!

На нее вихрем налетел новоиспеченный жених. Схватил руку и грубо вывернул. От боли на глаза навернулись слезы.

— Наша семья кажется тебе не подходящей? — длинные пальцы вцепились в подбородок, чтобы Эльмару было удобнее смотреть Мари в глаза.

— Убери лапы!

— И не подумаю! Могу делать все, что хочу. Ты — моя собственность!

— Еще нет!

— Но станешь ею однажды. И тогда... — длинный нос Эльмара сморщился, в серых глазах вспыхнула звериная ярость. — Советую, научиться подчиняться. Иначе твоим воспитанием займусь я. Посажу на цепь, пока не станешь ручной. А теперь, — он приблизил Мари к себе, щеки обжег жар его дыхания. — Пошла вон! — Эльмар грубо оттолкнул невесту.

Она устояла на ногах. Смерила парня высокомерным взглядом и выскочила в коридор, громко хлопнув дверью.

— Эй, там пожар что ли? — вскричал взволнованный Бо Орфи. — Ситэрра, ну-ка глянь на меня. Так ты в порядке или нет?

— Нет, — всхлипнула Мари, утыкаясь лицом в широкую грудь охранника. — Я не в порядке, зу Орфи! И никогда не буду. Никогда!

Глава 23. Погода над Дворцом

Несколько дней прошли в тумане. Мари не жила, а существовала, в полусне выполняя работу по хозяйству в сиротском доме и задания Грэма. Перед глазами стояло лицо Эльмара Герта, брызжущего слюной от злости. В ночных кошмарах жених являлся с ошейников в руках и хохотал.

— Ситэрра, где ты витаешь?! — негодовал учитель, когда она раз за разом путала последовательность плетений. — Скоро по мастерству догонишь Дондрэ!

Мари не обижалась, мямлила извинения, но снова ошибалась к нескрываемой радости Дайры. После купания Фальды в наколдованной ледяной реке, Рейма вызывала Королева-мать, обеспокоенная странным проявлением способностей юной подданной. Теперь глава клана ходил по коридорам, огрызаясь на каждого встречного, а Дайра прыгала от счастья, когда на уроках доставалось кому-то другому.

Под гнетом грустных мыслей Мари не замечала, как преображается Дворец, множатся ледяные скульптуры и расстилаются белые ковры на каждом свободном кусочке пола. Осознала перемены, увидев трех девушек, колдующих на главной лестнице. Их стараниями на стенах выросли картины из льда. Особенно удались сани, лихо катящиеся по заснеженной дороге.

— Красота! — восхитился Дронан. — Вот бы так научиться!

— Оригинально, — согласилась Мари, разглядывая узоры, которые ловко плели пальцами девушки. — Но ради чего все это?

Дронан посмотрел на нее, как на душевнобольную.

— Зима через три дня!

Юная стихийница вытаращила глаза.

— Я забыла!

— Ну ты даешь, — взгляд Дронана стал подозрительным. — Ты вообще с нами?

Мари отмахнулась, кусая от досады губы. На душе стало тоскливо, как в слякотный день во время оттепели. Дело было не в Зиме. Наступление нелюбимого Времени Года неумолимо приближало свадьбу. Первого декабря Мари официально исполнится пятнадцать лет. До момента, как Эльмар Герт потребует исполнить обязательства по договору, останется три года.

Со дня подписания бумаг стихийница не видела навязанного паучихой жениха (сны, разумеется, не в счет). Бабке и внуку тоже велели держать будущее бракосочетание в секрете. Компания белокурого негодяя невесте пока не грозила. Но это стало слабым утешением. Отсрочка «приговора» не меняла сути.

Вечером накануне дня рождения Мари Грэм устроил показательный урок в Погодной канцелярии. Это была традиция. В последний день Осени туда приводили молодых стихийников первого и второго уровня силы.

— Сегодня в канцелярии кипит работа, — на ходу объяснял Грэм. Мари, Дронан и Дайра старались не отставать. — У вас появится отличная возможность увидеть много нового, а заодно опробовать силы.

Грэм не преувеличивал, говоря о кипении. На четырнадцатом этаже царил безумие. Огромный зал тонул в густом паре от содержимого многочисленных котлов. Сотрудники в белых фартуках сновали туда-сюда с квадратными глазами. В середине упражнял горло сам глава учреждения — Иган Эрсла.

— Здесь кто-нибудь меня слушает?! Первой я велел приготовить вьюгу! — истерически визжал он. — И что я вижу?! Массу осадков, дошедших до кондиции! Все, кроме того, который требовался! Погодите у меня, оболтусы! Узнает Ее Величество, половину в темницу пересажает! Проклятье! — еще громче взвыл главный погодник, заметив Грэма с учениками. — Только вас тут не хватало! Хэмиш! Поди сюда немедленно!

Из глубины зала выкатился круглый, как шар, стихийник. С большим носом и лысым гладеньким

черепом. Согнулся перед начальником и кивком поприветствовал остальных. Эрсла не считал нужным что-то объяснять, махнул пятерней в сторону гостей. Подчиненному хватило этого жеста, чтобы расшифровать поручение.

— Добро пожаловать в Погодную канцелярию, зу, — обнажил он ровный ряд белоснежных зубов. — Меня зовут Хэмиш Альва. Готовы поэкспериментировать с погодой над Дворцом? Тогда за мной!

Несмотря на внушительные габариты, двигался стихийник быстро, без труда лавируя между паникующими сотрудниками учреждения, булькающими котлами и столиками с разноцветными склянками. При этом умудрялся ни на секунду не закрывать рта.

— Здесь готовят рабочие погодные зелья. Те, что будут использовать в декабре, — объяснял он, не оборачиваясь. — Перед основной варкой они выстаиваются несколько недель, а то и месяцев, ингредиенты добавляются в четко определенной последовательности? Тут, — Хэмиш махнул направо, — особые комнаты. В них проводят эксперименты с зельями, создают новые подвиды ветров и осадков. Здесь, — кивок головы последовал в противоположную сторону, — готовые зелья проходят проверку перед использованием. Во избежание непредвиденных эффектов. А эта лестница, — стихийник повернул за угол и ускорил темп, — ведет на крышу. Туда мы и направляемся. Есть вопросы?

— Только один, — весело отозвался замыкавший шествие Грэм. — Хэмиш, что стряслось с твоей шевелюрой?

— О! — погодник многозначительно поднял указательный палец. — На прошлой неделе довелось проверить экспериментальное зелье новичка. Чувствовал — не сработает как надо, да опасность недооценил. Спасибо, макушка не подгорела! Успел в бочку с водой окунуть. Но ничего, мои-то волосы отрастут, а парень стараниями начальника навсегда хромым останется. Жаль бедолагу. Но его никто не заставлял подсыпать в заготовку две ложки измельченной полыни вместо одной. Любопытно ему, видите ли, было, что получится! Кстати, зу, кто-нибудь может ответить, почему запрещено ставить эксперименты с горькими травами?

— Они плохо взаимодействуют с основным ингредиентом зелий — морской солью, — рассеяно пробормотала Мари. Но сообразила, что от нее ждут продолжения, и принялась объяснять, как хорошо вызубренный урок. — Во всех Дворцах, кроме Зимнего, отказались от горьких трав. Для нейтрализации их побочного действия нужна кровь. Пять капель достаточно, чтобы свести на нет вред одной ложки. Больше количество крови испортит зелье, поэтому увеличивать дозировку трав запретили. Многие считают, что использовать кровь — кощунство, однако без полыни не создать зелье морозного ветра, а без одуванчика — вьюги и бурана.

— Недурственно, — похвалил Хэмиш, а Дронан уважительно покосился на Мари.

Она пожала плечами. Теория ей всегда давалась легко. Знания впечатывались в голову. Достаточно было вдумчиво прочитать параграф, и за ответ на следующем уроке Мари не беспокоилась.

Подъем закончился, наверху встретила внушительных размеров гардеробная, увешанная голубыми шубками. Вдоль стен в два ряда стояли белые меховые сапоги.

— Одевайтесь, и выходим! — скомандовал Хэмиш.

Мари определила подходящий размер на глаз и не прогадала. Дайра скривилась, не горя желанием облачаться в чужие вещи, но выбора не предлагали. Едва выглянули наружу, по щекам хлестнули морозные иголки. Дронан закашлялся, вдохнув полной грудью ледяной воздух, Мари повыше подняла пушистый воротник.

Хэмиш Альва почти прыгал от счастья.

— Славный морозец! — заплодировал он стоящим неподалеку коллегам. — В воздухе пахнет Зимой. Чувствуете?

Мари с интересом огляделась. Главные манипуляции с погодой наблюдать ей не доводилось. Масштаб действия чувствовался сразу, заставляя проникаться его важностью. По периметру стояли внушительных размеров кубы, в вечерней темноте казавшиеся не стеклянными, а ледяными. Они приходились «родственниками» того куба, что стихийница разбила на испытании в Академии, только больше раза в три.

— Почему кубов двадцать? — удивилась Мари, дважды их пересчитав.

— Девятнадцать — для городов, один — для Владений Королей, — наставительно объяснила Дайра, радуясь чужой непросвещенности, но Хэмиш догадался, что имела в виду Мари.

— На срединной территории погода такая же, как здесь, — улыбнулся он и озадачил учеников

Высшей Школы новыми вопросами. — Кто расскажет, как создается погода в кубах? Может, вы, юноша?

— Э-э-э, — Дронан попятился и налетел спиной на Грэма. — Ну... внутри земля из городов. Ее поливают зельем и плетут узор нужной погоды.

— Зу Норди, что делают на крыше сотрудники канцелярии в последний день Осени?

— Проверяют осадки. Сегодня над Дворцами погодой управляют стихийники Зимы. Города остаются в распоряжении Королевы Сентябрины.

Мари почти не слышала ответов Дронана и Дайры. Внимание привлекала одинокая фигура у края крыши — в белом меховом плаще с капюшоном. Мужчина опирался на перила и, не шевелясь, смотрел вдаль. В его позе ощущались напряжение и усталость. Мари подумала, что таинственный стихийник, как недавно она сама, размышляет, не спрыгнуть ли вниз.

— Кто первый отправится в куб Дворцов? — спросил Хэмиш. — Земля сдобрена снежным зельем. Зу Лили?

Дронан сглотнул. Перспектива напортачить раньше других не обрадовала. В куб парень заходил, ссутулившись. Узор он плел неуверенно, дрожащими пальцами, и никто не усомнился в провале.

— Печально, — протянул Хэмиш, разглядывая несколько мелких хлопьев, вяло кружащихся в воздухе. — Зу Норди, ваш черед

В глазах Дронана зажглись мстительные огоньки. Мари заподозрила, что сила Дайры выкинет очередной фортель. Уж слишком неконтролируемым стал в последнее время ее погодный дар. Дайра думала о том же. Насупилась, провела рукавом по взмокшему, несмотря на холод, лбу. Однако узор сплела четкими, отработанными движениями.

— Проклятье! — Грэм прикрыл голову от снега с дождем.

На душе Мари потеплело от злорадства. Даже совестно не стало. Ни капли!

Продлилась нежданная радость недолго.

— Ваша очередь, зу Ситэрра.

Теперь пожелание неудачи читалось на мрачном лице Дайры.

Мари сердито засучила рукава и сосредоточилась на задании, выкинув из головы гибель единственного куба, в котором довелось поработать. То же воспоминание, похоже, посетило и другого стихийника, присутствующего на майском испытании в Академии. Мужчина в белом плаще покинул «пост» у края крыши и подошел ближе. Мари ужаснулась, узнав Короля. Синие глаза Инэя, не отрываясь, смотрели на ее пальцы. Повелитель Зимы ждал подвоха. Винить его было трудно. Помимо куба в Академии, юная подданная не постеснялась приложить руку и к Зеркалу Дворца.

Мари зажмурилась, чтобы не видеть пронизывающего холодного взгляда. Но ледяная синева стояла перед глазами, застилая все на свете. Стихийница тяжело вздохнула и решила просто действовать. Так, как умела. Пускай она ошибется. После Дронана и Дайры не страшно. Криков Грэма Мари больше не боялась, а Король... Необязательно лезть из кожи вон в его присутствии.

Воображение нарисовало огромное поле, утонувшее в сугробах, и грозные темные тучи. Фиолетовые слуги Зимы приплыли, чтобы освежить белое покрывало. Мари оставалось немного им помочь. Пальцы принялись сгибаться в нужной последовательности, плетя не самый сложный из существующих узоров. Тучи подчинились, и над выдуманным полем, обгоняя друг друга, полетели белые мухи.

— Ну и ну! — благоговейно выдохнул Хэмиш Альва наяву.

Мари открыла глаза, ожидая увидеть нечто ужасное. К примеру, дождь, который ей не посчастливилось создать в Академии. Однако над Дворцом кружили самые обыкновенные снежинки. Пушистые и легкие. В умеренном количестве. Но снегопада ведь никто не заказывал. Или она неправильно поняла задание?

Мари поспешила покинуть куб (целый и невредимый) под внимательными взглядами троих взрослых — погодника, учителя и Короля. Грэм качал головой.

— Что не так? — спросила Мари робко. — Это снег. Как просили.

— Вот именно, — протянул учитель, поглаживая небритый подбородок.

— За всю историю ни одному стихийнику не удавалось с первой попытки создать правильную погоду в кубе, — пояснил Хэмиш. — Твое имя можно вписывать в учебники.

— Почему нам не сказали, что на результат можно не надеяться? — пробурчал Дронан.

— Чтобы не расслаблялись, — сурово бросил Грэм и снова переключился на Мари. — Ситэрра, скажи, что с тобой делать, а?

— Как что? — удивился вопросу Хэмиш. — Готовить к работе в канцелярии. Я с радостью возьму ее в ученицы. Хотя с завтрашнего дня. Ваше Величество? — погодник повернулся к Королю, ожидая одобрения, но Инэй мрачно покосился на Грэма.

— У меня другие планы на эту стихийницу. Однако, — Король прищурился, что-то взвешивая в уме. — Дополнительные навыки лишними не будут. Ты можешь приступить к обучению Ситэрры, Хэмиш. Но это не должно сократить количество ее занятий с Грэмом.

У Мари задрожали колени. Силы небесные, какие еще планы?! Что за новый кошмар готовит для нее клан Дората?!

Никто не обратил внимания на странные слова Короля. Разве что Дайра перекосилась от злости при слове «планы». Погодник интересовался у Грэма графиком тренировок Мари, тот раздумывал, в какое время удобнее отпустить ученицу в канцелярию.

— Ты мне нужен, Грэм, — прервал бурное обсуждение Инэй. — Хэмиш найдет, чем занять твоих учеников.

— Конечно, Ваше Величество, — поклонился погодник. — Я как раз хотел предложить юным зу самим приготовить погодные зелья.

— Ух, ты! — обрадовался Дронан. — Можно северного ветра?

— Почему бы и нет, юноша, — согласился Хэмиш, жестом приглашая следовать за ним. — Зу Норди мы поручим мокрый снег, а тебе, моя новоиспеченная ученица, — погодник весело подмигнул Мари, — предстоит поработать с сочетанным зельем. Снег, переходящий в буран, подойдет. А ветер... ветер лучше взять западный.

Речь шла не о создании готового зелья, а о закваске, которой предстояло отстояться три недели до следующего этапа работы. Хэмиш пообещал пригласить всех троих продолжить колдовать над образцами, если они не прокиснут или не взорвутся. Но ученики быстро поняли, что рассчитывать на благоприятный исход не стоит. Со стороны создание закваски выглядело делом нехитрым. Всего-то нужно следовать инструкции, добавлять в тару ингредиенты в строгой очередности и помешивать зелье определенное количество раз. Однако список оказался длиннющим, а требования мудреными.

— Я не понял, — пожаловался Дронан. — Тут написано: «Добавить две ложки шиповника». В скобках стоит буква «Ш». В шкафчике три вида шиповника: белый, розовый и красный. Какой брать?

— Розовый, — сердито отозвалась Мари, с ужасом разглядывая свой список. Рецепт сочетанного зелья занимал аж три страницы. Дайре и Дронану досталось по полторы.

— Уверена? — недоверчиво переспросил парень. — Ошибусь, и вся работа насмарку.

Мари гневно фыркнула. Ответила, отчеканивая каждое слово.

— Буква «Ш» в скобках означает название города — Шерум. Там растет только розовый шиповник. Белый разводят в Дессоне, красный — в Эзре. Но если не устраивает ответ, решай сам, что положить. Тыкай пальцем наугад, раз не хватило мозгов слушать учителей в Академии.

Дронан обиженно поджал губы, а Дайра засмеялась.

— Не обращай внимания, — посоветовала она высокомерно. — Шу боится опростоволоситься перед новым учителем. Вдруг выставит взашей в первый же день. Вот будет умора.

— Я с удовольствием поменяюсь с тобой местами, Норди, — бросила Мари, раздумывая, где взять «противоядие» для сока одуванчика — резать собственный палец не хотелось категорически. — Сомневаюсь, что ты мечтаешь работать в Погодной канцелярии. Просто понимаешь, как взбесится папочка, узнав, что на тебя снова обратили внимание из-за ошибки, а на меня — за результат.

От реакции Дайры Мари спасло появление пожилого погодника, работающего в соседней комнате. Он, не стесняясь в выражениях, объяснил молодежи, что зелья принято готовить в тишине. Все сразу примолкли, и последующие часы воевали с заквасками, не смея шуметь. Лишь Дронан что-то шипел под нос, не понимая смысла очередной строчки, да Дайра фыркала, поглядывая на Мари. Та

не замечала ничего, погрузившись в расшифровку длинного рецепта.

Ей таки пришлось проткнуть палец кончиком серебряного ножа, чтобы получить заветные пять капель крови. Но это оказалось не главным из зол. На третьей странице Мари обнаружила, что для закваски требуется белокурый женский волос. Она с вождением покосилась на кудрявую шевелюру Дайры, но покуситься на нее не решилась. По собственной воле вредная девчонка даже с одним волоском не расстанется, а отнимать силой грозило серьезным наказанием. Если не от клана Норда, то от Ее паутинного Величества. Не придумав ничего лучше, Мари кинула в закипающую бурую жижу свой черный волос. Та недовольно булькнула, но проглотила предложенное «угощение». Мари попросила небеса, чтобы зелье взорвалось в ближайшие три недели, а не когда Хэмиш Альва решит его проверить.

На исходе четвертого часа работы дочь Зимы кожей ощутила взгляд, насквозь пропитанный ненавистью. Обернулась и обнаружила в дверях главу клана Норда. Рейм стоял, прислонившись к косяку, и ждал, пока Дайра закончит с зельем. Поймав ответный взгляд Мари, он презрительно оскалился, без сомнения желая провала. Она не поддалась на низкую провокацию, но вздохнула с облегчением, когда кудрявые отец и дочь удалились.

Через полчаса засобиравшись и Дронан, сладивший с северным ветром.

— Ты еще долго? — поинтересовался он примирительным тоном. Несмотря на обидные слова Мари, ссориться всерьез не хотелось.

— Долго, — проворчала та устало. — Осталось положить восемнадцать ингредиентов и сорок минут мешать эту гадость против часовой стрелки. Надеюсь, рука не отвалится.

Дронан пожелал удачи и отправился восвояси, а Мари принялась с удвоенным рвением воевать с закваской, подавив жгучее желание вылить ее в раковину. Угрозило же создать снег в погодном кубе! Сегодняшний день ясно показал, что кропотливая работа в канцелярии — не ее стезя.

Работу Мари закончила за полночь. Закрыла котел крышкой, прилепив сверху лист с названием зелья и собственным именем. Убрала тяжелую тару на полку. Посмотрела на нее с толикой сожаления. Столько сил потрачено, а все зря. Но махнула рукой, мол, бывают в жизни печали и пострашнее.

— Наконец-то, зу! — оглушил мужской голос.

Охранник нетерпеливо ждал ее ухода, чтобы запереть двери на ночь. Большинство сотрудников канцелярии давно разошлось. Осталась вахта на крыше Дворца. Как-никак Зима началась полчаса назад.

Не слушая оправданий, охранник отпустил несколько язвительных замечаний о скорости новичков и выставил Мари на лестницу, щелкнув замком перед носом. Та скорчила гримасу запертой двери и ахнула, осознав неприятную вещь. Грэм не вернулся, а личный конвой остался у тренировочного зала. Неужели, учитель не предупредил Бо, что следует идти в канцелярию?!

— Спокойно, — велела себе Мари, но зубы застучали при мысли, что до сиротского дома десяток этажей.

Главная причина страха не заставила ждать. Внизу раздались осторожные шаги, которые в тишине спящего Дворца не услышать было невозможно. Сердце дочери Зимы дернулось и почти остановилось. Мари с отчаяньем глянула на закрытую дверь четырнадцатого этажа — охранник ушел вглубь канцелярии. Выбора не осталось, стихийница кинулась наверх — к Королевским покоям. Шанс на успех был мизерным, владения клана Дората охранялись от посягательств толстыми дверями и множеством замков. Стража, находящаяся по ту сторону, могла не успеть прийти на помощь.

Преступник припустился следом, не заботясь о тишине. Сапоги стучали по каменным ступеням молотом. Не остановили его и истошные крики жертвы. Таинственный убийца вознамерился добраться до Мари, чего бы ему это ни стоило. Она только и успела подумать, что рукой Корделии Ловерты руководила неведомая злая сила. Надо было умудриться — вписать в личное дело новой ученицы выдуманную дату рождения. Ту, которая вот-вот станет датой смерти!

До пятнадцатого этажа Мари добежала в два счета. Ударила кулаками в запертые двери, не рассчитывая на успех, однако те послушно распахнулись. От неожиданности она поскользнулась, рухнула на четвереньки и проехала по полу. Обернулась, вскидывая руки.

Однако наносить удар не потребовалось. К убийце ринулась Королевская стража.

— Попался, — ухмыльнулся Инэй Дората, выходя навстречу преступнику. Он широко улыбался с видом охотника, добравшегося до вожака добычи, и не обращал внимания на перепуганную

подданную на полу. — Снимите с него маску! — отдал Король приказ страже. — Это ведь ты, Рейм, не так ли?

Глава 24. Неправильная жертва

Мари, как во сне, смотрела на стражников, шагнувших к убийце. Ужас сковал тело, но мысли мельтешили с бешеной скоростью. Она не сомневалась в выводе Короля. Никто, кроме главы клана Норда, не мог скрываться под маской. Папочка ненавистной Дайры заходил в Погодную канцелярию и своими глазами видел, что жертву не охраняют.

Но прежде чем рука стражника коснулась ткани, обтягивающей лицо преступника, двери на этаж снова распахнулись.

— Что тут... — внутрь влетел Грэм. Остановился, ошалело оглядывая живописную картину, и зверем посмотрел на Короля. — Инэй! — возмутился он, напрочь позабыв о почтительности. — Поверить не могу, что ты это сделал!

— А что оставалось, раз ты отказался помогать? — парировал Его Величество и резким движением поднял ладонь, призывая друга замолчать. — Снимите, наконец, маску!

По коридору пронеслись изумленные возгласы. Стихийникам предстал не Рейм Норда.

— Иган Эрсла? — ошалело пробормотал Грэм.

Инэй закрыл и открыл глаза, проверяя, не мерещится ли ему.

— Но почему?! — задохнулась Мари. Она оставалась на полу. Ноги не были готовы ее держать. — Я бы никогда не смогла вас опознать!

Главный погодник криво ухмыльнулся, однако смолчал. Зато Король обрел способность говорить.

— Чем тебе помешала Хлада, мерзавец? — негромко, но властно спросил он.

Вкрадчивая жесткая интонация напугала Мари еще сильнее, и она поспешила отползти на несколько шагов от Его Величества.

— Я сглупил, — отозвался Иган Эрсла. Он не собирался тушеваться и молить о пощаде. Не боялся кары за содеянное. Или делал вид, чтобы не уронить лицо. — Я вошел в хоровод, забыв снять фамильное кольцо. Хлада узнала меня по нему. Пришлось нанести удар, она заметила нож. По той же причине я добил ее позже. Хотя, с какой стати, ты жалуешься, Инэй? Я освободил тебя от обузы.

— Хлада не была жертвой? — изумился Грэм, не дав побагровевшему Королю открыть рот.

— Нет, — рука в черной перчатке взметнулась и указала на Мари. — Умереть должна была она, — равнодушное лицо Эрслы изуродовало выражение жгучей ненависти. — Ей вообще нельзя было появляться на свет. Это все, что вам следует знать.

— Ты ее отец? — усмехнулся Король, сочтя сей факт забавным. — Следовало догадаться, учитывая родословную вашего семейства. Но твой батюшка выбирал благородных женщин. А не... — Инэй не договорил. Пренебрежительно взмахнул кистью, предоставляя присутствующим самим догадаться, какое именно слово он хотел произнести.

— Кого? — прорезал тишину звенящий голос Мари. — Кого?

— Ситэрра, помолчи, — сурово велел Грэм.

Но потрясение оказалось слишком велико, чтобы прислушиваться к здравому смыслу. Не лучше ли дать волю страху, отчаянию и отвращению? Юная дочь Зимы, как и Король, увидела единственное объяснение желанию погодника лишить ее жизни.

— Продолжайте, Ваше Величество! — крикнула Мари, через силу поднимаясь с пола. — Подберите оскорбление для шу! Она же не стихийница. И даже не человек.

— Угомони подопечную, Грэм, — приказал Инэй, не глядя на сжимающую кулаки Мари. Она оставалась пустым местом. Неодушевленным предметом, которым можно рисковать без зазрения совести. — Иначе не посмотри, что несовершеннолетняя и запрю в темнице.

— Где ей самое место, — объявил Иган Эрсла.

— Ах ты! — Мари ловко сложила узор заморозки.

Но Грэм оказался проворнее, крепко сжал ее запястья.

— Идем, Ситэрра, тебе здесь больше нечего делать, — объявил он, таща ученицу к выходу. Мимо плененного погодника, проводившего ее долгим взглядом.

Оказавшись на лестнице, Мари предприняла попытку вывернуться из крепкой хватки Грэма.

— Оставьте меня! Уберите руки!

— Уберу. Но пообещай, что не наделаешь глупостей. Надо совсем голову потерять, чтобы говорить с Королем в подобном тоне.

В голове созрели новые гадости в адрес Его высокомерного Величества. Но освобождение показалось желаннее. Мари послушно кивнула и получила, наконец, свободу.

— Вы тоже думаете, что Эрсла мой... — духа закончить предложения не хватило, и она отвернулась, чтобы учитель не увидел, как краснеют глаза.

— Это выглядит правдоподобно. Ты ходишь сквозь Зеркала.

— Да, хожу, — Мари стойко боролась с подступающими слезами. — Почему вы не выдали меня?

— Я сам задавался этим вопросом, — учитель присел на ступеньку. — Долго искал ответ, отчего ты кажешься мне особенной. Но не придумал объяснения. В тебе есть нечто, заставляющее меня... Эх, незадача! Инэй прав, еще чуть-чуть, и я превращусь в наседку!

— Не стоит, — стихийница обиженно шмыгнула носом.

Конечно, Грэму неприятно возиться с ней. Одно дело Ян, другое — безродная шу.

— Пойдем, я провожу тебя до дома, — Грэм хотел взять ученицу под руку, но она увернулась.

— Убийца пойман. Идите к Королю. Он не откажется от вашей компании.

Мари ринулась вниз по лестнице. Но прыти хватило на половину пути. Внутри что-то оборвалось, стихийница остановилась и, вцепившись в перила, медленно съехала на пол. Бороться с эмоциями не осталось сил. Висок коснулся холодной перекладки, щеки обожгли слезы. Горечь и боль нашли выход.

Мари плакала и плакала. Ни разу в жизни она не чувствовала себя такой одинокой и беспомощной. Никогда столь остро не ощущала отсутствие семьи. Закрыть бы глаза и прижаться к кому-то родному. К тому, кто поймет и пожалеет. Но рядом не было никого, впереди ждало безрадостное, унылое будущее. Мрак, лед и ненависть, от которых ни спрятаться, ни убежать.

Проснулась Мари поздно. Увидела за окном солнце, ползущее к закату, и сильно удивилась, что ни Юта Дейли, ни остальные «сироты» не удосужились ее разбудить и привлечь к домашним делам. Занятий-то сегодня ждать не стоило. Грэму точно не до учеников.

Девушки, возившиеся на кухне, при появлении Мари смолкли. Яснее ясного, кого обсуждали. Весть о поимке убийцы Королевы Хлады разнеслась по Дворцу быстрее северного ветра. Скоро и празднование организуют, приуроченное к его пленению. С детей Зимы станется. Кого волнует, что траур не закончился.

— Что замерли? Работаем! — в дверях появилась Юта Дейли, вытирая мокрые руки о фартук. Заглянула в кастрюлю на плите, подозрительно принюхалась. — А ты чего тут торчишь? — повернулась она к Мари. — Тебе велено, как проснешься, наверх идти. К сыщикам на допрос.

Юная дочь Зимы пожала плечами. К сыщикам, так к сыщикам. Не на эшафот же. После нескольких «встреч» с настырным главным погодником и летящим вдогонку ножом, представители объединенной канцелярии не вызывали страха. Подумаешь, такие же стихийники, как и все. Разве что считают себя умнее остальных.

Во Дворце стояла тишина, как в глубокую Зимнюю ночь. Обитатели не спешили покидать уютные норы. Мари поднялась до пятнадцатого этажа, не встретив ни единого жителя. Вот и отлично. Не хотелось опять становиться той, в кого каждый встречный тычет пальцем.

У дверей территории клана Дората дежурил Бо Орфи в компании четырех незнакомых стражников.

— О, Мари! — обрадовался он. — Хорошо, что пришла. Зу Иллара сказал, спускаться за тобой, если через полчаса не явишься. Идем, провожу к сыщикам. *Сам* приехал. Ох и важный. Зыркает на всех и усами шевелит. Парни рассказывают, коли они дергаться начинают, стало быть, гневается начальник. А как тут не сердиться? Если такую высокопоставленную особу допрашивать надобно. Эх, времена! Опозорились! Да еще в первый день Зимы!

Мари догадалась, что *сам* — это глава объединенной канцелярии Дот Циаби. Она слышала о нем в Академии. С ней на курсе учился внук главного сыщика Визл — упитанный, неповоротливый мальчик. Он жил с родителями в Осеннем Дворце и мало общался с дедом. Абу, независимо от

ранга, не считались желанными гостями на территории любого Короля. Мари удивляло, что Циаби не высший стихийник, а стал начальником. Виэл объяснил, что уровень силы для сыщика не главное. В объединенной канцелярии ценились ум и смекалка.

Обладал ли перечисленными качествами Дот Циаби, история умалчивала. Что ему точно было присуще, так это начальственный вид и пронизывающий взгляд. Живые карие глаза из-под густых седых бровей с любопытством взглянули на Мари. Озадаченно прищурились, остановившись на черных волосах. Пробежали по фигуре, задержались на подрагивающих от напряжения пальцах. Дочь Зимы тоже неприлично уставилась на главу объединенной канцелярии — на волевое лицо, будто высеченное из камня. Засмотревшись на Циаби, стихийница не сразу заметила, что в зале присутствует еще один сыщик — Лукас Горшуа. Он подарил Мари незаметный остальным кивок, серые глаза странно блеснули.

— Зу Ситэрра, — заговорил Дот Циаби. — Я задам несколько вопросов. Советую не лгать и отвечать прямо. Поведайте, что мать рассказывала о своей семье?

Мари вытянулась струной.

— Ничего. Мне было пять лет, когда мамы не стало. Лучше спросите абу Горшуа. Это он занимался моей родословной.

Лукас кашлянул, оценив маленькую месть.

— Боюсь, ваша матушка оказалась слишком прозорливой, — проворчал Дот Циаби. — Мои лучшие сыщики ничего не раскопали о ее прошлом.

Мари закусила губу. Она знала, где родилась и выросла Вирту. Будь ее воля, оставили бы эти сведения при себе. Но о происхождении гадалки знали Еллу и Рофус. Первый мог проговориться под нажимом, второй сделать это в отместку, узнав, что в отцовстве Мари подозревают главного погодника.

— Вы хотите установить, — стихийница судорожно взвешивала в уме все «за» и «против», — откуда мама приехала в Орэн. Понять, мог ли с ней встречаться зу Эрсла.

— Совершенно верно, — кивнул Дот Циаби.

— Мама жила в Зимнем Дворце, — выпалила Мари. Лучше раскрыть тайну самой, чем пожинать неприятности, когда это сделают другие. — В низах. Я недавно это выяснила и сильно удивилась. Мама не хотела, чтобы о ее даре предвидения узнали. Не прельщало играть ту же роль, что и дед. Он был Королевским предсказателем.

— Ты — правнучка Эрнуса?! — воскликнул Его Величество и неприязненно поморщился. — Старый плут! Жаль, он умер до того, как я стал Королем. Непременно бы приказал отрезать ему язык за вранье.

— Инэй, — предостерег друга Грэм.

Дот Циаби с подозрением взглянул на Короля.

— Я слышал, многие предсказания Эрнуса сбылись. Хотя, вам виднее, Ваше Величество. Сейчас важнее другое. Если эта женщина...

— Вирту, — подсказала Мари, видя, что Дот Циаби пытается припомнить имя. Сыщик не счел нужным фиксировать его в памяти, пока не узнал о родстве гадалки с предсказателем клана Дората.

— Если Вирту жила во Дворце, — продолжил он весело, — зу Эрсла мог быть отцом девочки.

— Иган этого не признал, — аккуратно вставил Грэм.

— Какой стихийник бы хвастался романом с женщиной-шу? — главный сыщик хмыкнул, считая вопрос закрытым.

— Я могу поговорить с ним? — спросила Мари, сообразив, что ее вот-вот выставят вон.

В зале повисла тишина. Гнетущая и неловкая.

— Боюсь, это невозможно, зу, — мрачно произнес Дот Циаби. — Лукас, проводи, девочку. Ей здесь больше нечего делать.

Мари открыла рот для возражения, но Горшуа схватил ее за локоть и прошипел в ухо:

— Это лишнее. Идем.

Дочь Зимы подчинилась. Заполучить сыщика—вора тоже неплохо.

— Мой отец не Эрсла, да? — накинулась она на Горшуа в коридоре. — Почему вы скрываете правду? Что значил подснежник в шкатулке?

— Ты должна кое-что знать, — сыщик перехватил руки Мари, сжавшиеся в кулаки и готовые нанести удары в грудь. — Скоро это все равно станет достоянием всего Дворца. Иган Эрсла мертв.

— Как? — Мари попятилась. — Он же не сопротивлялся при аресте! Зачем они...

— Ты не поняла, Ситэрра. Его никто не трогал. Он сам *это* сделал. В камере. Заморозил собственное сердце, — Горшуа осуждающе покачал головой. — Это могло быть поэтично, если б не выглядело отвратительно.

Мари прислонилась к стене и закрыла ладонью рот — к горлу подкатила тошнота. Представлять, как погодник сотворил с собой *такое*, не хотелось.

— Почему? — выдавила она через силу.

— Хотел унести тайну в могилу. Теперь никто не узнает правду. Хотя истинная мотивация никого не интересует. Удобнее поверить в самое простое объяснение, — Горшуа поймал стремительный взгляд Мари. — Нет, я не знаю, что двигало Иганом, но не считаю его твоим отцом.

— А кого считаете?

Сыщик тяжело вздохнул. Сделал несколько медленных шагов прочь, пока не уперся в лестничные перила. Положил на них руки. Постоял так с минуту и снова посмотрел на Мари. С толикой пронзительной грусти.

— У меня нет права обсуждать это с тобой.

— Из-за бремени рода? — усмехнулась она, чуть не плача от усталости и досады. Не осталось сил спорить и чего-то требовать. Но сыщик сегодня этого не ждал.

— Я дал клятву, — признался он. — Пообещал, что оставлю в секрете все, что выяснил о твоём происхождении.

Мари вздрогнула и ударилась затылком о стену. Но не почувствовала боли, хотя в ушах зазвенело.

— К-к-кому? Д-д-дали? — она кинулась к сыщику. Тяжело дыша остановилась близко-близко. Увидела собственное отражение в бледно-серых глазах.

— Моему нанимателю. Мы решили, самое безопасное для тебя — неведение. Я до сих пор уверен, что мы поступили верно, — Горшуа отодвинул Мари от себя, освобождая личное пространство. — Хочешь выяснить правду, спроси Корделию Ловерту. Шкатулка Вирту у нее. Считаю это моим подарком на день рождения. И компенсацией за невозможность разгадать тайну Игана Эрслы.

Мари не помнила, как вернулась в сиротский дом. Не заметила, как Дворец накрыл хмурый вечер. Юта Дейли за что-то ругала ее на кухне, а остальные девушки смеялись. Им не было смешно, но они хотели угодить хозяйке и корчили глумливые гримасы. Мари не слышала обидных слов, а лица хохочущих сироток плыли в тумане. В ушах звучал голос Лукаса Горшуа.

Ловерта! Сказанное сыщиком не укладывалось в голове. Заместительница директора Академии знала тайну Вирту! Она столько лет жила рядом. Отчитывала Мари за тысячу нахальных выходов. Назначала наказания. Твердила о порядочности и степенности. Делала все это изо дня в день и знала! Понимала, как страдала ученица, гадая о своем происхождении, и молчала. Кем надо быть, чтобы так поступить?!

Мари осознала собственную «ущербность» в первый день в лиловом Замке. Мальчик из Осеннего Дворца спросил, кто ее мама и папа. Остальные маленькие стихийники с курса провели вместе почти месяц и успели узнать друг друга. Пятилеток-первогодок селили в Академии в середине июня, пока остальные ученики отдыхали на каникулах. Малышне давали возможность привыкнуть к новым условиям и жизни без родителей до начала учебного года.

Мари растерялась. Она не знала значения слова «папа». Ловерте пришлось потрудиться, чтобы растолковать основные обязанности «прилагающегося» к маме стихийника. Вопрос, куда испарился

отец новой ученицы, заставил заместительницу директора развести руками. Зато детей семейные *особенности* Мари насторожили. Дружить с ней никто не захотел. Кроме другой малышки, с которой не желали играть, потому что она не из Дворцов. И мальчика, впавшего в немилость из-за неуклюжести. Сын Лета в первый же день споткнулся в столовой и опрокинул тарелку с супом на Эмила Буретту.

Лежа в постели в крохотной приютской комнате, Мари искала ответ на вопрос: изменилось бы что-нибудь, знай она в детстве, кто ее отец. И не могла. Или не хотела. Что дало бы имя, если рядом не было его обладателя?

Приснились подснежники. Целое поле. Они выбирались из-под сугробов, отряхивались и поднимали бутоны вверх — к солнцу. Но Зима не уходила, не уступала место Весне. Снег не таял полностью. Благородно отдавал цветам островки земли. Мари шла по странному полю босиком. В белом Зимнем платье...

— Ситэрра, проснись, — голос грохнул с неба, и поле задрожало. — Тише-тише, это я.

— Вы меня напугали, — возмущенно отчитала Мари Грэма, и лишь потом сообразила, что за окном глубокая ночь. — Что вы тут делаете?

В самом деле, Грэм в ее спальне? О, небо! Что опять стряслось в этом замке?

— Все вопросы потом. Собирайся. Не шуми, если не хочешь перебудить всех вокруг.

Учитель бесшумно выскользнул в коридор. Ничего не оставалось, как выполнить наказ. Мари нащупала платье на спинке стула, вытянула из-под кровати башмаки. Спросонья знобило, пришлось достать из шкафа плащ. Несколько вешалок с одеждой упали. Мари решила не задерживаться и закинула их обратно одной грудой. Порядок наведет позже — при свете дня.

Грэм встретил в темной прихожей. Приложил палец к губам и жестом велел следовать за ним. Заговорил, оказавшись за стенами приюта.

— Прости, что вытаскиваю ночью. Утром будет поздно. На тебя последняя надежда.

— Куда мы? — Мари едва успевала за Грэмом. Он неслся по лестнице, будто следом гналась дюжина вооруженных погодников.

— На срединную территорию. Не отставай, Ситэрра. Я бы и сам с радостью воспользоваться подъемным устройством, но по ночам оно не работает.

— Что случилось? — сердце Мари высоко подпрыгнуло, почуяв беду.

— Ян умирает. Единственный шанс спасти его — ваша связь. Та, что вы установили в овраге. Я говорил, это глубинная магия. Она одна способна вернуть мальчика в мир живых. Лекарям это не по силам.

Мари остановилась. Наследник Зимнего престола при смерти! Последний Дората!

— Ситэрра! — Грэм спустился обратно.

Стихийница не шевелилась. Смотрела перед собой немигающим взглядом.

— Вдруг вы ошибаетесь, и я не сумею помочь? Как вы смеее взваливать на меня такой груз? Говорить, что я одна могу сохранить жизнь наследнику?

Грэм не испугался. Но губы сжались в тонкую линию.

— Давно ты знаешь? — спросил он хрипло.

— С Лета. Не беспокойтесь, я никому не говорила. Я не враг себе. И Яну тоже.

Учитель положил ладонь Мари на плечо.

— Раз ты знаешь, кто такой Ян, значит, понимаешь, что отказаться не имеешь права. Ты — подданная Зимы. Он — будущее этого Дворца.

— Но если ваша затея провалится? — по щекам покатились слезинки. — Я не могу нести *такую* ответственность!

— У тебя нет выбора. Идем, — Грэм настойчиво потянул Мари за собой.

Глава 25. Сделка

В зал, где хранилось Зеркало, стража впустила Грэма с ученицей без единого вопроса. Огромная комната встретила полумраком. «Путь Королей» слегка отливал золотистым светом, приглашая в дорогу. Промчавшись одиннадцать этажей, Мари сбила дыхание, но молчать не могла.

— Объясните, наконец, что случилось с Яном?

— Его отравили, — Грэм положил ладонь на зеркальную поверхность и приказал. — Дом совета!

— Кто?! — задохнулась стихийница, не веря ушам. Неужели, кто-то узнал о происхождении заносчивого мальчишки?

Но все оказалось прозаичнее.

— Подруга приемного отца, — ответил Грэм внутри зеркального коридора. — Ву Колни.

— Соседка?

— Она самая, — учитель подал руку, помогая ученице выйти в зал, в котором месяц назад она наколдовала ледяную стену, защищаясь от Игана Эрслы. — Ву Колни приехала в школу с пирогом. Сказала, хочет помириться. К счастью, Ян угостил приятелей. Раздал по куску. Иначе был бы мертв.

— Кого угостил? Кристофа, Лена и Тема? О, небо! Они живы?

— Да. Настойка Хорта Греди поставит их на ноги. Дней через пять. Не смотри на меня укоризненно, Ситэрра, — рассердился Грэм. — Жизнь наследника стоит десятка других. Свита легко отделалась. Большую часть пирога жадина Ян слопал сам.

Мари взбесило потребительское отношение к окружению тайного Принца, но она сдержалась. Не время и не место выплескивать гнев. Тем более, они достигли пункта назначения. В конце коридора стояла женщина в темных одеждах. По белым прядям в черных волосах Мари распознала Роксэль Норлок.

— Надеюсь, *она* права, и это сработает, — проговорила советница, глядя мимо Грэма остекленевшими глазами. — Иначе...

— Думать не смей! — он крепко сжал ладони Роксэль. — Ян выкарабкается.

Внутри маленькой комнаты горело десятка два свечей. В их свете Мари без труда разглядела стихийников, дежуривших у постели больного. Фигура Инэя стала совсем белой. Он стоял у дальней стены, обняв себя руками. На бледном лице не осталось надменности. Лишь страх и безысходность. Над кроватью склонились двое: женщина в коричневом платье с зеленой окантовкой и высокий худой мужчина с белоснежными длинными волосами, разделенными на прямой пробор. Потомственная целительница и Королевский лекарь сражались за жизнь незаконного сына Инэя и Роксэль.

— Наконец-то! — с облегчением воскликнула Принцесса Весны, увидев вновь прибывших. — Яну хуже. Нужно действовать немедленно. Мари, подойди.

При одном взгляде на лицо Яна стало дурно. Оно приобрело зеленоватый оттенок, под глазами залегла чернота. Неизвестно, на что рассчитывали присутствующие, но выглядел мальчишка, как покойник.

— Ваше Высочество, — Мари поклонилась Весте, решив, что Королю сегодня не будет выражать почтения.

— Присядь, — велела Принцесса. — Послушай внимательно, дочь Зимы. Мальчик очень важен. Он должен поправиться. Выполняй каждое указание. Слепо. Без вопросов.

— Но... — Мари не понравился тон Весты. Она, как и Грэм, ставила жизнь Яна превыше всего остального. Ее тоже не волновало, что юная стихийница боялась не справиться.

— Не перечь! — строго оборвала Принцесса. — За тобой должок. Пришло время вернуть его, Мари Ситэрра.

Губы задрожали. Слышать *это* из уст той, кого столько лет превозносила до небес, слишком больно. Но Ее Высочество права. Мари ей задолжала. Целую жизнь.

— Что мне делать? — спросила она, моргая в попытке прогнать противные слезинки.

— Сожми левой рукой ладонь Яна, правую дай мне, — ответила Принцесса и посмотрела на Короля в поисках (вот странность!) одобрения.

Мари заметила, с каким мрачным видом наблюдает за ее действиями Грэм. Голову молнией пронзила мысль — то, что собирается провернуть Веста, очень опасно. Не для Яна. Ему нечего терять. Для нее. Мари испытала жгучее желание вырвать ладонь и сбежать. Но куда? Трое взрослых в комнате и четвертая за дверью из-под земли ее достанут и жестоко покарают за слабость.

— Закрой глаза, — приказала Веста. — Сосредоточься на моем голосе. Вспомни, как выглядел отшельник. Его волосы, борода, руки.

Отшельник? Почему?

Мари не посмела задать вопросы вслух. Похороненный в глубине сознания образ вырвался наружу, вызвав дрожь. Оскаленное лицо и нечесанные космы предстали, как наяву. Над головой снова затряслись огромные кулачища, способные выбить дух, приложив единожды.

— Представь, как он тащит вас с Яном к оврагу.

Голос Весты звучал издалека, но легко воскрешал страшные воспоминания. Вот отшельник выпускает в Мари молнию, вот безжалостно волочит по земле. Хватает за шиворот и заставляет заглянуть в ров. Слишком глубоко. Слишком далеко падать.

Невероятно реально. Разбиться. Умереть.

— ... твоё тело проходит сквозь снег...

Подснежники — белые, голубые, сиреневые — исчезли на глазах. Их беспощадно поглотили вырастающие из-под земли сугробы. Не сжалились над хрупкими бутонами, тянущимися к небу в поисках спасения.

— Почему так холодно? — спросила Мари заледеневшими губами. Из рта вырвался горячий пар. Не согревая, а дразня.

— Твой *гениальный* план провалился с треском!

На нее обиженно взглянули серые глаза Яна. Мари ахнула. Их двоих снова занесло на дно рва! Или это сознание наследника оказалось тут? В плену? Мальчишка стоял у перегородки и трясся от холода, но на подругу по несчастью взирал воинственно.

— Дай мне руки! Расскажи о сокровенном! — передразнил он Мари. — Ничего глупее придумать не могла?

Дочь Зимы потеряла дар речи. В памяти Яна не сохранились последние месяцы. Он остановился на кошмарном дне, когда стал добычей отшельника! Но ей-то теперь что делать? Холодно же! Долго так не протянуть!

— Нужно уйти отсюда, — пробормотала она, оглядываясь.

Все вокруг выглядело реальным. Гора наколдованного снега, отвесные стены, по которым не забраться. Пугающая тишина. Все, как в прошлый раз. Кроме одной детали. Правая ладонь Мари не ощущала холода, в ней сосредоточилась сила — живая и мощная. Тепло Весты оставалось с ней, напоминая, что настоящий мир не здесь.

— Еще один д-д-доверительный п-п-план? — съязвил Ян, стуча зубами.

— Дай мне руку! — приказала Мари, протягивая мальчишке левую ладонь, ту, которой касалась его в реальности.

— Еще чего! — воспротивился он и шагнул назад, впечатавшись в стену.

— Я сказала: Дай! Мне! Руку! — потеряла терпение стихийница. Пусть вокруг все иллюзорно, но замерзала она всерьез.

Голос усилился в разы, громыхнув кошмарным эхом. Мари и сама испугалась, а Ян подавно. Нелепо подскочил, но требование выполнил.

— Отвечай на вопрос. Что сказала тебе ву Колни?

— Когда? — удивился Ян, не ожидавший расспросов о будущей мачехе.

— Сегодня утром. Она привезла тебе пирог.

— Пирог? — презрительно хмыкнул мальчишка и напрягся. Утренние события спрятались не глубоко. — Э-э-э... Она хотела заключить перемирие, — на бледном лице отразился страх. — Почему была Зима? Лето же! И почему...

Мари видела, как в глазах Яна одно за другим отражались воспоминания.

...почему я помню, что мы спаслись?

— Потому что так и было! Грэм пришел на помощь, увидев снег над лесом. Сначала подняли тебя, потом меня, но я была без сознания.

— Ты заболела?

— Да!

— Но как мы опять оказались здесь?! — запаниковал Ян.

Ладонь затряслась, Мари пришлось сжать ее крепче, чтобы не выскользнула.

— Мы не здесь, — осторожно начала она. Сказать правду? Или милосерднее солгать? Вдруг перетрусит. Тогда ему точно конец. — Ты должен вновь мне довериться. Закрой глаза. Постарайся забыть о рве.

— Думаешь, это легко? — прохныкал Ян, но глаза зажмурил. Сильно-сильно.

— Где ты чувствуешь себя в безопасности? — Мари не была уверена, что затея сработает, но попробовать стоило. Она не знала, как вернуть Яна домой, но оставаться здесь — самоубийство. Замерзло не только тело, но и мозги.

— Э-э-э... — Ян почесал лоб свободной рукой и затараторил. — Прошлым Летом мы с Кристофом нашли опушку в чаще. Круглую. Построили шалаш. Убегали туда по утрам. Прятались от взрослых. Один советник нас выследил. Решил, мы пакость затеяли. Он ничего в шалаше не нашел, но все равно сломал. Нас наказали.

— Представь шалаш! — распорядилась Мари, как недавно Веста, «возвращая» ее к отшельнику. — Вспомни, как там пахло. Какими были стены на ощупь.

Мари на всякий случай тоже зажмурилась. Она не верила, что наследник справится. Злилась на Яна и всех, кто ждал его возвращения в доме совета.

Она очнулась от громкого крика.

— Получилось! У нас получилось! Это он! Шалаш!

Открыв рот, Мари таращилась на правильный круг опушки и кособокое сооружение из веток. Руки зачесались дать Яну подзатыльник. У «нас»! Быстро же он приписал себе успех. И это — будущий Король. Чему удивляться? Кровь — не вода. Дората — есть Дората.

— Куда теперь? Домой? — Ян подпрыгивал на месте, чтобы согреться после глубокой заморозки на дне рва.

— Не торопись, — велела Мари.

Они все еще *находились* в голове Яна.

— Я помню дорогу, — заверил мальчишка и нырнул между вековыми деревьями. — Ой! — пискнул он, потирая плечо. Опушку окружала невидимая стена.

— Предупреждала же! — напомнила Мари ядовито.

Она поняла, как поступить дальше. Кто-то подсказывал в голове. Веста! Мари не слышала слов Принцессы, но улавливала их смысл.

— Ты должен понять, почему хочешь вернуться домой, — объявила она Яну. — Какая причина самая важная?

— Ну ты и спросила, — мальчишка закатил глаза.

— Дай руку. И думай.

— Но это сон, — проворчал Ян. Оказавшись за пределами рва, он перестал паниковать и не

осознавал реальной опасности. — Раз я сплю, достаточно проснуться.

— Нет! — Мари топнула в сердцах. — Это заколдованный сон. Его ву Колни создала. Подсыпала в пирог отраву, и ты не можешь проснуться. Меня зу Иллара прислал. Я одна могла к тебе пробиться. Из-за связи, которую мы создали в овраге. Ясно?

Мальчишки задохнулись от обиды. Бледное лицо пошло розовыми пятнами.

— Ву Колни обманула меня?! Но я... я... Она сказала, что больше не хочет ссориться! Мы можем быть семьей! По-настоящему! — Ян вытер рукавом нос и огрызнулся. — Не надо так на меня смотреть! Сам знаю, что дурак!

— Это нормально — хотеть семью, — сказала Мари тихо. Слишком понятным и близким было нехитрое желание. Она и сама бы поверила ву Колни.

— Отец все равно на ней женится, — Ян отвернулся, пряча покрасневшие глаза. — Зачем мне возвращаться? Кому я там нужен?

— О, небо! — раздраженно вскричала Мари и с силой дернула руку Яна. — А мне что тогда делать? Утопиться?! Думаешь, тебе одному не повезло с родителями?

— Твой отец не играет на публику, — нашел аргумент мальчишка. — Сразу устранился. Мой выпендривается. Рассказывает соседям, как тяжело воспитывать сына одному. Особенно такого неблагодарного, как я. Враки это! Ему наплевать!

— Это не повод жалеть себя! — припечатала Мари. — У тебя есть друзья. В будущем будет и семья. Ты ее создашь сам. Настоящую!

— Будущее, — проворчал Ян, зацепившись за одно единственное слово. — Какое у меня будущее? Вернуться в родной поселок? Заниматься садоводством?

— Ты можешь стать кем угодно. Например, советником, — Мари не придумала ничего заманчивее. Правду-то открывать нельзя. — У тебя есть способности. Иначе зу Иллара не тратил бы столько времени.

— Ты сильнее! На занятиях я ни разу не повторил твои узоры!

— Потому что не веришь в себя! — выплеснула Мари нелицеприятную истину. — Ты настраиваешься на неудачу! Едва начинает получаться, паникуешь и все портишь! Ты сам-то понимаешь, почему боишься добиться успеха?

— Понимаю, — Ян насупился, став похожим на сердитого старичка. — Мне на роду написано быть неудачником. Они это тоже знают. Зу Иллара и зу Норлок. Я слышал обрывок их разговора, — мальчишка обиженно надул губы, погружаясь в неприятные воспоминания. — Зу Норлок сказала: я никчемнее, чем она ожидала. Зу Иллара добавил, что я такой же слабак, как мой отец. Я не смог дальше слушать. Убежал. Я доверял им! А их волнует моя сила. Я хочу, чтобы ценили меня, ясно тебе?!

Мари растерялась. Вот это номер! Наследник считал, что его используют. Расстроился и вредил самому себе. Но Грэм искренне привязан к подопечному. Защищает перед Инэем, бережет. Но Яну этого не объяснишь.

— Подумай о друзьях, — Мари не знала, какие еще струны в душе мальчишки затронуть. — Они заболели. Ты угостил их пирогом, помнишь?

Ян отшатнулся, и Мари едва не выпустила его ладонь.

— Это не твоя вина, а ву Колни, — она смягчила удар.

— Но пирог предназначался мне, — замотал головой Ян. Лицо стало серьезным, почти взрослым. Ни нахальства, ни обиды. — Они тоже не могут проснуться?

— Могут. Они съели меньше тебя. Но им плохо. Ты им нужен. Ты — их старший друг.

— Я должен перед ними извиниться, — согласился Ян не слишком уверенно.

— Должен, — постаралась закрепить спонтанное решение Мари. — Идем домой!

— А как?

Она снова знала ответ.

— Представь лица Кристофа, Лена и Тема. Подумай, как сильно хочешь их увидеть. Сосредоточься на этой мысли.

— Хорошо, — Ян крепко зажмурился.

Произошедшее дальше напугало Мари до смерти. Ноги Яна оторвались от травы, а ее собственные налились свинцом. Тело мальчишки, став невесомым, настойчиво потянулось ввысь, словно его притягивал гигантский магнит. Мари поняла: это обмен. Ян вырвется из плена, ей придется остаться. Вот откуда мрачный взгляд Грэма и требование Принцессы слепо следовать указаниям! Они знали — ей не суждено вернуться!

— Что происходит? — Ян открыл глаза и занервничал.

— Лети один, — Мари обреченно попыталась разжать пальцы.

Выбора ей не предлагали. Мальчишка готов уйти. Если она вернется без наследника, Король ее убьет. Без сомнений!

— Что ты творишь?! — возмутился тайный Принц и крепче вцепился в ее ладонь, задевая кожу ногтями. — Нужно лететь вместе!

— У меня не получается! — закричала Мари, стараясь не показать страха.

— Правда?! — поднялся ветер, и мальчишке приходилось срывать голос. — Мари Ситэрра не может с чем-то справиться?! Думал, не доживу!

— Не смешно! — заорала Мари, злясь на весь свет.

— Не отпускай руку! — приказал Ян жестко. Откуда только взялась властная интонация? Королевская кровь взыграла? — Либо улетаем вдвоем, либо оба остаемся тут! Поняла?! Больше никто не пострадает из-за меня!

Небо ждало этих слов. Наверху грохнуло. В разы сильнее, чем в Весеннюю грозу. Глаза обжег яркий свет. Солнце сделало огромный прыжок к земле, и кто-то выключил цвета и звуки. В ушах остался странный стук. Тихий, но настойчивый. Он напомнил дятла, целенаправленно бьющего клювом в одну точку...

...Очнулась Мари в коридоре. Возле распахнутой двери комнаты Яна. Оттуда раздавался жуткий кашель и грозные требования Хорта Греди допить лекарство до конца. Значит, получилось. Наследник вернулся! Перед глазами плыли черно-оранжевые полосы, создавая немыслимые узоры. Голову сдавил обруч, царапая виски.

— Ситэрра! Ну-ка посмотри на меня! Ты слышишь?! — надрывался рядом Грэм, тряся ученицу в надежде быстрее добиться ответа.

— Да! Не надо меня дергать! И так тошнит!

— Как она вернулась? — раздался рядом удивленный голос Короля.

— Я умею преподносить сюрпризы! — огрызнулась Мари.

После пережитого в голове Яна, ее не волновала реакция Его Величества. Главное она сделала — спасла его сына.

— Спокойно, Инэй, — смягчил выпад девушки Грэм. — Она не в себе.

— Выпей, — тонкая рука Весты поднесла ко рту чашку. — До дна.

— Гадость!

Мари чуть не подавилась густым горьким напитком. Зато стало легче. Буйство красок, мельтешащее перед глазами, исчезло, и она смогла различать присутствующих. Взгляд сфокусировался на Принцессе, в голове за долю секунды созрел дерзкий план.

— Ваше Высочество, мне нужно с вами поговорить!

Принять это решение подтолкнул шок. В любое другое время Мари не рискнула бы совершить подобный «подвиг». Тем более, в присутствии Короля Зимы.

— Что за новости? — возмутился Инэй.

— Погоди, — оборвала его Веста. — Юная зу заслужила право высказаться. Говори, Мари Ситэрра.

Я слушаю.

— Вы можете помочь семье Ролина Саттера? Его жене и дочери? — выпалила Мари скороговоркой, боясь струсить в последний момент.

— Почему тебя волнует их судьба? — строго спросила Веста.

— Тисса Саттер — моя подруга. С Академии.

— Ах, да, — вспомнила Принцесса. — Это тебе Тисса кидалась на шею перед свадьбой. Ролин рассказывал, что дочка дружит с детьми других Времен Года.

Мари помрачнела.

— Нас четверых многие осуждали. Твердили, наша дружба — ошибка.

— Я не считаю преступлением общение с представителями других Дворцов, — возразила Принцесса. — Но скажи, девочка, готова ли ты пойти на риск ради Весенней подруги?

— Веста! — Грэм осуждающе посмотрев на Ее Высочество.

— Не вмешивайся! — в голосе Принцессы появилась сталь. Она положила ладонь Грэму на грудь и вынудила отойти на несколько шагов. — Мари, если бы мне не составляло труда помочь Саттерам, они бы давно покинули Дворец. Мне придется пойти на крайне неприятные уступки Элле, чтобы вызволить Тиссу и ее мать. Однако я сделаю это в обмен на услугу. Недавно я обращалась к твоему Королю с просьбой одолжить мне в следующем году несовершеннолетнего стихийника для *особого* поручения. Кандидатуру мы не осуждали, но ты подойдешь. Что скажешь?

— Я согласна, — выпалила Мари. Она не посмела спрашивать, что именно потребуется сделать. Почувствовала — этой тайны ей сейчас не раскроют.

— Инэй? — Веста вопросительно посмотрела на Короля. Получив неохотный кивок, улыбнулась. — Вот и славно. Ты что-то хочешь добавить, Мари?

— Не говорите Тиссе, что я просила за нее. Не хочу, чтобы она чувствовала себя обязанной.

— Хорошо, — Весте понравился ответ Мари. — Увидимся Весной, девочка. А теперь я вынуждена вас покинуть, зу.

— Спасибо за помощь, — сухо поблагодарил Инэй.

— Я рада, что Яну лучше.

— Нам тоже пора, — Король проводил задумчивым взглядом удаляющую Принцессу и повернулся к Мари. — Идем, Ситэрра. Нужно поговорить.

Поняв, что ее приглашают пообщаться без свидетелей, она в панике посмотрела на Грэма. Великие небеса! Перспектива остаться с Его Величеством наедине сковала сердце льдом. Но учитель и не думал приходить на помощь. Подтолкнул Мари, чтобы шла за Королем.

Глава 26. Отец и сын

Инэй привел Мари в угловой зал на пятнадцатом этаже Замка. Просторный и уютный. Огромные окна — от пола до потолка — выходили на три Дворца и Академию. Если б юную стихийницу не поглотил панический ужас, она непременно бы залюбовалась видом.

Король предпочел говорить, глядя на владения соседей, тонушие в рассветной дымке. Мари, не дыша, остановилась позади.

— Как ты умудряешься постоянно оказываться в центре событий? — спросил Инэй, не оборачиваясь. — Подойди. И прекрати дрожать.

Мари шагнула к окну, пряча трясущиеся руки за спиной. Ночью ее принесли в жертву. Ради мальчика, жизнь которого значила гораздо больше. Это могло повториться в любой момент. Ее раздавят, как букашку. И добрым словом не вспомнят!

— Из-за тебя убили мою жену, ранили лучшего друга, — напомнил Инэй. — Твоя полностью израсходованная сила восстановилась, будто и не тратилась. Ты с первой попытки создала погоду в кубе. Установила связь с Яном, хотя сотворить подобное способен не каждый взрослый. Мне продолжить?

Мари замотала головой.

— Мне очень жаль Ее Величество Хладу, — пробормотала она, не зная, что сказать.

— Я пытаюсь понять, что сулят нам твои *особые* способности: большую пользу или огромные беды. Учитывая твою родословную, — усмехнулся Король, — скорее, второе.

Горячая волна прошла по телу. Дрожь исчезла. Накрыл гнев, как в коридоре после поимки Игана Эрслы. В висках застучало, и Мари не сдержалась.

— Да, я помню, как вы относитесь к шу.

Красивые черты Инэя исказила ненависть.

— Вообще-то я имел в виду твоего прадеда — Эрнуса. Нашего придворного предсказателя и величайшего мерзавца, — синие глаза потемнели, но быстро стали обычными — ледяными. — Его ложь дорого обошлась моей семье. Эрнус постоянно лгал моим родителям. Я не винил его. Он говорил то, что они желали слышать. Иначе сгнил бы в подземелье. Но у нас был уговор. Эрнус поклялся, что никогда не солжет мне, какой бы неприглядной ни была правда. Но пришло время сделать самое главное предсказание, а он соврал мне в лицо. Я пошел к твоему прадеду за советом. Он убедил меня, что беспокоиться не о чем. И что в итоге? Боль, смерть и покалеченные судьбы.

Король перевел взгляд на Мари, таращившуюся в окно, но ничего там не видевшую.

— Боишься, Ситэрра? Не стоит. У меня нет привычки мстить за грехи отцов, а, тем более, дедов и прадедов. Лучше скажи, как ты узнала о происхождении Яна. Я хочу знать, где мы проявили неосторожность.

— Я... я... я в коридоре стояла, — пролепетала Мари. — В доме совета. Ждала советника Камира. А вы и зу Иллара из Зеркала вышли. Я не подслушивала. Почти сразу ушла. Зачем мне *такие* проблемы?

— О, небо! — Король взъерошил волосы обеими руками. — В стране осталось хоть одно место, где можно разговаривать без посторонних ушей? Что? Ты хочешь еще что-то сказать, Ситэрра?

Мари не хотела, но слова сами вырвались.

— Простите, — прохныкала она. — Я не понимаю, почему вы отвергаете Яна.

Она сама не знала, как посмела спросить это у Короля, но остановиться не могла. События прошедшей ночи, несчастное лицо Яна не давали молчать.

— Он мучается. Нуждается в заботе и думает, что отцу на него наплевать. Поэтому не хотел возвращаться. Он ваш сын. Вам безразлично, что с ним происходит?

К ужасу Мари, Инэй плотно сжал губы. Она решила — все, теперь точно не миновать подземелья. Но Король засмеялся.

— Ситэрра, из тебя шпион, как из меня шут на ярмарке. Во-первых, мне не безразличен мальчик. Во-вторых, я держусь на расстоянии для его же блага. В-третьих, Ян — не мой сын.

Мари громко хмыкнула и зажала рот. Ну почему? Почему она сама копает себе яму? Еще чуть-чуть, и терпение Его Величества лопнет.

— Понимаю, со стороны кажется глупым отрицать очевидное, — Инэй, к счастью, проигнорировал смешок. — Но я не случайно упомянул твои шпионские способности. Ян мне не сын. Он — мой племянник. Отец мальчика — мой брат Снежан.

Мари вытаращила глаза. Если бы пол под ногами пошел трещинами, она бы удивилась меньше. С другой стороны... Стихийница звонко хлопнула себя по лбу и застонала. В разговоре с Грэмом Король ни разу не назвал Яна сыном. Говорил, что он — Дората и наследник престола. Степень родства мальчишки с Инэем она додумала сама. Подсказка прозвучала и из уст Яна час назад, но Мари не обратила внимания. Наследник рассказал, что Грэм назвал его отца слабоком. Силы небесные! Он никогда не позволил бы себе так отзываться о лучшем друге!

— Я глупая, — констатировала Мари без тени горечи. — Мне в голову не пришло...

— Что? — развеселился Король. — Подозревать скромного младшего Принца? Разумеется. В распоряжении была моя непокорная персона. Все знали обо мне и Роксэль, а личная жизнь Снежана была покрыта мраком. Но он был влюблен. В девушку, союз с которой никогда бы не приняли родители. Когда брат погиб, она ждала ребенка. На могиле Снежана я поклялся позаботиться о нем.

— Кто она? Почему отказалась от сына? — сорвался с языка новый опасный вопрос.

Истина не укладывалась в голове. Получалось, Роксэль Норлок не имела к мальчику отношения?

— Это не твоя забота, Ситэрра, — осадил Король. — Ты и так знаешь слишком много. Скажу лишь, она имела право поступать так, как считала нужным. Думаешь легко стать матерью ребенка, отцу которого не хватило мужества узаконить с ней отношения?

Мари поджала губы. Столько укора прозвучало в голосе Короля! Сам-то не подумал жениться на Роксэль!

— Мой брат не был храбрецом, — продолжил Инэй, не замечая осуждения на лице Мари. — Наедине со мной Снежан часами ругал родителей, однако ни разу в жизни не выступил против них открыто. Поэтому они его и ценили. Хотели видеть на престоле, хотя он и не являлся старшим сыном. Меня такое положение дел устраивало. Я не собирался становиться Королем. В отличие от брата, я не боялся сойти с проторенной дороги. Видел, что Снежан никогда не решится связать себя узами брака с неугодной родителям девушкой, и радовался. Его слабость освобождала меня. Да, эгоистично, но раз брат добровольно готовился взвалить на себя такую ношу, как правление в Зимнее Время Года, я не собирался его отговаривать. К несчастью, Ян унаследовал мягкотелость и нерешительность отца. Ему нелегко придется в будущем, — Его Величество повернулся к Мари. — Ты гадаешь, почему я все это рассказываю. Открываю тайны семьи. Не так ли, Ситэрра?

— Так, — кивнула Мари.

Отрицать не имело смысла. Мысль, чем грозит откровенный разговор, пугала до крика.

— Я пытаюсь понять, подходишь ли ты для роли, которую планирую тебе отвести. Грэм клянется, что ты — идеальный кандидат. Головой клянется. У меня же нет твердой уверенности. Хотя некоторые предпосылки имеются, — Инэй снова посмотрел вдаль. На отражение юного солнца в окнах Академии. — Никогда не приходило в голову сравнивать Зимний Дворец со змеиным гнездом?

— Нет, — Мари проследила за взглядом Короля и вздохнула с тоской — милый сердцу лиловый Замок сейчас казался как никогда родным. — Только с глыбой льда.

— Что ж, и это подойдет, — Его Величество сложил руки за спиной. — Здесь каждый ведет собственную игру. Одни — ради благ, другие — чтобы выжить. Но играть в одиночку не просто. И опасно. Мне повезло. Рядом всегда был стихийник, на которого можно положиться. Грэм. Когда придет время занять престол Яну, он не должен быть один. Ты сильная стихийница, в будущем твои способности еще возрастут. Последние события показали, что мальчик доверяет тебе. Хочу оговориться сразу, Ситэрра. Речь не идет о браке, — Король предпочел не заметить, как фыркнула Мари. — Я не борец за чистоту крови, сам мечтал связать судьбу с девушкой не из своего Дворца. Но ты наполовину человек. У людей нет права входить в Королевскую семью. Но другом и опорой будущему Королю ты стать способна.

У Мари отлегло от сердца. Не из-за разговора о браке с Яном (ее свадебное будущее решено и закреплено несколькими подписями). Она успела напридумывать всяческих ужасов, а ее просто хотели превратить в доверенное лицо наследника.

— Когда вы скажете Яну правду?

— Не в ближайшее время, — нахмурился Его Величество. — Он к ней не готов.

— Потому что вы ошиблись с тактикой, — Мари произнесла фразу мягко, чтобы Король не решил, что его обвиняют. Но Инэю не пришлось по вкусу ее слова.

— Неужели? — протянул он насмешливо.

— Вы сами сказали, Ян мне доверяет. Я знаю, что происходит с ним. Ваш... племянник не хочет добиться успеха, — и Мари, тараторя, пересказала разговор с мальчишкой. — Ян уверен, что окружающим нужна лишь его сила. Найдите способ разубедить его, и ситуация изменится.

Король не смотрел на подданную, сосредоточенно о чем-то размышлял. Не хмурился, губ не поджимал.

— Хорошо, я изменю «тактику», — наконец, озвучил он решение. — Но не торопись радоваться. Посмотрим, принесут ли твои выводы пользу. Твоя задача учиться у Грэма и Хэмиша, а заодно выполнять поручения моей матери. Она не раз захочет использовать твои способности. Испытание ты прошла.

— Испытание?

— В замке Крона в Орэне. От тебя требовалось подтолкнуть гороховика к принятию решения, если заартачится. Замороженный язык оказался весомым аргументом. Кстати, что такого сказал тебе Луд?

— Он оскорбил мою мать, — ответила Мари после секундного раздумья.

— О! Мне повезло, что ты не повторила попытку в Зимнем Дворце, — Инэй с трудом подавил смех, вызвав у юной подданной противоречивые чувства. Не поймешь, смеется или насмехается.

— Что Рофусу понадобилось от Крона? — поинтересовалась Мари, раз представилась возможность. Ответит Король — хорошо, нет — тоже не страшно.

— Мы с Грэмом терялись в догадках, — решил еще на одну откровенность Инэй. — Все расставила по местам Весенняя свадьба. Ее финал. У Крона есть увлечение. Он выращивает ядовитые растения и делает из них...

— Яды?! — ахнула Мари. — Так он... он...

— В организации убийства Мартэна Крон не участвовал. Вряд ли он представлял, для каких целей Рофусу нужен яд. Но это образцом из его коллекции отравили Короля Весны. Все они убивают мгновенно. Даже Хорт Греди помочь не может, хотя равных ему в создании противоядий во всей стране нет. Помнишь, как быстро он поставил на ноги Грэма? Иган Эрсла использовал распространенный яд. Пусть и весьма неприятный.

— Доказать причастность Крона и Рофуса можно? И Королевы... — Мари запнулась и, растерявшись, выдала себя с головой. — Я имела в виду Эллу... Ой!

— Ты, кажется, утверждала, что не подслушивала. Неудивительно, что Грэм тебе симпатизирует. Чувствует родственную душу! Не знай я, где пятнадцать лет назад находился мой друг, заподозрил бы в твоём отцовстве, — Король неодобрительно покачал головой. — Считай, что ты на испытательном сроке, Ситэрра. Я буду пристально следить за тобой. Твоя обязанность — приглядывать за моей матушкой и докладывать обо всем подозрительном. Понимаю, ты гадаешь, чьего гнева опасаться больше. Советую подумать в ином направлении: с кем выгоднее сотрудничать. Главный здесь я. В отличие от матушки, я не караю подданных исключительно из прихоти. Только виновных.

— А поваренок? — прошептала Мари едва слышно. — Тот мальчик?

— Которого обвинили в смерти моей первой жены Лираны? — в глазах Короля зажглись озорные искорки. — Он не мальчик. Успел повзрослеть и собирается жениться. Живет на срединной территории. Матушка об этом не догадывается. Это знание ей ни к чему, согласна?

Мари раскрыла рот. Инэй расхохотался

— Иди, Ситэрра. Постарайся не влипать в истории. Ты здесь еще пригодишься. Кроме того, я согласился на просьбу Весты.

— Почему? — Мари сама не заметила, как лицо приняло сердитое выражение. Внутри все протестовало против бесконечного использования ее скромной персоны толпой Королевских особ. — Всем известно, что наши Дворцы не ладят.

— Верно. Мой отец ненавидел Цвета. Тот отвечал столь же «теплыми» чувствами. Мы с Мартэном враждовали с первых дней в Академии. Инициатором вражды был он, а не я. С Вестой мы тоже никогда не были друзьями. Однако оба понимали, что компромиссы разумнее войны. Идем на некоторые уступки. Вопросы закончились?

— Да, — Мари набрала в грудь побольше воздуха. — Но осталась просьба.

— Говори.

— Мне нужно в Академию, — выпалила Мари, не услышав в голосе Инэя гнева или раздражения. — На пару часов. Хочу поговорить с Корделией Ловертой. Это личное, — осторожно добавила она, глядя в пол. Приготовилась услышать отказ и, возможно, головомойку. Однако Король не счел просьбу невыполнимой.

— Я велю Грэму вечером проводить тебя. А пока выпишись. Выглядишь... э-э-э... паршиво.

Учитель зашел за Мари на закате. Она успела проснуться и привести себя в порядок. А как иначе, если Юта Дейли устроила очередную трепку, вытащив из постели. С криками на весь дом, дабы все сиротки сбежались поглазеть. Какое хозяйке дело, что Мари не спала всю ночь, страху натерпелась и сил потратила уйму! Хорошо хоть появление Грэма заставило вредную женщину перестать надирать горло.

Учитель не спросил ни о цели визита в Академию, ни об утреннем разговоре с Королем. Мари тоже предпочла дойти до Зеркала в молчании. Ей предстояла непростая встреча с Корделией, а она не отошла от откровений Короля. Новость о происхождении Яна вычеркивала еще одно имя из списка отцов. Жаль. Покойный Принц Снежан казался единственным приемлемым кандидатом.

По дороге пришлось стать свидетелями неприятной сцены. Джеб Лоэ ругался со стихийниками, украшавшими коридор на пятнадцатом этаже.

— Что вы делаете?! — возмущался он, пытаясь сорвать со стены гирлянды искусственных снежинок, переливающихся в мягком свете многочисленных ламп. — Как смеете! Во Дворце траур!

— У нас приказ Ее Величества, — оправдывался до смешного коротконогий стихийник. — Будет праздник в честь поимки убийцы. Прощу вас, остановитесь!

Он попробовал отнять у Джеба захваченную гроздь украшений, но длинные пальцы отца покойной Хлады безжалостно растерзали бумажный снег.

— Зу Лоэ! — возмущился коротконогий. — Узнает Королева Северина, будут проблемы.

— Не пугай! — гаркнул Джеб и швырнул в лицо «противнику» клочки бумаги. — Я и Ее Величеству скажу, что думаю о вашем праздновании. Моя дочь умерла! А вы! Вы!

Грэм схватил Мари за руку и затащил в нужный зал, чтобы оскорбленный бывший родственник Королевской семьи не заметил их в коридоре.

— Неприятно. Но ничего не поделаешь. Королева-мать жаждет праздника. Он будет, хочет того Джеб Лоэ или нет.

— Почему Король это допускает? — Мари яростно сжала кулаки.

Как бы она ни относилась к Хладе, должны же соблюдаться приличия. Траур есть траур. И вообще, устраивать праздник, когда пойманный убийца заморозил собственное сердце, омерзительно!

— Иногда нужно уступать в мелочах, чтобы выиграть по-крупному. Эх, Ситэрра, — вздохнул Грэм. — Мне еще многому придется тебя научить.

— Гулянья в траур — не мелочь, — категорически не согласилась Мари.

— Не будем спорить о взаимоотношениях в клане Дората, — примирительным тоном предложил Грэм. — Во-первых, тебе пора. Во-вторых, — он извлек из кармана тонкую коробочку, — у меня для тебя подарок, именинница. Не успел вручить вчера.

Мари вмиг забыла о предмете спора. Грэм в курсе ее праздника? Поздравить решил? От души или вину заглаживает за то, что отправил на верную смерть в сознание Яна?

Она решила соблюсти этикет и открыла коробку.

— Ого! — Мари вытаращила глаза, вертя в руке карманное зеркальце в золотистой оправе. — Это

то, что я думаю?

— Осколок «Пути», — подтвердил догадку Грэм. — Вещь в хозяйстве полезная. Особенно для девиц, часто оказывающихся в трудных ситуациях.

Мари не удержалась от улыбки. Грэм слишком мягко охарактеризовал ситуацию.

— Спасибо, — искренне поблагодарила она, пряча подарок в складках платья. — Но это не значит, что я все забуду. Где гарантия, что я опять не стану разменной монетой, когда жизнь Яна окажется в опасности?

— Справедливо, — кивнул Грэм. — Если ты и испытывала доверие ко мне, то я его растоптал. Понадобится время и реальные поступки, чтобы это исправить. Помочь открыть «дверь» или сама справишься?

Вместо ответа Мари шагнула к Зеркалу.

— Академия Стихий! — громко приказала она, касаясь стекла, и задохнулась от восторга.

Глазам предстал зал, заставленный книжными шкафами. Не медля ни секунды, Мари шагнула внутрь. Как же она соскучилась по каждому уголку Замка! В нос ударил запах старых книг. Сколько ассоциаций он вызывал, напоминая о долгих часах, просиженных над учебниками или увлекательными историями на миллионах страниц! В этом зале, правда, Мари бывала не доводилось. Книги на полках предназначались для преподавателей. Здесь хранилось и Зеркало. За исключением одного дня в году, когда выпускники покидали стены Академии.

— Мари Ситэрра, — навстречу вышла заместительница директора.

При взгляде на вечно сердитый орлиный нос Корделии, Мари показалось, что она не уходила из Академии. Будто не было невыносимо трудных месяцев.

— Зу Ловерта, — бывшая ученица почтительно склонила голову.

— Меня предупредили о твоём визите. Признаться, не ждала тебя так скоро. Думала, появишься ближе к совершеннолетию. Я недооценила твоего ослиного упрямства. Сколько запертых дверей поломала, разбивая о них лоб в поисках отца?

— Значит, Горшуа не солгал, — процедила Мари. Настроение Ловерты ей определенно не понравилось.

— Так это он тебя надоумил, — всплеснула руками Корделия. — Тьфу! Идиот!

— Я и без него много узнала. Моя мать жила в Зимнем Дворце. Ее *другом* был Рофус Сильвана, а позавчера арестовали Игана Эрслу.

— Знаю. За убийство дурочки Хлады.

— Зу Эрсла жаждал убить меня, а Королева под руку попала. Он сказал, я не должна была появляться на свет.

— Глупости, — Корделия поморщилась. — Этот-то сухарь тут каким боком?

— Вы мне скажите. Горшуа уверяет, вы знаете все.

— Все не знает даже солнце. Потому что половину суток спит.

— Зу Ловерта, — потеряла терпение Мари. — Если хотите поупражняться в остроумии, найдите иной объект. И повод. Мне не до шуток. Весь Дворец считает убийцу моим отцом.

— Глупцы! — выплюнула заместительница директора раздраженно.

— Я имею права знать! — крик Мари прокатился эхом по комнате и долетел до соседних помещений.

— Молчать! — Корделия скользнула мрачным взглядом по злому лицу бывшей ученицы. Осуждающе покачала головой. — Будь по-твоему, Ситэрра. Идем в мой кабинет. Но не смей повышать голос. Переезд в Зимний Дворец не дает право надирать горло в Академии.

— Зу Ловерта...

— Я сказала — молчать! Не смей открывать рот без разрешения!

Мари возвела глаза к потолку. Сколько бы интриг не плелось во Дворцах Королей, в стенах

лилового Замка ничего менялось.

Глава 27. Подснежник

Мари не была в кабинете заместительницы директора с ночи, когда посмела покуситься на платье, присланное в подарок паучихой. Сегодня лампы тоже были потушены. Хозяйка любила полумрак и предпочитала работать при свечах. Большие окна, выходящие на покрытое льдом море, подморозило и причудливо раскрасило. При взгляде на толстый слой заледеневшего снега на стекле невольно пробирал озноб. Ловерта укутала худые плечи белой шалью и устроилась в кресле рядом с весело потрескивающим камином. Но села к нему спиной. Ее лицо оказалось против света, не разглядишь эмоций.

— Ты хорошо подумала? — поинтересовалась Ловерта, поправляя уголок шали. — Аналитические способности — не твой конек. Хотя я годами твердила, что одной силы недостаточно.

— Мы не на уроке, зу Ловерта, — отмахнулась Мари. — У меня было время для размышлений. Целая жизнь.

— Это не значит, что ты готова к правде, — заместительница директора назидательно подняла палец.

— Хватит предисловий! — возмутилась юная стихийница. — Говорите: знаете, с кем встречалась моя мать или нет. У меня мало времени.

— О, да! Терпения тебе тоже никогда не хватало, — усмехнулась Ловерта. — Не морозь меня взглядом. Я отвечу на твой вопрос, но не пожалей потом.

Заместительница директор сделала эффектную паузу, во время которой изучала хмурое лицо бывшей ученицы, выискивая признаки слабости.

— Гадалка Вирту, — проговорила она мягко, будто интонация могла смягчить удар, — встречалась с сыном Фальды Сильваны — Рофусом. С ним и ни с кем другим.

— Чушь! — воспротивилась Мари. Содж Иллара однажды привел убедительные доводы, чтобы исключить имя любимчика Северины из списка отцов.

— Ошибаешься, — ледяным тоном возразила Корделия. — Именно этот стихийник стал отцом ребенка шу. Девочки.

Сердце дернулось. Дважды кувыркнулось и замерло.

— Мой отец — не Рофус! — Мари ударила кулаками по коленкам. — Я не похожа на него!

— Разумеется, нет, — голос хозяйки полутемного кабинета зазвенел. — Потому что ни он, ни гадалка не имеют к тебе отношения.

Мари чуть не съехала с кресла. Она ослышалась? Того, что произнесла заместительница директора, не могло быть.

Но Ловерта говорила всерьез.

— Вирту тебе не мать, — она перестала осторожничать и принялась рубить с плеча. — Ее ребенок умер через два месяца после рождения. В Дессоне. Лукас Горшуа нашел свидетелей — семейство ту, у которых Вирту работала. Они помогли ей похоронить малышку. На следующий день гадалка покинула их дом. За год она пересекла десяток городов и осела в Орэне. Доподлинно известно, что там Вирту появилась с тобой. Нашей с Горшуа задачей стало выяснить, не украла ли она тебя. Отличный вопрос, учитывая уровень твоей силы.

Мари била крупная дрожь, язык прилип к гортани. Голос Ловерты отдавался эхом. Громыхал в ушах и стучал в голове. Украла! Украла! Украла! Заместительница директора права — сердце не желало принимать *такую* правду!

— Кто же я? — Мари сквозь слезы посмотрела на женщину, разрушавшую ее мир.

— Стихийница, — спокойно ответила та. — Без примеси человеческой крови. Горшуа рассказал, что нашел личную вещь Вирту?

— Шкатулку. Но я не понимаю, зачем мама... — Мари зажмурилась и вонзила ногти в ладони, чтобы сдержать крик, — зачем *она* хранила завядший цветок.

Корделия хмыкнула.

— Ну, Лукас! Ну, конспиратор! Речь идет не о настоящем цветке. Смотри, — Ловерта вынула что-то

из кармана и в кулаке поднесла к лицу Мари. Разжала пальцы, и та увидела кулон в виде цветка, переливающийся от огня.

— Подснежник, — ошарашено прошептала Мари, не веря глазам. Цветок, сводивший ее с ума месяцы напролет наяву и во сне, оказался украшением. — Он принадлежал Вирту?

— Нет, — Корделия потрепала бывшую ученицу по бледной щеке. — В шкатулке лежало письмо. В нем гадалка призналась, что не состоит с тобой в родстве. Упомянула кулон. Он был на тебе, когда ты попала к шу.

— Письмо сохранилось?! Оно у вас?!

— Нет, — сердито бросила заместительница директора. — Лукас забрал его. Для страховки. Мне дал прочесть одну страницу из двух. Хитрец.

— Там написано, кто мой отец? И...м-м-мать? — Мари запнулась. Как же трудно произносить это слово применительно к другой неизвестной женщине!

— Нет. Только намеки и...

— Стоп! — дочь Зимы вытаращила глаза и широко раскрыла рот. — Подснежник! Зу Ловерта! Но ведь это Весенний цветок! У меня кулон с цветком! Это значит... значит...

— Не кричи! — приказала Корделия. — Разумеется, это значит, что у тебя смешанное происхождение, бестолочь! Думаешь, ты случайно всю жизнь тянулась к Весне? Но посмотри внимательно на кулон. Знаешь, из чего он сделан? Из льда! Льда, закаленного погодной магией! В искусственном цветке два Времени Года гармонично сочетаются друг с другом.

Ловерта позволила Мари взять украшение в руки. Та принялась жадно разглядывать Весенне-Зимний цветок. Не верилось, что это лед. Не чувствовала ладонь холода. И Зимней суровостью не веяло. Подснежник казался трепетным, нежным. Живым.

— Вы не ответили, зу Ловерта, — Мари крепко сжала кулон, прося у него душевных сил. — Кто мои родители?

— Когда выяснилось, что Вирту — самозванка, у меня появилось одна догадка. Пятнадцать лет назад похитили младенца. Девочку. Следствие пришло к выводу, что ее убили, однако я всегда сомневалась. Но в письме гадалки мы не нашли подтверждения этой версии, — Ловерта тяжело вздохнула. — Вирту поведала, что забрала тебя для твоего же блага. Благодаря дару предвидения она поняла, что так будет лучше. А еще, что в тебе течет золотая кровь.

— Какая кровь? — переспросила Мари растерянно.

— Золотая, — повторила Корделия. — Королевская. Но какого именно клана — Зимнего или Весеннего, Вирту не потрудились пояснить. Лукас решил, ты — Дората, раз принадлежишь Зиме. Носился по этому самому кабинету и клялся, что на второй странице письма есть указание на младшего Принца. Лукас уверял, что у Снежана был незаконный ребенок твоего возраста.

Мари не верила ушам. Сыщик решил, ее отец — Снежан Дората? Глупец!

— Абу Горшуа ошибся, — выдохнула она через силу. — Принц не имеет ко мне отношения.

— Ситэрра, я понимаю, это непросто принять, — принялась утешать Корделия снисходительным тоном. — Но ты...

— Горшуа не прав! — перебила Мари. — У Снежана есть ребенок. Но это мальчик. Я знаю, кто он, и где его прячут.

Настала очередь Ловерты растеряться. Она с трудом поднялась. Пошатываясь, прошла по кабинету. Остановилась и посмотрела на Мари, прижав ладонь к губам.

— Неужели, правда? — прошептала она. — Если так, я совершила самую страшную ошибку в жизни! — Ловерта ринулась назад. — Ситэрра, ты уверена?! Уверена?!

Цепкие руки вцепились в плечи бывшей ученицы.

— Да! — Мари попыталась высвободиться. Она ни разу не видела Ловерту столь взбудораженной, с сумасшедшими, горящими глазами. — Инэй Дората прячет его с рождения. Мальчик не подозревает, что он — наследник Зимнего престола. Я случайно в это вляпалась и теперь вынуждена хранить тайну.

— Великие небеса! — Ловерта выпустила Мари и упала в кресло. Провела рукой по взмокшему лбу.

— Что же мы натворили? Я лично убедила *ее*, что ты — не похищенная девочка. Старая дура! Доверилась сыщику-идиоту!

— Кого убедили? — Мари придвинулась к Ловерте. — Кого?!

— Стихийницу, заподозрившую родство с тобой. После представления, что ты устроила в Орэне. О, небо! Если ты — тот самый ребенок, я собственноручно лишила тебя семьи.

— Кто они? — Мари пришлось постараться, чтобы голос не сорвался на крик. — Кто родители *той* девочки?

Ловерта нащупала на каминной полке зеленую склянку. Глотнула и закашлялась. В комнате запахло терпкими успокоительными травами.

— С происхождением малышки не все просто, — проговорила она хрипло и вытерла заслезившиеся от кашля глаза. — Кто отец — загадка. Это был тайный роман.

— А мать? — Мари вцепилась в подлокотники.

— Апрелья Верга. Вряд ли это имя тебе что-то говорит.

— Говорит. Она дочь советницы Майи. Ее... ее... убили, — Мари с трудом закончила фразу и закусил губу. Почти до крови.

— Верно. Убили, — Ловерта помолчала и продолжила с ожесточением. — Апрелья была талантливейшей стихийницей. Не столь красивой, как двоюродная сестра Веста, но обаятельной. Мне она всегда казалась рассудительной. Однако вышло иначе. Бедная девочка потеряла голову от любви. Мать, узнав о ее беременности, устроила скандал. Майя сама воспитывала дочь без мужа. Хотела для нее другой судьбы. Девочка не призналась, кто отец ребенка. Сказала лишь, что он из Зимнего Дворца. Апрелья сбежала из дома. Майя сбилась с ног, разыскивая ее. Жалела, что ругала. Через несколько месяцев от девочки пришло письмо. Она пряталась в параллели Юнитры. Написала, что родила дочь, просила у матери прощения. Майя кинулась туда. Но опоздала. Апрелью и ее служанку убили. Младенец исчез.

Мари вытерла пробежавшие по щекам слезинки. Это ее история?! Нет! Слишком ужасно!

— Преступника не нашли, верно?

— Сыщики решили, убийца — отец ребенка. Зимняя принадлежность злодея была налицо. Обеих женщин заморозили насмерть.

Мари застонала.

— А вы? — спросила она через силу. — Что думаете вы, зу Ловерта?

— Все возможно, — заместительница директора пожала плечами. — Но вот, что мне не давало покоя. Какой смысл забирать дитя, если хотели лишить жизни? Проще было оставить тело девочки. Раз забрали, значит, не собирались убивать. Поэтому той малышкой можешь быть ты. Происхождение смешанное — Зима и Весна.

— А как же *золотая* кровь?

— Отцом может быть кто-то из клана Дората. Хотя... — Корделия снова глотнула из склянки. — Снежан отпадает. Инэй... ох, не знаю. У него явные проблемы с продолжением рода. Похождением Бурана я бы не удивилась. При такой жене, как Северина, не трудно взывать белугой. Но есть и другой вариант Королевских корней. Когда родилась Апрелья, ходили слухи, что ее отцом был Король Цвет — несостоявшийся супруг Майи.

— Глупости! — возмутилась Мари, вспомнив рассказ Тиссы перед Весенней свадьбой. — Цвет Флорана не хотел на ней жениться. Предпочел младшую сестру — Сирению.

— Исключительно из-за ее покорности, — заметила Ловерта. — Неровно дышал Цвет как раз к Майе. Но не смог справиться с ее вольным характером.

— Не хочу вам верить! — Мари вскочила и кинулась к окну. Коснулась горячим лбом ледяного стекла. Прикрыла веки. — Нет. Это не я. Не я!

Жестокое воображение легко нарисовало жуткую картину. Тело черноволосой женщины на полу, немного похожей на Весту. Блондина уходящего в ночь с плачущим младенцем на руках.

— Почему тебя пугает родство с кланом Верга? — Корделия подошла так тихо, что Мари вздрогнула и ударилась головой о стекло.

— А вы как думаете?! — яростно крикнула она Ловерте в лицо. — Я сходила с ума, думая, что отец меня бросил! А теперь вы говорите, он убил мою мать! Как с таким жить?!

— Зато у тебя может появиться бабушка, — нашла аргумент Корделия. — И защита от безумной Королевы Северины. Майя Верга занимает высокий пост в независимом совете и приходится теткой Принцессе Весны. Веста сейчас сама в опале. Но это не навсегда. Она умная девочка. Найдет способ справиться с Эллой.

Однако предполагаемое родство с Принцессой не успокоило Мари.

— Не хочу! — расплакалась она. Впервые на глазах у заместительницы директора, не выносившей слез учеников. — Я даже с Весенней кровью не в состоянии сладить! Она никогда не даст мне жить спокойно!

— Ты не пробовала контролировать Весну внутри себя, — Корделия взяла Мари за руки и отвела обратно к камину. — Ты понятия не имела о ее существовании и не понимала, что с тобой творится. Теперь все встанет на места. Что до родственников, мы не в ответе за их грехи.

— Вам легко говорить, — Мари взобралась в кресло с ногами и прижалась к спинке, как испуганный зверек. — Вы не знаете, каково это!

— Отчего же? — Ловерта тяжело вздохнула. — Если покопаться, у каждого уважаемого семейства отыщутся тайны. Мое — не исключение. Мать вышла замуж согласно свадебному договору, подписанному родителями. Мне трудно винить ее в неверности нелюбимому мужу. Но ей пришлось до конца дней благодарить небо, что я получила Зимнюю силу, а не Летнюю — от настоящего отца. Как думаешь, легко, когда в тебе живут два несовместимых Времени Года? Зима и Лето — сочетание опаснее, чем Зима и Весна. Кстати, стихийника, подарившего мне жизнь, казнили. Он поднял восстание во Дворце Лета. Пытался свергнуть отца Короля Агуста. Однако я не считаю это поводом для страдания. Имей в виду, Ситэрра, — Корделия наклонилась к гостье. — Расскажешь кому-нибудь, заморожу насмерть. Поняла?

— Да, зу Ловерта, — Мари вытерла нос тыльной стороной ладони. После откровений заместительницы директора леденящий кровь ужас отступил, осталась горечь. — У меня нет привычки распускать сплетни.

— Знаю, ты благородней многих стихийников, учившихся в этих стенах, — улыбнулась Корделия. — Хочешь, поговорю с Майей о тебе?

— Нет! — дочь Зимы замотала головой.

От одной мысли об общении с бабушкой, захотелось спрятаться. Мари всю жизнь готовилась плюнуть в лицо отцу, если тот отыщется. О благосклонно настроенных родственниках она никогда не думала и растерялась. Сначала нужно доказать, что они с Майей принадлежат одному клану. А уж потом знакомиться.

— Ничего ей не говорите. Я не готова. Прошу!

— Хорошо, — нехотя кивнула Корделия. — Но советую не затягивать. Ты сама не понимаешь, чего себя лишаешь, девочка.

— Я могу забрать кулон? — Мари приложила максимум усилий, чтобы Ловерта поняла, что отрицательный ответ не принимается.

— В Зимний Дворец? Очень правильное решение! — поморщилась та и добавила, глядя, как бывшая ученица застегивает цепочку на шее. — Когда накликаешь беду Весенним цветком, не говори, что я тебя не предупреждала.

К возвращению Мари во Дворец, стихийники закончили украшать пятнадцатый этаж и разошлись. Результат многочасового труда вновь вызвал неприятные чувства. Бумажный снег на стенах напомнил уродливые рюши с платья Фальды Сильваны в день переезда в Замок. Руки зачесались поддержать недавний порыв Джеба Лоэ и сорвать гроздья снежинок.

— Что за мерзость? — полностью разделял мнение Мари Инэй Дората, вывернув из-за угла в сопровождение Бо Орфи. — Матушка бы еще на себя пару гирлянд нацепила. Заменяла бы новогоднюю елку.

— Прикажете все переделать, Ваше Величество? — услужливо поинтересовался стражник.

— Нет, — Король махнул рукой. — Ни к чему вваливать на стихийников лишнюю работу. Ситэрра! Стоять! — приказал он побледневшей Мари.

Несмотря на утреннюю, вполне адекватную беседу, она побаивалась гнева Его Величества. Но в планы Инэя не входило устраивать взбучку. Он извлек из кармана камзола конверт с именем Мари, выведенным аккуратным почерком Тиссы Саттер.

— Одна наша общая знакомая, — Король сунул письмо в руки подданной, — просила передать, что выполнила свою часть сделки. По первому же приказу, ты поступишь в ее распоряжение. Бо, — повернулся Инэй к вытянувшемуся стражнику, — загляни к Руфине Лоэ, передай, буду ждать ее с утра. Нужно обсудить ситуацию. Чего замерли? Оба свободны, — и насвистывая песенку, Король зашагал прочь. Но вдруг выругался и сдернул со стены большую гирлянду.

Бо проводил Повелителя удивленным взглядом, Мари закатила глаза. Кто бы мог подумать, что этот стихийник умеет преподносить сюрпризы.

— Что не так с Лоэ? — спросила она Бо.

Неужели, скандал, устроенный главой клана, имел последствия?

— Арестовали бывшего свекра Его Величества. По приказу Королевы-матери, — шепотом поведал стражник, озираясь по сторонам. — Бушевал в коридоре. Праздник грозился сорвать. Понятно, что тяжело ему на веселье смотреть. Но надобно и о родных думать. О жене и дочке несовершеннолетней.

— Что с ними будет? — Мари поежилась. Как же легко все потерять в этом Дворце. Сегодня ты фаворит, а завтра — узник подземелья.

— Ничего страшного, — заверил Бо, предав бородатому лицу всезнающее выражение. — Поддержат за решеткой, чтобы ни ему, ни другим неповадно было, да и выпустят. Но семейству придется в отверженных походить. Слушай, я с тобой о другом поговорить хотел. Только молчок. Иначе мне головы не сносить.

— Зу Орфи! — возмутилась стихийница, не обрадовавшись, что очередной секрет вот-вот обрушится снежной лавиной.

— Тс-с-с! — прошипел Бо.

— Ничего не хочу знать, — объявила Мари и руки на груди показательно сложила.

— Даже о стихийнике, пытавшемся тебя жизни лишить? — стражник лукаво приподнял мохнатые брови. — Про слова его последние? О тебе, между прочим.

Мари вскрикнула и чуть не села прямо на пол.

— Как? — благоговейно прошептала она, хватая огромные ладони Бо. — Откуда вы знаете?

— Оттуда, — стражник снова огляделся, но коридор пустовал. — Это меня послали привести погодника на допрос. Но когда я открыл камеру, он едва дышал. Хрипел и об пол бился.

— Можно без красочных подробностей?

Способ, которым Эрсла покончил с собой, вызывал омерзение и тошноту.

Бо понимающе крякнул и продолжил:

— Зло меня взяло, как увидел его жалким. Тряхнул хорошенько. Спросил, за что он так с тобой. Мерзавец засмеялся. Сказал, такому идиоту, как я, не понять, насколько сладка месть. Пусть те, кого он наказывает, об этом и не подозревают. Во как! Больше я ничего спросить не успел. Погодник дух испустил. С нахальной улыбочкой на губах.

— Мсть? — переспросила Мари удивленно. — Что это значит?

— Кто ж разберет, — пожал плечами стражник. — Я решил держать рот на замке. Королю ничего не сказал. Подумал, не нужны моей маленькой подружке новые проблемы, верно ведь? Только ты меня не выдавай. Узнает Его Величество о лжи, темница станет домом.

— Не выдам! Клянусь! — горячо пообещала стихийница и крепко обняла Бо, уткнувшись лбом в упитанный бок.

Мари не заметила, как преодолела оставшиеся этажи, миновала вход в сиротский дом и добралась до спальни. Не обратила внимание ни на перешептывания сироток, ни на Юту Дейли, проводившую ее сердитым взглядом. Мозг напряженно работал, соединяя в единое целое сведения, полученные

за последние часы.

Выводы напрашивались неутешительные. Если Ловерта права, и Апрелия Верга приходилась Мари матерью, кто же тогда Иган Эрсла? Отец? Убил бывшую подругу, а совместного ребенка выбросил в людском городе? На роль убийцы молодой дочери Весны главный погодник подходил идеально. Его страсть к смертельным заморозкам теперь ни для кого не секрет. Но кому он мстил? Апрелия мертва. Майе? Но за что?

Или все по-другому? Может, Иган Эрсла не имел отношения к появлению Мари на свет, а мстил ее настоящему отцу. Вдруг тот не чудовище, как она всю жизнь считала. Вдруг ему была безразлична покойная Апрелия, а ее смерть и похищение младенца — наказание? Та самая месть?

Мари, ходившая туда-сюда по крохотной комнате, остановилась у окна. Нет, слишком красивой получилась последняя версия. О добром отце, у которого ее похитили. Мужчина, оставивший девушку с ребенком, по определению, мерзавец. Он не заслуживает ни прощения, ни жалости!

Прочитать бы вторую страничку письма мамы, спрятанную Лукасом Горшуа! Мари вздрогнула. Она была не в силах думать о гадалке, как о чужом человеке. Но внутри копошащимися червячками зрели обида и гнев. Если Вирту, прикрываясь добрыми намерениями, лишила ее семьи... Нет! Мари не захотела заканчивать мысль. Смазанный безжалостной памятью образ приемной матери вызывал щемящую грусть, затмевая думы о женщине, подарившей ей жизнь. Да, невинной, но далекой и неродной.

Вспомнив о письме Вирту, Мари сообразила, что сжимает в руках конверт Тиссы. Он помялся и выглядел так, будто его пожевали, но передумали доедать и выплюнули. Дочь Зимы разорвала покалеченную бумагу и с жадностью принялась читать. В каждой строчке сбивчивого письма подруги сквозили противоречивые чувства. Сердце подсказало, что за напускной радостью Тиссы прятались страх за судьбу отца и неуверенность в будущем.

«Мы отбываем на рассвете. Элла запретила пользоваться Зеркалом, поедем своим ходом. На срединную территорию. С мамой вдвоем. Тетка Весты — Майя Верга — обещала найти нам жилье. Немного боязно, но все лучше, чем оставаться во Дворце. Наверное, я смогу вернуться в Академию после Зимних каникул. Мама постоянно плачет. Из-за отца. Но Веста сказала, ему будет спокойнее, если мы проживем вдали от Эллы. Принцесса пообещала передать тебе письмо. Не знала, что у вас появились общие дела. Надеюсь, ты в порядке...»

Мари сложила лист пополам и медленно опустила на пол. Нет, она не в порядке. Совершенно! Однако маленькой подружке, освободившейся из цепких лап Королевы Весны, знать этого не полагалось.

Глава 28. Кровь и пепел

Утром на теоретических занятиях Мари то и дело посматривала на Верну. Младшая дочка арестованного Джеба Лоэ выглядела плачевно. Губы в одну линию, взгляд в пол. Куда подевались самодовольство и высокомерие? Мари не злорадствовала, хотя в глубине души соглашалась, что вредная девчонка получила по заслугам.

Зато Дайра светилась, как новогодняя елка.

— Лоэ предупреждали, чтобы не роднились с Королевским кланом вместо нас, — громко объясняла она остальным девочкам. — Никто не виноват, что не послушались. Теперь справедливость восторжествовала.

Дронан за спиной у Дайры изобразил, будто его стошнило. Мари улыбнулась. Хоть кто-то разделял ее чувства. Подойти бы и отвесить вредной девчонке подзатыльник. Неужели, не понимает, что удача может отвернуться и от ее семьи? Подружки из именитых кланов слушали Дайру из вежливости. Гораздо больше всех интересовал вечерний праздник. Верну быстро забыли и перешли к обсуждению нарядов. Младшая Лоэ заткнула уши и выбежала вон.

Мари тоже предпочла не задерживаться в классе. Разговоры о торжестве навевали дурные воспоминания. Оба Дворцовых праздника, на которых довелось побывать, закончились трагически. Отсутствие приглашения на третий грело душу. По дороге в сиротский дом Мари строила планы на вечер. Незамысловатые и обыденные: улизнуть к себе и поваляться в постели, отдохнуть после напряженных дней, подумать в спокойной обстановке.

Увы, мечты о спокойном вечере разбились вдребезги. На кровати поджидали новый белоснежный наряд и письмо от Уны Эрнэ. Мари чуть ногами не затопала. Опять рабская повинность в компании Королевы Северины! Наверняка, и Дайру Норди пригласят! Вот тоска зеленая!

Не успела Мари переварить одну неприятную новость, как дверь крохотной спальни без стука распахнула Юта Дейли и огорошила другой.

— Ситэрра, тебя срочно вызывают, — объявила она ядовито, с ненавистью покосившись на присланное платье. — В Погодную канцелярию.

«Зелье взорвалось», — подумала Мари, ежась. День точно обещал войти в историю.

Однако оказалось, вызвана не только она. В скромной, заставленной склянками, комнатухе сидели мрачные Дронан и Дайра. По лицу последней и не скажешь, что час назад радовалась чужому горю.

— Целая комната взорвалась, — поведал Дронан шепотом. — Говорят, из-за наших зелий.

У Мари подкосились ноги. Ну, все! Черный волос аукнулся бедой. Вот тебе и блестящая ученица! Разнесла полканцелярии с первой попытки!

— Все в сборе? Отлично!

Перед испуганными стихийниками появился Хэмиш Альва. Вытащил на середину комнатухи стул, уселся задом наперед, положив руки на спинку.

— Я не собираюсь никого ругать. Хочу выяснить, что каждый из вас сделал не так. Особенно Дайра и Мари. Не расслабляйся, Дронан, ты тоже напортачил. Перепутал очередность ингредиентов. Крышку твоего зелья вышибло вчера вечером. Девочки же постарались на славу. Творение Дайры утром разнесло шкаф и покалечило другие сосуды. Ликвидацией последствий сотрудники будут заниматься до завтра. Закваски перемешались. Некоторые прилипли к полу. Сочетания других вызвали новые взрывы. Придется делать капитальный ремонт в зале. Но самое изумительное — во всем этом хаосе не пострадала одна закваска. Сосуд остался цел. Ни единой трещинки! Речь о твоей работе, Мари.

Дайра громко выругалась, Дронан присвистнул. Мари вытаращила глаза, открыла рот и снова закрыла, не придумав, что сказать.

— Ваши рецепты, — погодник вручил исписанные листы. — Перечитайте внимательно и постарайтесь понять, где допустили неточности.

Дайра отчаянно свела брови. Дронан, шепча что-то неразборчивое, принялся водить пальцем по строчкам. Мари на длинный рецепт не взглянула.

— Я помню, что сделала не так, — ответила она на вопросительный взгляд Хэмиша. — Я не знала, где взять белокурый женский волос — в шкафу их не нашлось. Положила свой.

— Спросить сотрудников канцелярии ты, конечно, не догадалась, — констатировал погодник грустно. — Волосы хранятся отдельно. Под замком. В специальном растворе, помогающем сберечь их силу. Вы ведь знаете, что волосы используются не только в качестве ингредиентов для зелий.

— Пояса Стихий! — выпалила Мари. Следовало догадаться, что материал для могущественных изделий, не будет лежать, где попало.

— Правильно, — подтвердил Хэмиш. — И все же советую посмотреть список. Не мог твой черный волос вызвать столь необычный эффект. Во всех рецептах мы пишем «белокурый волос», потому что другие во Дворце встречаются редко. К тому же... Стоп! — глаза погодника превратились в два восклицательных знака. — А кровь ты откуда взяла?! Не говори, что использовала собственную! Ну, Ситэрра! — Хэмиш верно истолковал молчание Мари и стукнул ладонью по спинке стула. — Собственную кровь имеет право добавлять в зелья лишь высший состав канцелярии. Или Король! Ладно, без паники, — сбавил обороты погодник, заметив, как побледнела ученица. — Это моя вина. В Академии не объясняют некоторых особенностей приготовления зелий. Ты не знала, что создаешь запрещенную закваску.

— Что будет с зельем? — полюбопытствовал Дронан. — Интересно, какие у него свойства.

— Это мы узнаем, когда оно созреет, — улыбнулся Хэмиш. — Возьмем пару капель и проверим эффект. Обычно мы используем кровь разных стихийников. Она собирается в общий сосуд и тщательно перемешивается. Кровь собственная позволяет в разы увеличить масштаб действия — создать погоду не в одном городе, а сразу в нескольких. Однако подобные зелья применяются в исключительных случаях. Вдруг создатель ошибется. Последствия могут быть непредсказуемы, учитывая территориальный размах.

— Вы хотите использовать мое зелье несмотря на опасность? — переспросила Мари. Затея показалась нелепой.

— Две капли проблем не наделают, — заверил Хэмиш. — Однако нам потребуется разрешение зу Эрса... — мужчина едва не подавился именем. — Разрешение нового главы канцелярии. Думаю, им станет зу Герта.

— Кто?! — ужаснулась Мари.

— Зу Вилан Герта, — повторил Хэмиш. — Племянник близкой подруги Королевы. Ее зовут Оруза Герта. Их клан очень древний, но, как и многие другие, вырождается. Вилан с юности работает в канцелярии. В последние годы был правой рукой начальника. Теперь он главный кандидат на высокий пост.

Мари притихла. Значит, ее будущий родственник будет управлять этим местом. Интересно, он такой же мерзкий, как Эльмар?

В ответ порог перешагнул высокий немолодой стихийник с вытянутым лицом.

— Зу Герта! — вскочил Хэмиш.

— У нас проблемы, зу Альва, — отчеканил тот высокомерно. — Исследование взорвавшегося образца показало неприятные результаты. Сила стихийницы, приготовившей его, искажена. Полагаю, это она, — костлявый палец указал на Дайру. — Очень похожа на Рейма. Идемте, зу Норди. Ваши родители обсуждают ситуацию с Их Величествами.

— Мари, Дронан, вы свободны, — быстро сориентировался Хэмиш и подтолкнул двоих юных стихийников к выходу.

Выйдя из канцелярии, Дронан утащил Мари на этаж вниз — посекретничать.

— Вот это номер, — ошарашено зашептал он. — Искраженная сила — огромная редкость. Куда смотрел зу Иллара? В последнее время Дайра постоянно создавала не то, что надо. Вспомни реку! Да и на испытании в Академии ее сила вдруг поменяла уровень. Это ведь не совсем нормально.

— Что такое искаженная сила? — Мари не верилось, что Дронан знал о погодной магии что-то неизвестное ей.

— Сила меняется и перестает слушаться. Такое иногда случается после тяжелой болезни, как с моим дядей Арви. Но Дайра не болела, так?

Мари пожала плечами. В последние месяцы в Академии вредная девчонка не знала, куда приспособить кипучую энергию, дабы навредить ненавистой четверке. Чего только затея с платьем Корделии Ловерты стоила!

— Нам пора на праздник, — напомнила Мари Дронану.

— Ой! — пискнул он. — Надеюсь, нас не хватились!

Но из-за зелья Дайры паучихе стало не до свиты. Два десятка юных стихийников, приглашенных Ее Величеством, расставили по периметру бального зала. От скуки Мари принялась глазеть в окно на покрытое льдом море, за что получила нагоняй от Уны Эрнэ. — Что стало с твоим дядей? — спросила Мари Дронана несколько минут спустя, едва разжимая губы. Стоять истуканов часы напролет — слишком нужное занятие, а разговоры — отличная возможность скоротать резиновое время. — Его же не арестовали?

— Нет, — парень нахмурился. — Темницей страшали, если посмеет пользоваться погодной магией. Дядя Арви — не дурак. Понял, во Дворце ему не рады, и переехал на срединную территорию. Я его не виню.

Народу в огромном бело-голубом зале прибавлялось с каждой минутой. Оркестр исполнял одну мелодию за другой, однако стихийники не спешили танцевать. Гости присаживались на украшенные искусственным снегом скамейки или собирались небольшими группами для светской болтовни. Видимость движения создавали официанты, сновавшие туда-сюда с вином и закусками.

Мари тоскливо сглотнула под аккомпанемент пустого желудка. Пообедать сегодня не удалось. Интересно, как долго они обязаны здесь торчать? До конца праздника? Он, наверняка, растянется за полночь. Чтоб паучихе подавиться!

— Ох, — простонала Мари, думать забыв о еде.

В дверях появился будущий супруг под руку с незабвенной бабулей. Оба шмыгали длинными носами и придирчиво шныряли взглядами по сторонам, выбирая к которой из компаний присоединиться. Эльмар заметил Мари и что-то зашептал бабке. Та хмуро скользнула взглядом по невесте внука, оценивая наряд. Мерзкий жених хитро прищурился и причмокнул губами — посылая поцелуй. Мари чуть не вырвало.

— Что с тобой? — озадаченно спросил Дронан. — Огонь можно взглядом разжигать.

Отвечать не пришлось. Порог, наконец, переступили ожидаемые всеми Величества. Бледный Инэй ворвался стремительно. Северина — раскрасневшаяся и злая — плелась позади вразвалку. Музыка смолкла. Подданные отвесили поклоны в унисон, приложив правые руки к левым плечам.

Король был не в том настроении, чтобы произносить длинные, а тем более, торжественные речи. Ограничился приветствием и пожеланием хорошо провести вечер. Кивнул музыкантам, взял бокал белого вина и устроился на троне. Не прошло и минуты, как середину зала заполнили желающие потанцевать и повеселиться. Обитатели Зимнего Дворца соскучились по праздникам за почти полгода траура.

Мари смотрела на кружащиеся пары остекленевшими глазами. На них и сквозь них. Думала, как ни странно, о Дайре. Интересно, что с ней стряслось? Когда та завалила испытания в Академии, Мари и в голову не пришло, что это тревожный звоночек. Последние ляпы воспринимала не иначе, как ошибки. И вот поди ж ты! Искажение! Рейм, наверное, рычит от ярости. Неудивительно, что никого из благочестивого семейства не явился на праздник.

— Вас вместо статуй поставили? — пошутил подошедший к ученикам Хэмиш Альва.

Мари одобритительно покосилась на темно-синий костюм погодника (нестандартный, пусть и Зимний) и забросала вопросами о Дайре. Дронан молчал, но светящееся любопытством лицо и его выдавало с головой.

— Нечего рассказывать, — развел руками Хэмиш. — Девочке запретили пользоваться даром. Рейм не в восторге. Но выбора ему не оставили. Их Велиществам не понравилась ситуация. Проблемы с даром могут вылиться во что угодно.

Мари хотела расспросить погодника, часто ли происходит искажение силы, и что становится тому причиной, но зал огласили громкие крики, заглушая воздушный вальс. Сердце сделало сальто и рухнуло с высоты. Память поочередно нарисовала неподвижные тела Хлады и Мартэна.

— В окне! — заголосил кто-то. — О, небо! Это проклятье!

Мари обернулась и ахнула. Глазам предстала странная картина. Невозможная и зловещая. Сверху на Дворец сыпался черный снег. В невероятном количестве.

— Ваше Величество! Зу Герта! — в зал, задыхаясь, влетел молодой стражник. — Простите! Но там... там... — от быстрого бега у юноши сбилось дыхание. — Там не снег. Это... это пепел!

Тревожные взгляды приковались к вскочившему на ноги Инэю.

— Герта? — Король повернулся к стихийнику, исполняющему обязанностями главы погодной канцелярии. — Как это, — он указал пальцем в сторону окна, — понимать?

— Там должен идти снег, — под гневным взглядом ледяных синих глаз родственничек Эльмара сжался, мечтая раствориться. — Как и заказывала Ее Величество. Из личных запасов начальника. То есть, бывшего начальника. То есть...

Лицо Короля сделалось страшным.

— Это вам пришло в голову использовать зелье Игана?

Герта быстро переглянулся с Королевой.

— Ты! — начал Инэй, обращаясь к матери, нервно поправляющей накидку на широких плечах, но закончить фразу не дали.

— Ваше Величество! — к трону подбежал взмыленный Бо Орфи. — Не извольте гневаться. Но я должен доложить!

— Я не слепой. Вижу, что за окном творится, — оборвал его Король, желая прекратить этот разговор и вернуться к предыдущему.

Но стражник приложил ручищи к груди.

— Я не про погоду, Ваше Величество! Парни ко мне примчались. От других ребят, что Шар охраняют. С ним неладное творится. Пеплом изнутри покрывлся. Ничего не разглядеть!

— Нет! — Король пошатнулся.

— О, небо! — вторили повелителю Зимы голоса Грэма и Хэмиша.

— Что это значит? — Мари потянула погодника за рукав.

— Пепел сыпется с неба по всей стране, — прошептал он, не сводя глаз с Его Величества.

Инэй, ставший одного цвета с костюмом, принялся раздавать приказы направо и налево. Тоном, далеким от ледяного.

— Арестуй этого идиота! — велел Король, кивнув на дядю Эльмара. — Грэм! Собери десять высших стихийников и веди на крышу! Всем остальным приказываю возвращаться домой и выходить до особого распоряжения! Хэмиш! Идешь с нами! С этой минуты ты возглавляешь Погодную канцелярию. Не спорь! — потребовал Король, пока ошалевший погодник протестующе замотал головой. — Не перечить! Действовать! А ты! — Инэй повернулся к матери. — Иди к себе! Посмеешь покинуть покои, отправишься следом за протеей в темницу! Клянись небом!

Мари подумала, что, говоря о высших стихийниках, Король имел в виду взрослых. Схватила за руку Дронана, и бросилась к выходу, пока туда не хлынула толпа. Большинство гостей пребывало в ступоре и не спешило сдвигаться с места. На выходе Дронан отдал ногу Эльмару Герту. Но тот не пикнул. На лице застыла гримаса ужаса, он и Мари не признал. Ух, как перепугал мерзавца арест родственничка. Не стал ждать бабку. Сбежал, поджав хвост, в одиночку.

— Куда собралась, Ситэрра? — Мари перехватил Грэм. — Ты идешь на крышу. А ты, Дронан, домой. Ситэрра, шевелись. Ступай за Хэмишем!

По дороге наверх шокированный внезапным назначением погодник не проронил ни слова. Вдыхал тяжело, но ногами перебирал шустро, ведя Мари через владения Королей. Лестница вывернула в знакомую гардеробную, в которую в прошлый раз она попала из канцелярии. Мари сунула ноги в первые попавшиеся сапожки, схватила меховую накидку.

Снаружи пепел выглядел страшнее. Как черный снег, проклятый людьми, стихийниками и небом. Он оседал на одежде, волосах и коже, оставляя темные разводы. Мари оглядела собравшихся. Все до единого, взрослые. Кроме Грэма и Хэмиша, она знала в лицо лишь одного стихийника — секретаря Его Величества Витта Мурэ, кудрявого парня с небесными глазами. Он стоял в стороне. Витт не был высшим стихийником. Поднялся на крышу, чтобы исполнять секретарские обязанности, если понадобится.

Через пять минут появился Король в сопровождении Бо Орфи. Ожидавшие Повелителя стихийники из-за пепла выглядели так, словно лазили по печным трубам. Инэй появился перед подданными в легком праздничном костюме. С Шаром Стихий в руках — темно-серым, с прилипшим к стеклу пеплом изнутри. Остановился напротив лучшего друга — чумазого и мрачного. Отдал ему символ

Королевской власти.

— Возьмитесь за руки и встаньте вокруг нас, — велел Грэм звенящим голосом. Кошмарные осадки шокировали и его. — Не размыкайте круг. Он усилит концентрацию силы. Только вместе мы сможем разрушить злые чары убийцы Королевы! — он повернулся к другу, держа перед ним Шар на вытянутых руках. — Мы готовы, Инэй.

Король кивнул и несколько раз сжал кулаки, разминаясь. Одежда и волосы успели испачкаться за считанные секунды. Но он все равно оставался белее всех на крыше и казался на фоне черноты нереальным существом. Мари прежде не видела, чтобы Его Величество пользовался погодной магией, и не задумывалась, насколько хорошо он ею владеет. Оказалось — блестяще. Мари не успевала следить за пальцами Инэя, плетущими узор исправления над Шаром, отвечающим за погоду в каждом уголке страны. Движения были уверенны, стремительны и точны. Не верилось, что кто-то или что-то может помешать Королю. Но минуты бежали, и ничего не менялось. Ни вокруг маленькой группы, ни внутри Шара.

— Что думаешь? — спросил Инэй Грэма, обрывая плетение.

— Без крови не обойтись, — с отвращением процедил тот. — Одним узором не победить. Даже Королевским.

Инэй достал из кармана складной нож. Мари поняла, что он собирается сделать, но не удержалась от громкого возгласа, когда Король полоснул по ладони. Острое лезвие глубоко разрежало плоть. Кровь ручьем хлынула на Шар, побежала по белому рукаву, закапала на пепел под ногами.

Его Величеству пришлось плести узор одной рукой. Вторая — раненая, легла на символ Королевской власти, окрашивая в багряный цвет и черное стекло, и ладони Грэма. Мари вдруг подумала, что, несмотря на омерзение, более завораживающей картины ей видеть не доводилось. Воздух насквозь пропитался мощной погодной магией.

В небе гроыхнуло. Сначала протестующе и угрожающе. Затем жалобно. Протяжно. Пепел начал редеть на глазах. Несколько черных мух, кружась, зависли в воздухе — на пару последних мгновений, чтобы покорно лечь к ногам повелителя Зимы. Инэй облегченно вздохнул и крепче вдавил ладонь в Шар Стихий. Здоровая рука принялась плести новый узор — снега.

Белая крупа сыпанула сверху, будто кто-то создал в небе огромную прореху. Мари запрокинула голову, чтобы чистый мокрый снег облепил лицо и смыл грязь. Снежинки не кололись. Касались кожи бережно. Таяли и водой стекали вниз — по щекам и шее.

— Смотрите на Шар! — крикнул кто-то. — Пепел исчез!

И правда. Мари перевела взгляд на магический предмет в ладонях учителя и не обнаружила черноты. Внутри Шара, как и у стихийников над головами, шел снег. Картину можно было бы назвать волшебной, если бы не кровавые разводы на стекле.

— Хэмиш! — Король перестал плести узор и опустил руки. — Собери сотрудников. Проследите, чтобы снег засыпал пепел. Немедленно начинайте ревизию всех зелий и заквасок. Проверьте каждый сосуд. Во Дворце не должно остаться ничего, приготовленного рукой Игана Эрслы. Витт! — обратился Инэй к секретарю. — Составь два приказа. Первый о назначении Хэмиша Альвы на должность главы Погодной канцелярии. Вторым, запрещающий жителям Дворца выполнять приказы моей матери. Любые. Нарушителя ждет изгнание без права на возвращение. В чем дело? — усмехнулся Его Величество, взирая на притихших подданных. — Гадаете, в здравом ли я уме? Не беспокойтесь о моем здоровье. Подумайте о собственном, дабы избежать искушения послушаться. Все свободны.

Инэй грубо оттолкнул руку Грэма, протягивающую платок, чтобы перевязать рану. Зашагал прочь, оставляя за собой алые капли.

Мари не дошла до сиротского дома. Ее выжали, как дольку лимона над чашкой чая. Силы схлынули, оставив тяжесть. Споткнувшись раз двадцать подряд, она дала уставшим ногам передышку. Села на лестнице между пятнадцатым и четырнадцатым этажами, прижалась головой к перилам. Так бы и уснула, не найди ее Грэм.

— Хотел убедиться, что ты дойдешь, — пояснил учитель, усаживаясь рядом. — Что, хорошо выгляжу? — лукаво улыбнулся он. — Ты сегодня, прости за откровенность, тоже не победишь в конкурсе прелестниц. Разве что в состязании трубочистов.

Мари прыснула. Хотела вытереть лицо тыльной стороной ладони, но остановилась, заметив, что манжет из белого превратился в темно-серый. Отличный цвет для платья! Губы расплылись в

улыбке. Однако спросила она учителя о вещах серьезных.

— Почему вы не с Королем?

— Ему сейчас нужен не я, — туманно ответил Грэм. — У меня к Инэю столько не располагающих к отдыху разговоров, что лучше нам не встречаться. Как минимум, до утра. А лучше до вечера.

— Разговоров о том, как Иган Эрсла создал пепел?

— Нет. Как он его сотворил, понятно. Это высшая погодная магия. Очень-очень грязная, — Грэм вытянул ноги и облокотился о верхнюю ступеньку. — Иган добавил в зелье собственную кровь. Зачаровал ее так, чтобы после его смерти она вызывала не снег. Оставил нам подарок на прощанье.

— Мерзость, — сердито фыркнула Мари. Каждая деталь, связанная с почившим погодником, вызывала отвращение. — Хорошо, что все закончилось.

— Закончилось? — Грэм закатил глаза. — Все только начинается, Ситэрра. Пепел сыпался по всей стране. Представляешь, какие убытки понесет Зимний Дворец? По многовековому договору, в случае неправильных осадков городовики имеют право не платить Королю за весь сезон. Нам придется затянуть пояса на целый год. Произошедшее — серьезный удар по нашей репутации. Что ни говори, а поквитался Иган на славу. Это не кошмарная заморозка Эзры Бураном, однако позорный пепел клану Дората тоже будут долго припоминать.

Мари объяснение Грэма не впечатлило. Один год Зимний Дворец не разорит. Глядишь, жители умерят аппетиты. Репутация клана Дората не тревожила вовсе. Королевское семейство посадило туда столько пятен, что и потомкам не отмыться.

— Как Ян? — справилась Мари о здоровье наследника. Почти двое суток минуло, как она вытащила мальчишку из ловушки сознания.

— Приходит в себя, — отозвался Грэм, зевая. — Хорт Греди требует, чтобы он оставался в постели две недели. Дондрэ не в восторге. Отчаянно протестует.

— Что будет с ву Колни?

— Пойдет под суд. Вопрос в том, что решат советники — заточить ее в тюрьму или изгнать к людям. Камир Арта в ярости. Покушение на жизнь юных стихийников он считает самым тяжким преступлением, — учитель примолк, собираясь с духом. — Спасибо тебе, — неожиданно поблагодарил он. — За то, что попросила Инэя не давить на племянника. Мальчику это пойдет на пользу.

Мари пожала плечами. Она не видела в своем поступке подвига.

Усталость брала свое, и стихийница попрощалась с Грэмом. Ни к чему вести бессмысленную светскую беседу и изображать приятелей. Учитель сам недавно изволил заметить — доверие он растоптал.

Сиротский дом встретил тишиной. Обитательницы, если и заметили необычные осадки, успокоились и разбрелись. Не зажигая лампы, Мари отыскала полотенце и ночную рубашку. Собралась на цыпочках прокрасться в умывальную комнату, но взгляд приковался к окну, за которым сыпались белые хлопья.

Мари взобралась на узкий подоконник. Ей, ненавидевшей Зиму, захотелось полюбоваться снегом. Помог кошмарный пепел. Или же картина за окном сегодня была, как никогда, потрясающей. Пушистые снежинки пританцовывали в воздухе под мелодию, слышную им одним. Ложились на землю аккуратно, опасаясь покалечить предшественниц. От серого месива, недавно взявшего Замок в кольцо, не осталось следа.

Мари подумала: Зима — не зло. Она может быть милостивой. Рука нащупала под платьем ледяной кулон и сжала, вновь ощутив не Зимнее тепло. Мари плохо представляла, как примириться с одним Временем Года и понять, что сулит второе, доселе не осознаваемое. Но одно знала точно — ей придется это сделать, если хочет жить в мире с собой.